

Полотно Пенелопы

Поль Альтер

Романы о докторе Твисте:

- 1987. La quatrième porte
- 1988. La mort vous invite
- 1989. La mort derrière les rideaux
- 1990. La chambre du fou
- 1991. La tête du tigre
- 1991. La septième hypothèse
- 1993. Le diable de Dartmoor
- 1994. A 139 pas de la mort
- 1995. L'image trouble
- 1995. La malédiction de Barberousse
- 1996. L'arbre aux doigts tordus
- 1998. Le cri de la sirène
- 1998. Meurtre dans un manoir anglais
- 1999. L'homme qui aimait les nuages
- 2001. L'allumette sanglante
- 2001. Le toile de Pénélope**
- 2005. Les larmes de Sibyl
- 2009. Les meurtres de la salamandre
- 2010. La corde d'argent
- 2012. Le voyageur du passé
- 2013. La tombe indienne

ПОЛЬ АЛЬТЕР

ПОЛОТНО ПЕНЕЛОПЫ

2020

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)
А58

Paul Halter

Le toile de Pénélope

Перевод Николая Баженова

Выдающийся энтомолог погибает в джунглях Амазонки. Его жена собирается вступить в новый брак, но... неожиданно муж возвращается.

Альтер, Поль

А58 Полотно Пенелопы : [детективный роман] / Поль Альтер; пер. с англ. – 2021. – 172 с.

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)

© Перевод. Н.Баженов, 2021

Хочу поблагодарить моего друга Винсента Буржуа за то, что подбадривал меня написать историю, в которой «запертая комната» была заперта таким странным образом. Без него «полотно Пенелопы» никогда не было бы соткано.

П.А.

I

ЗАПИСКА

6 августа 1936 г.

Сидя вокруг стола в «Чёрном лебеде» в конце душного дня, доктор Пол Хьюз и его друзья вновь подняли бокалы. Это был второй паб, который они посетили, и было очевидно, что останавливаться на этом они не собираются. На самом деле они запланировали посетить каждое подобное заведение в Вустере, прежде чем ночь завершится. Что могло оправдать такую честолюбивую программу? Отъезд к антиподам? Вступление в вооружённые силы?

Доктор Хьюз – за которого как раз был поднят тост – казался слишком старым для последнего. Среднего роста, приближающийся к сорока, он имел довольно заурядную внешность за исключением прекрасных светлых усов и очков с серебряной оправой. Спокойный человек с размеренной речью и жестами и доброжелательной улыбкой, он едва ли изменился со времени их последней встречи десять или больше лет назад в университетском зале. Умный, но недостаточно целеустремлённый, он стал тихим сельским врачом, как и предсказывали все его друзья да и он сам.

Не было никакой тайны в поводе для такой встречи. Несмотря на клубы дыма и нестройный шум, никто из посетителей «Чёрного лебедя» в нём не сомневался, потому что сотрапезники кричали во весь голос:

– Добрый старина Пол! Мы уж начали терять надежду. Ты, наконец, нашёл женщину своей мечты!

– Я уж думал, что ты примешь духовный сан!

– Трус! Теперь я – единственный оставшийся холостяк! Мог хотя бы предупредить меня!

Пол Хьюз лишь улыбался дружеским шуткам и даже саркастическим и громким выкрикам, которые всегда порождает алкоголь.

– Я просто счастлив видеть тебя снова, Пол, – объявил Уильям, крепкий мужчина с полными щеками и массой веснушек. – Прошло чертовски много времени. Не думаю, что мы встречались после получения степени.

– Я тоже, – добавил другой голос.

– Куда ушло всё это время? – спросил Генри – хмурый мужчина с костлявым лицом, украшенным бородой.

– Я никогда не покидал свой уголок в этом мире. Я был в Ройстоне с самого начала.

– Ройстон, это где? – поинтересовался Генри, освобождая бокал.

– Около Херефорда на валлийской границе.

– Звучит, как богом забытая дыра.

– Это крошечная деревня, окружённая садами, и она мне прекрасно подходит.

– Это верно, – кивнул полный Уильям, похлопав друга по спине. – Ты никогда не годился для высокого полёта. Твоя мать однажды сказала мне, что ты хотел стать сельским доктором ещё со времён, когда присосался к первой бутылочке.

– Кстати о бутылочках, – ко всеобщему смеху закричал один из друзей, – мой бокал пуст!

После нового раунда и большего количества тостов, появились новые вопросы:

– Когда же ты расскажешь нам о ней? Мы даже не знаем, кто она!

– Или на что похожа!

– Надеюсь, ты принёс фотографию, старина.

– Ты должен иметь её при себе. Поскольку, если нет, это значит, ты её не любишь!

– Ты прав, Билл, – согласился доктор, вытаскивая фотографию из кармана, – но я не такой.

Портрет, который он положил на стол посреди бокалов и пивных кружек, явил женщину с длинными светлыми волосами, разделёнными посередине и прекрасным овалом лица, в котором ангельская красота сочеталась с огромной добротой.

Но в её бледных голубых глазах была печаль, отстранённость и что-то ещё: странная смесь пустоты и спокойствия.

Послышались поздравления:

– Гм! Неплохо... совсем неплохо, – воскликнул записной бабник компании.

– Где ты нашёл эту красоту?

– Ладно, как её имя? Ты нам ещё его не сказал.

– Рут... Рут Фостер.

Доктор Хьюз объявил его со странной эмоцией, но никто этого не заметил.

– Она выглядит очень молодой, но думаю, ей между тридцатью и сорока?

– Да. Тридцать шесть, если быть точным.

– И она ждала всё это время, пока ты не попросишь её руки?

– Ну...

– Что они там в Ройстоне – все слепые?

– Слепые? – печально повторил Пол. – Вы не знаете, что говорите, друзья мои, потому что...

– Ты нас разыгрываешь? – спросил Уильям. – Едва ли могли не заметить столь великолепное существо даже на таких задворках, как Ройстон!

– Я не это хотел сказать... Кроме того, Рут уже была замужем.

– Уже была? Я думаю!

– Но скажи мне, Пол, надеюсь, ты не сбил такое очаровательное существо с праведного пути? Не убедил её развестись...

– Рут не разведённая... она вдова.

Повисла тишина, во время которой Доктор Хьюз устался на фотографию, а затем добавил:

– Вдова в течение двух лет. Но фактически мы знаем друг друга с детства, и я всегда любил её. Я был очень удивлён, встретив её в Ройстоне, когда туда приехал.

– А что произошло с её мужем?

– Он подвергся жестокому нападению...

– Незнакомца в тёмном переулке? – подозрительно спросил Генри.

– Нет, это было около реки...

– Пол, только не говори, что...

– Нет-нет! – перебил Уильям. – У Пола никогда не хватило бы нахальства сделать это.

– Большое спасибо, Билл.

– Он использовал бы более тонкий способ, например, мышьяк или наперстянку, что для деревенского доктора просто пустяк.

– Спасибо, Билл, за удар в спину.

– И он от этого умер? – упорствовал Билл с иронической улыбкой.

– Не совсем. Почему вы не даёте мне закончить... Прежде всего, знаете, кем он был? Имя Фредерик Фостер вам ничего не говорит?

– Профессор Фредерик Фостер? Энтомолог, который отправился в Южную Америку и не вернулся?

– Правильно, – сказал Генри, почёсывая затылок. – Я не забыл статью о его исчезновении. Он поехал туда, чтобы изучать какие-то редкие виды пауков, не так ли?

– Да, это была его специальность. Результаты его исследований с нетерпением ожидалось научным миром... но напрасно. Он уехал из Англии три года назад. После нескольких месяцев в Бразилии о нём ничего не было слышно.

– И, кажется, вскоре после этого нашли его тело?

– Да, на берегу реки. Беднягу убила группа дикарей. Если честно, мы уже и так оставили надежду увидеть его живым, но даже в этом случае новость о его смерти оказалась сильным потрясением... Я... Я...

– Она тебя здорово огорчила? – насмешливо спросил Генри.

– Если честно, то нет, – смущённо признал Хьюз. – И именно это меня беспокоило. Поскольку в этот момент я понял, что Рут станет моей женой.

– Хм... Но вы прождали два года!

Молодой доктор перед ответом спокойно допил бокал:

– Для такой деревни, как Ройстон, это не слишком долго. Особенно потому, что слухи уже поползли. Обоснованные слухи, поскольку я всегда любил Рут, несмотря на болезнь, которая с ней тогда приключилась.

Повисла новая тишина. Манера молодого доктора и тон предполагали, что болезнь эта была довольно тяжёлой.

– От чего она страдает? – спросил робкий голос.

Хьюз печально улыбнулся.

– Сейчас кто-то спросил, что они там, в Ройстоне, все слепые. Ну, так вот, она – да. На расстоянии она может видеть только тени, а вблизи различать лица. Это болезнь сетчатки, которая заставляет изображение постоянно дрожать, словно всё вокруг трясётся.

На всех лицах появилось сочувствие, и никто не мог найти слов. Доктор продолжил, сказав, что серьёзное несчастье, как это ни парадоксально, сблизило их.

Болезнь проявилась десятью годами раньше – вскоре после брака Рут, и состояние постоянно ухудшалось. Одна-

ко она могла наслаждаться очарованием Ройстона с его тюдоровскими домами и садами. Красивый дом, который Фредерик Фостер унаследовал от отца, стоит на краю деревни, окружённый деревьями и изгородями. Первые несколько лет их брака были относительно счастливыми, прежде чем болезнь действительно развилась, и она с искренним удовольствием приветствовала своего старого друга, когда тот постучал в дверь, чтобы представиться новым деревенским врачом. Для Пола Хьюза это было больше, чем просто удовольствие, и он прилагал массу усилий, чтобы это скрыть.

В течение следующих нескольких лет было форменным мучением стараться помочь ей и успокоить её, поскольку состояние ухудшалось, и он даже стал учить её шрифту Брайля. Затем между ними произошло что-то важное, что они были вынуждены держать в секрете.

В последующие годы стало ещё хуже. Фостер всё больше занимался работой и всё меньше и меньше женой, и много времени проводил вне дома. Хьюз стоически скрывал свои чувства, но это становилось всё труднее.

За год до того, как он уехал в Бразилию, профессор взял в дом восемнадцатилетнюю крестницу Пенелопу, которая потеряла обоих родителей. Живая, очень симпатичная и совершенно раскованная, она постоянно сеяла смуту среди местной молодёжи и приходила домой среди ночи. Фостер с большим трудом заставлял её придерживаться даже основных правил приличного общежития и часто вынужден был выезжать среди ночи на её поиски, разъярённый и клянущийся, что больше этого не допустит.

После исчезновения профессора настала очередь Рут приветствовать члена её семьи: майора Эдвина Бро, который вернулся из Египта после ухода в отставку с действительной военной службы. Не зная, куда ещё пойти, он про-

вёл несколько дней в доме и полюбил его так, что не захотел уезжать. Вскоре после этого прибыл ещё один «потерпевший кораблекрушение», – Джеймс, единственный племянник Рут, родители которого только что погибли в железнодорожной катастрофе. Джеймсу только что исполнилось двенадцать, и он стал родным для Рут, поскольку собственных детей у неё не было. Он был умственно развитым не по годам, особенно в физике и математике, но одновременно удивительно незрелым и склонным к фантазиям. Много времени он проводил, играя с марионетками, как ребёнок вдвое меньшего возраста.

Однако его юность и беззаботность помогли рассеять печаль, которая наполнила дом после трагической смерти Фостера. Всё стало ещё лучше, когда Рут и Пол поняли глубину их чувства друг к другу. Но до недавнего времени вопрос о браке не поднимался.

– Кроме того, – объяснил Пол, – мы ещё не сделали формальных шагов. Но они запланированы на следующую неделю. Я поторопил события, потому что это была возможность снова увидеть всех вас после столь многих лет.

Маленькое сборище горячо приветствовало эти слова, и Генри с трудом смог перекричать остальных, когда начал:

– Пол, надеюсь, ты простишь наши ранние глупые замечания. Мы не понимали... и твоя невеста настолько красива... и нам действительно грустно, что...

Ободрённый количеством выпитого, Пол ударил по столу кулаком:

– Но вы не понимаете! Я очень счастлив, и Рут тоже. Верно, мы долго страдали, но теперь мы – самая счастливая пара на земле. Выпьем за это!

Последовавший взрыв аплодисментов был прерван молодым посыльным, который подошёл к столу, чтобы спросить, нет ли здесь доктора Хьюза.

– Это я, – подтвердил доктор, с подозрением глядя на гонца. – Что вы хотите, юноша?

– Меня попросили передать это вам, – ответил тот, протягивая конверт.

Глаза доктора зажглись недобрым светом.

– Если случилось что-то серьёзное, я оставил строгие инструкции, что делать в моё отсутствие.

Вновь прибывший пожал плечами:

– Я не знаю, сэр. Меня попросили доставить это лично, и я потратил много сил, разыскивая вас. Это от миссис Рут Фостер.

– Очень хорошо, – сказал Пол, вручая юноше чаевые.

Он открыл письмо, улыбка замёрзла на его лице, и сам доктор замер, словно оцепенев.

– Что такое, Пол? – спросил Уильям. – Твоя маленькая Рут пишет, что пора возвращаться?

С лицом белым, как листок бумаги, Пол Хьюз издал невнятный звук.

– Ну вот, прекрасное положение. Твоя будущая жена уже держит тебя на коротком поводке. Что же будет, когда вы станете фактически женаты?

Что-то явно было не так, и Уильям внезапно остановился. Он приблизился к другу и прочёл письмо вслух:

Фредерик жив. Тело неправильно идентифицировали.

Он будет здесь послезавтра.

Возвращайся, как можно скорее, прошу тебя!

Рут

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ

8 августа

Майор Эдвин Бро, дядя Рут, был коренастым, мускулистым мужчиной с румяным лицом, который, казалось, постоянно страдал от жары. Независимо от сезона, он всегда носил рубашки с коротким рукавом и коротко стриг седую шевелюру. Усевшись за столом в южном конце коридора, который шёл по всей длине дома, он занимался возведением карточного домика – любимое времяпрепровождение, которое, по его словам, помогало сохранять терпение и спокойствие.

Время от времени он поднимал голову, чтобы проследить, кто вошёл в коридор, а кто вышел. Контролировать ситуацию, следить за перемещениями людей, быть всегда начеку и в постоянной готовности вмешаться – всё это были старые рефлексy, приобретённые за долгое пребывание в Африке. С того момента, как он переехал в «Чёрный дом», он выбрал это место в качестве наблюдательного пункта. Стратегическая точка и вместе с тем приятное место, хорошо освещённое с соседней стеклянной веранды. Само собой разумеется, он тщательно изучил диспозицию, прежде чем сделать выбор.

Ройстон был очаровательной и мирной деревней, расположенной у подножья холма и пересекаемой притоком реки Рай. Сосредоточенная вокруг старой гранитной церкви, деревня, казалось, спала в зелёном окружении, кроме

тех случаев, когда готовили сидр – главное событие года. Сосед Фостеров Сандерс был одним из самых известных производителей этого напитка.

Окружённый садами, «Чёрный дом», который был построен во времена правления королевы Елизаветы, получил своё имя от чёрных дубовых балок, используемых при строительстве в тот период. Отец Фостера, который нашёл состояние в Индии, произвёл многочисленные модификации. Дверь и оконные рамы заменили, как и половицы и довольно много панелей обшивки. Чтобы компенсировать сумрак, создаваемый деревьями и высокими изгородями, построили красивую террасу в колониальном стиле, а также обширную веранду, в стенах которой, примыкающих к дому, сделали эркеры, чтобы обеспечить максимум света. Именно по этой причине майор выбрал место в коридоре, даже при том, что Ройстон едва ли нуждался в наблюдении. Однако привычки, приобретённые к шестидесяти годам, умирают с трудом, и Эдвин Бро слишком долго жил рядом с опасностью. К тому же, его небольшая хромота (результат стычки с вооружёнными мятежниками) мешала ему заниматься более активным отдыхом.

Пока все его мысли были сконцентрированы на неизбежном возвращении профессора Фостера, которого ожидали тем самым утром. Стараясь быть беспристрастным, он задавался вопросом, принесёт ли радость это событие. Очевидно, ответ зависел от точки зрения.

Для прессы это была возможность, ниспосланная Небесами. Множество ежедневных газет пестрело заголовками: «Возвращение чудом выжившего из Зелёного Ада!» «Он сбежал от охотников за головами после трёх лет амазонского плена!»

Маленький Джеймс горел от нетерпения снова увидеть дядю даже при том, что помнил его смутно. Он считал дядю

героем и мечтал услышать о его захватывающих приключениях.

Великолепная Пенелопа казалась столь же взволнованной, как юноша, но всё-таки она была достаточно взрослой, чтобы знать: радостные воссоединения редко свободны от огорчений. В силу характера она нервно двигалась, что-то насвистывая, но майор несколько раз перехватил её хмурый взгляд из под красиво очерченных бровей.

Что касается него самого, здравомыслящего и разумного человека, Эдвин Бро жил надеждой. Он едва знал мужа племянницы, встретив его лишь однажды вскоре после их свадьбы. Тогда он произвёл хорошее впечатление, но никто не может предсказать реакцию профессора в нынешних обстоятельствах. Как воспримет он пребывание отставного военного под своей крышей? Позволит ли продолжать заниматься вещами, которыми тот был занят в «Чёрном доме»? В любом случае ему придётся признать, Бро оказался эффективным и добросовестным администратором. Он сократил внутренний штат прислуги до очень эффективной пары средних лет: дворецкого Джона Бэйтса и его жены Шарлотты, которых профессор не знал, поскольку их приняли на работу вскоре после его отъезда. Что касается садовников, их привлекали по мере необходимости. Фактически единственные экстравагантные расходы были связаны с Пенелопой, которая вела себя как испорченный ребёнок, непредсказуемый и капризный. Майор решил, что лучшая стратегия – подождать и посмотреть (так научил его опыт).

Для его племянницы Рут ситуация не могла быть хуже. С одной стороны, женщина была счастлива узнать, что её муж всё ещё жив, но с другой, его возвращение выбило у неё почву из-под ног, подвергая опасности её новую любовь. Она столкнулась с жестокой дилеммой, из которой

не было очевидного выхода. С момента, как она узнала новость, она находилась под действием успокоительных лекарств. Доктор Хьюз, казалось, реагировал на ситуацию стоически, но его бледность выдавала глубокое потрясение. Единственной его заботой стало здоровье Рут.

Поскольку официально никаких объявлений не делали, немногие знали о матримониальных планах. Но в такой небольшой деревне, как Ройстон, слухи могут распространяться как пожар. Вопрос состоял в том, сообщить ли мужу о ситуации сразу по его приезде. Хранить молчание казалось одиозным лицемерием, но сказать ему правду прямо – значит нанести удар на самой встрече. Майор посоветовал паре подождать и довериться времени и врождённой человеческой мудрости, которая, как он считал, обычно решает все проблемы в мире. Было решено вначале промолчать, но ничего не скрывать, если возникнет необходимость говорить.

Когда он услышал звук легкового автомобиля, майор понял, что фатальный момент настал. Он с трудом сглотнул и решительно встал со стула.

Момент возвращения профессора навсегда отпечатался в памяти майора. Было уже очень тепло в это время дня – как раз перед полуднем. Солнце отражалось от белого гравия дороги и заставляло искриться хром автомобиля. Все домочадцы стояли на крыльце в неловком ожидании. Как только автомобиль остановился, одна из дверей открылась. Вышел энтомолог в лёгком фланелевом костюме. Вопреки всеобщим ожиданиям он, казалось, явно нервничал. Майору Бро, который видел его больше десяти лет назад, показалось, что профессор постарел. Он сильно похудел, обзавёлся густой бородой, а каштановые волосы тронула седина. Несмотря на широкую улыбку, лицо его носило следы боли и страдания. Рут сделала несколько шагов вперёд и

упала, рыдая ему на руки, лицо её просто купалось в слезах. За ней приблизилась также плачущая Пенелопа.

Джеймс начал объяснять, как он победил множество охотников за головами...

После нескольких эмоциональных минут профессор Фостер выпрямился и объявил:

– Я столь же счастлив, как Одиссей в конце долгого путешествия!

3

ВЕРНАЯ ПЕНЕЛОПА

Заявление профессора поначалу могло показаться совершенно уместным, но, вспоминая об этом, майор подумал, что почувствовал нотки иронии в комментариях, которые тот сделал впоследствии: «Это было очень любезно с вашей стороны, майор, заботиться о вашей племяннице всё это время. Ваша преданность делает вам честь». Или, узнав, что Рут согласилась стать опекушкой племяннику: «Ну, во время моего отсутствия семья определённо выросла! Всё это к лучшему, потому что я всегда считал, что дом без детей – пустой дом».

Лишь во время ланча он более подробно рассказал о своих невероятных несчастьях в амазонских джунглях и о стечении обстоятельств, которые привели к ошибке в опознании тела. Его аудитория, ловящая каждое слово, на некоторое время забыла о проблемах, созданных его возвращением.

– Одна из первых трудностей, с которой я столкнулся, когда приехал, это найти компаньона для путешествия, кого-то, кто был бы и опытным проводником, и зоологом. Мне повезло познакомиться с неким Питером Томпсоном, американцем, живущим в Рио-де-Жанейро, – он удовлетворял обоим критериям. Кроме того, он физически был похож на меня, что и привело затем к неожиданным последствиям.

– Но вы никогда не упоминали его в письмах, – заметила Пенелопа.

Фостер посмотрел на неё с отеческой улыбкой:

– Дорогая, у меня было очень много вещей, о которых нужно было подумать при подготовке экспедиции, я едва успевал поворачиваться. Моя цель состояла в том, чтобы достигнуть неизведанных областей в северной части Мато Гроссо, двигаясь вверх по Амазонке. Всё шло гладко до Сантарена, откуда я послал вам своё последнее письмо, насколько мне помнится.

– Оно к нам так и не пришло, – вздохнула Рут всё ещё со слезами на глазах.

– Меня это не удивляет, – проворчал профессор. – Почтовая служба там не может сравниться с нашей, как и очень многое другое. Так или иначе, от Сантарена мы двинулись по притоку и подверглись нападению группы дикарей. Туземцы, которые сопровождали нас, не стали драться, а разбежались, как кролики. Питер оказал упорное сопротивление, которое позволило мне убежать. Когда я оглянулся, то подумал, что у него нет никаких шансов вернуться живым. Что касается меня, я бежал во весь дух. Дикари преследовали меня несколько дней, и даже сейчас я всё ещё не понимаю, каким чудом спасся, если не чистым везением. Я лишился возможности ориентироваться, а поскольку, как говорят: «пришла беда – отворяй ворота», меня захватило другое племя, которое тащило меня по джунглям несколько недель. Как только мы пришли в их лагерь, они сняли кандалы, потому что знали: враждебное окружение – лучшая тюрьма. Это было началом моих несчастий, а про остальные я расскажу потом. Позвольте только сказать, что они привыкли ко мне и дали определённую свободу, что позволило продолжать проект: исследование новых видов пауков. Именно этот проект позволил мне пережить испытания, которые, как мне казалось, никогда не кончатся. Я считал дни в течение двух лет и не видел

ни малейших признаков цивилизации. Я достиг того, что стал беседовать с пауками, которых поймал.

– О Боже! – воскликнула Пенелопа, – мне такое и в голову не пришло бы!

– Однажды, когда терпения уже не осталось, я решил: пан или пропал, и убежал. Теперь это может показаться безрассудным, но мне терять было нечего. Я решил идти вдоль ближайшего ручья, рассуждая, что в конечном счёте он должен привести к главной реке, а отсюда – к морю, где я нашёл бы порт. Это был один из самых жестоких периодов моей жизни, потому что нет более враждебного окружения в мире, чем те джунгли, справедливо названные Зелёным адом.

– Это, вероятно, единственное опасное место в мире, в котором я не побывал, – вмешался майор Бро, – но охотно верю.

– Голод, жажда, облака москитов, удушающий зной, проливные дожди, лихорадка – всё обрушилось на меня, когда я тащил большой ранец, содержащий мои трофеи.

Пенелопа широко открыла удивлённые глаза:

– Трофеи? Какие трофеи? Золото? Алмазы?

– Нет, пауков. Я не бросил бы их ни за что на свете. Мне повезло: блуждая бесцельно, чуть живой, я встретил намного более гостеприимную группу индейцев, которые позаботились обо мне и, наконец, привели в деревню, откуда я в конечном счёте смог добраться до города Манауса и узнал, что официально я мёртв... Теперь, когда я думаю об этом, тело моего проводника вернули на родину?

– Мы действительно хотели это сделать, считая, что это ты, – ответила Рут, кладя ладонь на руку мужа, – Но нам сообщили, что его смыло наводнением вместе с остальной частью деревни.

Фостер печально кивнул.

– Да, такое там нередко. Или всё сгорает от жары, или всё затопляет. В любом случае бедный Питер был в таком состоянии, что легко было ошибиться.

– Но кажется, его лицо всё ещё можно было опознать, и бумаги, найденные на теле, были твоими.

Профессор нервно провёл рукой по волосам:

– Это вполне возможно, учитывая, что мы иногда обменивались личными вещами в зависимости от задач, которые решали. Иногда один из нас читал карту, пока другой рубил дорогу с помощью мачете. Иногда роли полностью менялись. Но какое это имеет значение? Главное, что я вернулся живой и здоровый.

Все согласно кивнули, но некоторые лишь после секундного колебания. Последовало молчание, которое нарушил юный голосок Джеймса, светловолосого паренька с веснушчатым лицом и пронзительными голубыми глазами.

– Но что с пауками, дядя Фредерик? – спросил он. – Где они? Вы оставили их там?

Профессор улыбнулся и нежно провёл рукой по волосам мальчика.

– Нет, малыш. Как я сказал, я не бросил бы их ни за что на свете, потому что среди них есть несколько очень редких экземпляров, некоторые из которых до сих пор неизвестны. Они в моём багаже – в специально изготовленном ящике-клетке. Но нам следует быть осторожными, потому что некоторые из них опасны.

Все почувствовали дрожь, особенно Пенелопа, которая воскликнула:

– Что? Опасные пауки здесь, в этом доме?

Фостер ласково улыбнулся ей.

– Успокойся, не все ядовиты. Есть даже паучиха, которую я фактически приручил. Хочешь посмотреть?

Молодая девушка подняла руки в защитном жесте.

– Нет... нет причин для спешки.

– Фактически, она – настоящий домосед. Трудно убедить её покинуть угол, в котором она решила сделать дом. Кроме того, у неё очень хорошо развиты органы, выделяющие паутину.

– Она строит гигантские сети? – спросил заинтригованный майор.

– Нет, её сети нормального размера, но она может прясть их намного быстрее, чем её сёстры. Это – неизвестная разновидность, и, насколько я знаю, о ней никогда не упоминалось. Между прочим, знаешь, как я её назвал?

– Арахно-то или Арахно-сё? – нерешительно спросила девушка, отодвигая кусок пирога, который Шарлотта Бэйтс, бодрая женщина средних лет, поставила перед ней.

Лицо Фостера озарила широкая улыбка:

– Нет, дорогая, я назвал её Пенелопой...

Майор, который, как раз смотрел на молодую женщину, считал её очень красивой. Богатые тёмные волосы контрастировали с белизной кожи и алыми губами. Её синее шёлковое платье, перетянутое на осиной талии, не скрывало соблазнительных округлостей. Не впервые он делал этот вывод, но её внезапный испуг и широко открытые голубые глаза, казалось, подчёркивали её изящную красоту.

– Н-но почему? – запнулась она. – Я не паук, дядя Фред!

– Нет, но я уверен, ты слышала об античной Пенелопе, которая ткала и распускала саван, честно ожидая возвращения своего мужа – Одиссея...

4

ПАУК НА СВОБОДЕ... К ХОРОШЕЙ ПОГОДЕ?

15 августа

Миновала почти неделя, когда маленький Джеймс прошёл по главному коридору и постучал в дверь кабинета профессора Фостера. На пути он увидел майора, сидевшего на веранде и строящего очередной картонный домик. Обычно он останавливался посмотреть. Терпение и спокойствие бывшего военного всегда очаровывали его. Но сегодня у него были другие планы, и глаза горели в предвкушении.

Он подождал ответа, прежде чем войти, поскольку знал из опыта за последние несколько дней, что его дядя был поборником хороших манер. Добрый, но сторонник жёсткой руки. Его распоряжения не обсуждались. Джеймс вошёл и оглядел то, что раньше было пространством для игр. Теперь здесь царили чистота и порядок, несмотря на многочисленные баулы и чемоданы. Напротив двери стоял огромный стол. Он примыкал к западной стене, в которой три маленьких окна пропускали лишь скромное количество света из-за окружающих деревьев и изгородей. В солнечные дни лучи солнца окрашивали золотом дубовые панели на стенах и усиливали тени и таинственную атмосферу комнаты. Как часто Джеймс разглядывал большой глобус на столе и мечтал о фантастических приключениях! Он любил забираться на кровать под балдахин, стоящую справа рядом с платяным шкафом, но теперь это исключалось, потому что дядя иногда дремал на ней.

– Ага! Вот и ты, Джеймс, – встретил его Фостер радушной улыбкой. – А я задавался вопросом, преодолет ли любобпытство твой страх.

– Я не боюсь, – спокойно ответил мальчик, – и майор может это подтвердить, потому что однажды ночью...

– Прекрасно. Но заходи. Я хочу показать тебе что-то удивительное.

Джеймс последовал за учёным и подошёл к открытому третьему окну справа от стола, где стояло кресло с высокой спинкой. Поперёк окна висела паутина, образуя чудесный геометрический рисунок. Кончиком линейки Фостер тщательно очистил проём. Несколько секунд спустя показался большой чёрно-жёлтый полосатый паук, висящий на почти невидимой нити.

– Дорогой Джеймс, позволь представить Пенелопу. Не бойся, она очень общительна... – Приблизившись к паучихе, он обратился к ней: – Привет, моя ненаглядная. Прости, что навёл такой беспорядок, но ты должна постоянно тренироваться. А теперь покажи нам, как ты умеешь!

Ученица профессора принялась с удивительной скоростью прядь новую паутину.

– Видишь, – гордо объявил Фостер, – через несколько минут всё будет кончено.

– Удивительно!

– Вовсе нет. Как я сказал, Пенелопа очень дружелюбна и послушна. И место очень удобное. За той изгородью к западу находятся конюшни Сандера.

– Очень красивая работа, – сказал Джеймс, рассматривая паучиху поближе.

– Вот увидишь. Как только сеть будет закончена, никто не сможет через неё проскользнуть. Фактически это как противомоскитная сетка. Теперь позволь мне показать тебе её старших сестёр.

С этими словами профессор стал на колени перед кроватью и вытащил большой сундучок со стеклянной крышкой. Внутри было несколько отделений с крошечными отверстиями для вентиляции. В каждом отделении сидел огромный паук – довольно уродливое создание. Джеймс не смог унять дрожь: он никогда не видел таких чудовищных пауков!

– Тот, с зелёным ромбом на спине, – воскликнул Фостер, – относится к семейству чёрных вдовцов. Даже не думай прикасаться к нему, потому что его укусы смертельны. Волосатый монстр рядом с ним – паук-птицеед. Огромный тарантул, прячущийся в углу, столь же опасен. И нужно быть осторожным с остальными, даже если их укусы и не столь ядовиты.

– Вы уже показывали их другим? – спросил мальчик, очарованный и напуганный одновременно.

– Да, но не могу сказать, что это была любовь с первого взгляда. Бедная Пенелопа побледнела как мел, и должен сказать, майор выглядел ненамного лучше. Ты – самый храбрый из семьи, Джеймс!

– После вас, дядя Фред, потому что нужна была большая храбрость, чтобы пересечь джунгли и сбить со следа охотников за головами!

К тому времени, как Фостер по настоянию своего молодого поклонника вновь пересказал свои приключения, Пенелопа закончила сеть, но Джеймс не хотел менять тему.

– Скажите, дядя Фред, те дикари правда хотели вас убить? Они держали вас в плену почти два года, и вы внезапно сбежали!

Фостер, теперь удобно устроившийся в кресле, ответил со слабой улыбкой:

– Да, это вполне возможно.

– Если бы они поймали вас, я уверен, они бы вас убили!

– Меня бы это не удивило.

– Но, скажите, они действительно были очень маленькими?

– Крошечными.

– Как лилипуты, которые захватили Гулливера? Вы помните, когда я был маленьким, вы рассказывали мне всякие истории.

– Я видел тебя не часто, но это я действительно помню. Это было до того, как ты уехал в Лондон. Тебе, должно быть, было шесть или семь лет.

– Каждый раз, когда вы приезжали с тётей Рут, вы читали мне истории. Мне нравилась «Тысяча и одна ночь», но больше всего я любил «Путешествия Гулливера».

Улыбка Фостера стала шире.

– Гулливер, захваченный лилипутами... Да, помню, как ты слушал.

– Вы когда-нибудь думали, что однажды окажетесь пленником лилипутов?

– Честно говоря, нет. Но жизнь полна неожиданностей.

Профессор произнёс последние слова изменившимся голосом, но Джеймс, казалось, этого не заметил.

– Я помню, что когда приехал жить сюда, то был очень несчастен. Из-за мамы и папы, конечно, но также и потому что тётя Рут была совершенно одна и вас здесь не было. Поэтому я сделал модель Гулливера, захваченного лилипутами, и хочу показать её вам. Она где-то здесь в комод.

– Как-нибудь в другой раз, Джеймс, пожалуйста. Мне приходится тратить много сил, разбираясь с делами, и я немного устал.

– Вы спите здесь днём?

Вопрос застал учёного врасплох.

– Гм, да... иногда... Рут тоже устала, и доктор Хьюз дал её снотворное.

– Я спросил вас из-за пауков под кроватью.

День приближался к концу. В спальне Рут перед открытым окном доктор Пол Хьюз, казалось, полностью ушёл в созерцание сада, медленно заполняющегося тенями. В сумраке вид знакомого пейзажа, медленно окутываемого темнотой, напомнил ему о том, как исчезает его собственная жизнь. Неопределённость ситуации огорчала ещё больше. Он повернулся к Рут, сидящей в кресле рядом с кроватью, её взгляд ничего не выразил.

– Думаешь, он знает? – спросил доктор.

– Он ничего не сказал.

– Знаю, но как ты думаешь?

Лицо миссис Фостер приняло усталый вид.

– Я действительно не знаю. Большую часть времени он проводит в кабинете. Всякий раз, когда он заговаривает со мной, тон его явно легкомысленный.

Доктор Хьюз пригладил усы.

– Однако он должен знать. Ему мог сказать любой. То, что он назвал того паука Пенелопой якобы из-за её таланта ткать, не случайность. Верная Пенелопа, ткущая саван, пока ждёт Одиссея? Чем больше я об этом думаю, тем очевидней смысл.

– Я думаю, ты видишь проблемы всюду, Пол. Я, как и ты, согласна, что это намёк, но адресован он его крестнице. Он дал пауку её имя из иронии, поскольку, как ты хорошо знаешь, девушка очень непостоянна. Разве ты не помнишь, он всегда её в этом упрекал?

Пол Хьюз потёр шею. Как раз, когда недавно он подъезжал к «Чёрному дому», он увидел Пенелопу за рулём кабриолета. Он решил было, что возвращение Фостера заставит её несколько умерить вечерние выезды, но явно было, что этого не произошло.

– Да, – сказал он наконец, – это вполне возможно. Она играет с огнём, и однажды опалит крылышки. Недавно я посетил дом Сандеров, чтобы осмотреть молодую Барбару. У

неё сильная простуда, но она столь подавлена, что сердце разрывается. Ты знаешь, она была почти помолвлена с Мэттом, сыном мэра? Затем на сцену вышла Пенелопа и отбила его. Барбара просто в ярости, и её гнев направлен против всей семьи Фостеров. Она возродила ссору между отцом и твоим мужем о границах земель. Сейчас она в лихорадке и почти в бреду, но я уверен, она всё помнит.

Повисло молчание, а потом доктор продолжил:

– Однако я не могу удержаться от мысли, что замечание Фредерика было адресовано нам двоим, тебе и мне. В любом случае он просто обязан всё узнать.

Порыв ветра донёс отдалённое блеяние ягнёнка, словно странное эхо слабого и дрожащего голоса Рут:

– Пол, мне кажется, я сойду с ума, если ситуация вскоре не прояснится. Мы должны принять решение.

Доктор взглянул на карманные часы и пожал плечами:

– Ты – единственная, у кого есть право это сделать.

– Я, кажется, вообще не понимаю, где я и что я.

Лицо Пола внезапно затуманилось:

– Что это значит?

Голубые глаза Рут наполнились слезами. Голова наклонилась в сторону, и золотой локон коснулся щеки.

– Не знаю... Я больше не знаю, – пробормотала она. – Я не хочу жить...

Пол нежно взял её за руку.

– Будь храброй, любимая. Я дам тебе кое-что, а затем ты должна лечь. Завтра, при свете дня, мы сможем взглянуть на ситуацию более спокойно.

Сначала, это был лишь слабый зуд, щекочущий пятку. Но затем странное покалывание начало перемещаться... Оно двинулось к её колену, затем добралось до живота и отступило.

Пенелопа неподвижно лежала на кровати, весь лоб залит потом. Она чувствовала себя слишком усталой, чтобы включить прикроватную лампу и взглянуть на часы. Она предположила, что сейчас ещё середина ночи, поскольку вернулась около двенадцати часов. Подробности того, что произошло, медленно возвращались. Старый приятель пригласил её отпраздновать день рождения, во время которого позволил себе вольность, что заставило её дать ему пощёчину. Она принесла извинения, но другие гости обязали её выпить десять рюмок портвейна. Ей едва удалось благополучно добраться домой...

Ощущение шелковистого прикосновения к ноге появилось снова – она задалась вопросом, может это просто из-за алкоголя. Голове было жарко, словно горячие пары окутывали её подобно жаркому дыханию тропического леса... Она вообразила себя, отчаянно пытающуюся прорубить путь через джунгли. Отовсюду доносился шум, и казалось, десятки глаз наблюдают за ней. Впереди шёл какой-то мужчина, одетый как путешественник, – не кто иной, как профессор Фостер. Он упорно шёл через Зелёный ад, из которого никто никогда не возвращался. Внезапно он остановился и указал на что-то на земле, скрытое под гигантским листом. Это было что-то приземистое, толстое, и волосатое... и оно двигалось...

Это был тот же жест, который Фредерик Фостер сделал на днях в своём кабинете. Он улыбался тогда, несмотря на то, что она почти не находила себе места при виде чудовищных пауков, которых он держал под кроватью. Это была какая-то копошащаяся путаница из ног и волосатых тел. По сравнению с ними, паук, живущий в окне, был просто милашкой.

Она не могла вообразить, чтобы кто-то мог спать с такими монстрами под кроватью. Она просто не смогла бы

закрыть глаза. Девушка чувствовала, что пот течёт по вискам, и покалывание в ноге становится всё сильнее. Теперь оно походило на укус...

Внезапно она выпрямилась, словно пронзённая пылающим мечом. Её горло парализовало ужасом, но сначала она не могла издать ни звука. Когда же ей это удалось, крик её потряс «Чёрный дом» до самого фундамента.

5

ФОТОГРАФИЯ

Майор Бро торжественно поставил на место последний кирпичик карточного домика, несмотря на небольшую непривычную дрожь в пальцах. Вплоть до сих пор он всегда выказывал замечательное спокойствие даже в самые критические моменты. Неужели это действительно начало старости? Или, что ещё хуже, какое-то внешнее влияние? Такое замедление реакции дорого стоило бы ему, когда он служил в Судане. Поскольку в жизни есть моменты, когда задержка в доли секунды может оказаться фатальной. Многие из его товарищей по оружию могли бы это подтвердить – те, кто выжил.

Раздумывая обо всём этом, он пришёл к выводу, что действие, каким бы опасным оно ни было, не так изматывает, как терпеливое ожидание, когда покажется враг. Даже когда вы чувствуете, что он рядом и, возможно, скрывается позади пальмы или за дюной. Солнце припекает голову, словно чтобы проверить вас и увеличить пытку, но ничего не происходит. Враг, столь же невидимый, как воздух, всё ещё не показывается...

Таковыми были самые волнующие эпизоды в его долгой карьере солдата, и точно так же он чувствовал себя в «Чёрном доме». Он ощущал скрытую опасность в стенах – невидимую, но столь же реальную, как горсть горячего песка. Так говорил его инстинкт, а он никогда не подводил. Как понять причину? Действительно ли это те небольшие «волосатые бразильцы», которых привёз Фостер?

Он пожал плечами. Ему действительно не нравилась их компания, и хорошего удара ботинком было бы вполне достаточно, чтобы превратить их в кашу. Улыбаясь, он вынул карту из основания домика и смотрел, как тот аккуратно сложился. Он был уверен, что, если бы дело происходило предыдущей ночью, домик разлетелся бы от колебаний, которые встряхнули «Чёрный дом» в результате истеричного крика Пенелопы. В мгновение ока все столпились в спальне молодой женщины, явно оказавшейся во власти жуткого кошмара. Паук, который якобы укусил её, оказался лишь плодом её воображения. На всякий случай они, однако, обыскали комнату, а Фостер убедился, что все его маленькие питомцы на месте. Ни один не пропал.

Пенелопа быстро оправилась от испуга и фактически забыла об этом случае уже на следующий день. Майор же решил, что напряжённость растёт и пришло время действовать. Ожидание слишком затянулось. Но что делать? Вот вопрос, на который, казалось, не существовало ответа. Фостер, с его улыбкой сфинкса, не поощрял разговоров на эту тему. Пенелопу беспокоили лишь личные проблемы. Джеймс – слишком мал, Рут в отчаянии, а доктор Хьюз чувствовал себя более неловко, чем когда-либо раньше. Но нельзя было всё оставлять как есть, подумал он, когда услышал шаги в коридоре.

Он поднял голову и увидел Бейтса, дворецкого. Высокий пятидесятилетний мужчина излучал респектабельность, несмотря на более скромную роль, так как майор уменьшил домашний штат. Пришёл ли он, чтобы объявить о прибытии ещё одного раздражающего журналиста, которые вились вокруг дома с момента возвращения хозяина? Нет, он не слышал, что дверной звонок звонил.

– Да, Бейтс, что такое? – спросил он, собирая карты.

Дворецкий торжественно ответил:

– Я хотел бы показать вам кое-что, сэр. Но прежде, чем я это сделаю, я хотел бы заверить вас в моей чрезвычайной преданности этому дому и его жителям.

– Конечно, Бейтс, никто в этом не сомневается. Так в чём дело?

Слуга быстро взглянул на него и опустил голову.

– Это довольно деликатное дело. Шарлотта кое-что нашла этим утром в кабинете профессора, когда делала уборку. Нечто достаточно банальное само по себе, но, однако, показавшееся странным ей... и мне, когда она мне его показала. И мы оказались в неловкой ситуации, не желая ни принять чью-то сторону, ни промолчать о... как бы это сформулировать? О вопросах, возникающих от нашего открытия. Боюсь, я не смог объяснить...

– Боюсь, что нет. Предположим, вы перейдёте к сути? Что именно вы нашли?

Дворецкий откашлялся:

– Фотографию... фотографию, которая, кажется, выпала из рубашки на дно бельевой корзины.

– Фотографию кого?

– Мужчины, сэр.

– Какого именно мужчины? – нетерпеливо спросил майор.

– В этом-то и вопрос!

– Если изображение размыто, Бейтс, то должен сказать, что моё зрение уже не настолько остро, как когда-то.

– Оно не размыто, сэр. Совсем наоборот. Оно достаточно чётко... Но это-то и есть самое интригующее. Сэр, позвольте мне показать вам?

Майор едва сдерживался, глядя на старосветские манеры дворецкого. С непривычной резкостью он выхватил снимок, который дворецкий достал из кармана. Некоторое время он хмуро рассматривал фотографию, а затем сказал:

– Как ни стараюсь, не могу найти здесь ничего странного. Тут же ясно видно, что это...

– Если сэр взглянет на дату и имя сзади...

Майор так и сделал, и его скептицизм сменился на недоумение. Он вновь осмотрел фотографию с двух сторон и объявил:

– Да, понимаю. Удивительно. Это или сверхъестественное совпадение, или...

– Трудно считать это совпадением, но в то же время... Щекотливое положение, и я уверен, что вы с этим согласитесь.

– Да, и вы были правы, обратив на это моё внимание, Бейтс. Скажите, доктор Хьюз уже уехал?

– Нет, он всё ещё с мадам, которая провела ещё одну тяжёлую ночь.

– Попросите его прийти ко мне как можно скорее.

Доктора Хьюза пригласили остаться на обед, который прошёл в дружеской атмосфере. Профессор развлекал собравшихся забавными анекдотами о привычках амазонских племён, иногда его прерывал вопросами Джеймс, который не мог скрыть восторга. После того, как Шарлотта подала кофе, майор, который был молчалив вплоть до этого момента, обратился к хозяину дома:

– Мы едва можем представить, Фредерик, что эта длительная ссылка означала для вас, и наша радость видеть вас снова в добром здравии сравнима только с вашей собственной. Меня очень тронула ваша благодарность за то, что я управлял хозяйством и заботился о племяннице, но вы ничем мне не обязаны: я просто выполнял свой долг и продолжу это делать.

Фостер, откинувшись на стуле, задержался, чтобы зажечь сигару, и сказал:

– Дорогой Эдвин, я хотел не просто поблагодарить вас. Я хотел бы, чтобы вы остались в качестве управляющего, если пожелаете...

– Спасибо, Фредерик, но я хотел поговорить не об этом. Под «долгом» я имел в виду свою моральную обязанность защищать вас, ваших близких и ваше состояние от всех внешних угроз, даже рискуя тем, чтобы взять на себя некоторые неприятные инициативы.

Профессор поудобнее уселся на стуле и затянулся сигарой:

– Как я уже сказал, я полностью доверяю вам, Эдвин. Любая ваша просьба будет исполнена, особенно если всё это в общих интересах.

Майор торжественно кивнул и ответил:

– Спасибо, это облегчит дело. Фактически, я хочу, чтобы мы поговорили о старых добрых временах и наших воспоминаниях, независимо от того, какими незначительными они могут казаться. Затем я объясню, зачем всё это, и надеюсь, мы все сможем вдоволь посмеяться!

В течение последующих двух часов были затронуты все темы, но майор пытался направлять разговор, приглашая Рут, Пенелопу и Джеймса спросить Фостера о чём-нибудь личном. Джеймса не пришлось упрашивать, и он радостно обратился к сказкам, рассказанным в своё время дядей. Рут казалась очень удивлённой настойчивостью майора, заставившего её расспрашивать мужа даже о сентиментальных событиях. Пенелопа явно не хотела говорить о своих родителях, особенно об отце Чарльзе, который был близким другом Фредерика, но вынуждена была это сделать. Фостер отвечал на все вопросы с улыбкой, хотя, казалось, очень осторожно. Когда часы пробили одиннадцать, он решительно положил руку на стол и объявил:

– Думаю, мы поговорили достаточно. Не то, чтобы беседа показалась мне скучной, отнюдь нет. Я всегда любил рассказывать истории детям, и Джеймс, конечно, задал мне массу вопросов. – Он повернулся к жене и взял её за руку. – У меня сохранились замечательные воспоминания

о нашей первой встрече, дорогая Рут, которые больше не являются тайной благодаря настойчивости майора. И я был счастлив поговорить о покойном Чарльзе, моем лучшим друге. Но теперь, Эдвин, я должен спросить, зачем всё это. По тому, как вы направляли разговор, я чувствовал, что это больше походит на перекрёстный допрос, как будто всё, что я говорю, проверяется и перепроверяется.

Майор поставил на стол бокал с виски и посмотрел хозяину дома прямо в глаза:

– Признаю себя виновным, дорогой Фредерик. Признаю, что играл роль обвинителя, но, пожалуйста, вспомните, что всё это с благой целью. Я перейду прямо к сути: у нас есть все основания полагать, что вы – самозванец.

6

СТРАННОЕ СХОДСТВО

После минутного молчания Фостер откинул голову назад и громко расхохотался.

– И никто ничего не заметил? – парировал он. – Эдвин, вы же не серьёзно! Из всех людей именно вы должны были бы узнать меня, даже если наша последняя встреча состоялась несколько лет назад.

– Не наверняка, потому что тогда вы выглядели вдвое моложе. Это был день вашей свадьбы, если помните.

– А Джеймс? – спросил профессор.

– То же самое. Вы не видели его в течение семи или восьми лет.

– Это правда, но что относительно моей жены? – продолжал профессор, обнимая Рут за плечи.

Хозяйка дома вперила в него неподвижный, меланхоличный взгляд, затем закрыла глаза в знак согласия.

– Кажется, я узнаю твой голос, Фред, но я всё ещё в шоке.

– Учитывая её чрезвычайно плохое зрение, – возразил майор, – вполне возможно, что хороший актёр мог её обмануть.

– А Пенелопа? Она была здесь в течение целого года, прежде чем я уехал. У тебя же со зрением всё в порядке, дорогая?

Молодая девушка, которая, казалось, о чём-то задумалась, ответила не сразу. Когда же она это сделала, в голосе чувствовалось озорство:

– Нет, дядя Фред. У меня хорошее зрение. Вы сильно постарели после того, как уехали, это правда. Вы похудели

и отрастили бороду. Но несмотря на всё это, не думаю, что вы – кто-то другой!

Фостер смотрел на неё со странной улыбкой, удивлённой и ироничной одновременно.

– Спасибо, – сказал он, поворачиваясь к доктору Хьюзу. – Ну, доктор, а каков ваш диагноз? Это я или не я?

Пол Хьюз смущённо теребил в руках очки и лишь мельком взглянул в лицо Фостеру.

На самом деле он никогда не проводил много времени с энтомологом, всеми силами стараясь избегать встреч. Кроме того, профессор, обладая отменным здоровьем, никогда с ним не консультировался. Они изредка встречались и всё. Фостер или сидел в кабинете или уезжал на какое-нибудь собрание. Поэтому доктор ответил осторожно:

– Полагаю, мистер Фостер очень хорошо ответил на вопросы, если не считать одну или две погрешности, которые совершенно понятны.

Фостер отвесил театральный поклон.

– Спасибо, доктор. Однако, я действительно считаю прищербным, что самый откровенный ответ пришёл от вас, человека постороннего, если я могу так сказать. Хотя верно, что вы стали почти членом семьи после того, как начали лечить Рут...

Пол Хьюз покраснел до корней волос. Он открыл было рот, чтобы ответить, но не нашёл слов.

Фостер поднёс бокал с виски к губам, но внезапно отставил его, будто поражённый новой мыслью.

– Вот оно! Думаю, я понял, Эдвин. Это смерть моего компаньона сделала вас подозрительными. Зная, что он был похож на меня, вы убедили себя, что могла произойти подмена. То есть, я могу быть Питером Томпсоном, гадким лицемером, который избавился от своего компаньона и ждал несколько лет, чтобы занять его место. Так?

Тишина.

– Молчание – знак согласия, – продолжал Фостер. – Но в вашей теории есть несколько дыр. Например, как мне удалось так точно ответить на ваши вопросы?

Майор чуть задумался:

– Вы можете многое узнать за год совместной жизни, особенно будучи изолированными в таком окружении, как джунгли. Подобный случай был в Корнуолле пятнадцать лет назад, когда солдат вернулся к жене после нескольких лет отсутствия. Один из его товарищей по оружию очень напоминал его. В его личности есть сомнения до сих пор.

Фостер покачал головой, всё ещё улыбаясь:

– Давайте считать, что я удостоверил свою личность. Остался второй пункт – мой компаньон Питер Томпсон. Он был похож на меня, но не до такой же степени. И простой здравый смысл отмёл бы такое сверхъестественное совпадение.

– У вас есть его фотография?

Фостер погладил бороду.

– Гм, нет... Не думаю. Позвольте напомнить, что я потерял почти все свои бумаги.

– Почти все, – согласился майор. – Но всегда остаётся что-то, забытое между страниц дневника. Я не собираюсь ходить вокруг да около. Мы нашли вот это.

Он достал фотографию, которую Бэйтс дал ему, и положил на стол. На ней был человек средних лет, стоящий у реки в джунглях, на нём было снаряжение исследователя, рюкзак, а в руках мачете. Майор кашлянул и продолжил:

– Кажется очевидным, что фотография сделана в южном полушарии и что этот человек очень сильно похож на вас. Что вы скажете?

– Да, это я. Но будь я проклят, если помню, когда была сделана фотография.

– В июле 1934 года. Так написано на обороте. Место – Манаус, а имя человека... Но прочтите его сами, – сказал доктор Хьюз, вручая снимок.

– Питер Томпсон, – пробормотал профессор, и на лице его было написано неподдельное удивление.

Повисло гробовое молчание, и затем майор добавил:

– Вы всё ещё утверждаете, что он не напоминает вас до мелочей? По моему скромному мнению эта фотография доказывает обратное: *ваш компаньон был вашей точной копией!*

7

ДВЕРЬ ОТКРЫВАЕТСЯ

1 сентября

Доктор Алан Твист и инспектор Хёрст остановились в гостинице курортного городка Грейт-Малверн. Первый из них был человеком, приближающимся к шестому десятку, высоким и очень худым, с превосходными рыжими усами. Он бросал частые взгляды сквозь стёкла пенсне на своего компаньона, который явно пребывал в плохом настроении.

Тучный, с красным лицом полицейский был занят тем, что приглаживал непослушную прядь волос. Архитектура явно не была одной из его страстей. Арчибальд Хёрст следовал за своим другом, просто чтобы сменить обстановку и вдохнуть свежий воздух сельской местности. Он принял приглашение провести несколько дней в западной части страны, но уже начал жалеть об этом. Два последних часа, проведённые в аббатстве, казались вечностью, пока его компаньон пел дифирамбы римским нефам, витражам и инкрустированной лепке на хорах. Истинная пытка для нормальных нервов! Инспектор ушёл оттуда, чувствуя, словно в ноги напихали иголок.

– Откровенно говоря, Твист, не могу дождаться, когда вернусь в Лондон!

– Назад в лондонский преступный мир?

– Если хотите. Предпочитаю разыскивать преступников, чем превращаться в мумию в саркофаге из старых камней!

В глазах детектива появились озорные искорки:

– Арчибальд, никто не может принять вас за мумию!

Полицейский нахмурился, посмотрел на пиджак, плотно обтягивающий живот, и парировал:

– И вы не святой!

– Прошу прощения?

– Ну, вы едва ли можете проповедовать воздержание, когда только что проглотили четвёртый сэндвич за последние десять минут.

Твист скривил гримасу:

– Всё дело в том, что мой мозг требует некоего минимума хлеба насущного, чтобы работать должным образом.

– Для чего? В этих заброшенных местах вообще ничего не происходит, и авария с участием велосипеда расценивается как событие месяца. Мы – слишком далеко от изобретательных лондонских преступников.

– Я начинаю думать, что вы по ним скучаете. Скажите, Арчибальд, вы знаете, какое самое главное качество человека? То, которое в тяжёлые времена позволяет ему вернуть моральную силу?

Полицейский задумался, прижав пухлый палец к губам, а затем, как студент, внезапно нашедший ответ на трудный вопрос, выпалил:

– Надежда?

– Нет, способность забывать.

– И какое отношение это имеет ко мне?

– Сколько раз вы говорили мне, что стоит вам подумать о проблеме, и она перед вами? Вы просто беззаботны или же забыли все уроки тридцатилетней службы? Как только вы начинаете говорить об изощёренных убийцах и трудных делах, таковое тут же прыгает вам в руки. А затем, когда вы оказываетесь на самом дне, то прибегаете ко мне.

Хёрст всё ещё искал достойный ответ, когда дверь в гостиницу внезапно отворилась. Полицейский удивлённо посмотрел на вновь прибывшего.

Последний был маленьким мужчиной, худым и костлявым, на нём был твидовый костюм, немного слишком просторный для него. Прямые волосы, на висках выступают вены, а в руке кожаный портфель. Его наблюдательный взгляд быстро заметил человека из Скотланд-Ярда, и он подошёл к их столику.

– Арчибалд Хёрст! – воскликнул он. – Какой приятный сюрприз! Никогда не рассчитывал встретить вас здесь. Сколько лет, сколько зим!

Инспектор тепло приветствовал его и представил. Майк Уодделл был коллегой, с которым Хёрст познакомился в отпуске во Франции. Эти двое поладили и неоднократно виделись потом в Англии. Затем Уодделл вернулся на родной Запад, и они потеряли связь.

– Начальник полиции в Вустере? – воскликнул инспектор Скотланд-Ярда, присвистнув от восхищения. – Ну, Уодделл, вы явно преуспели!

– Однако у меня нет вашей репутации, Арчибалд. Вы справедливо известны как один из лучших детективов в королевстве.

– Вы слишком добры, – ответил Хёрст с ложной скромностью. – Своей репутацией я частично обязан своему другу. Он – только любитель, но у него есть дар наталкивать меня на правильный путь, даже если он не всегда осознаёт это.

– Я знаю репутацию доктора Твиста, – улыбнулся Уодделл. – Но могу я спросить, что вы делаете здесь? Расследуете дело?

– Нет, всего лишь простые туристы, – тяжело вздохнул Хёрст.

– Фактически наша следующая остановка – Вустер, – вмешался Твист. – Мой друг не хочет уезжать, не посетив собор и музей фарфора.

– Замечательно! – воскликнул Уодделл. – Тогда у нас будет возможность встретиться вновь.

– Отлично. А сегодня вы, возможно, окажете нам честь и будете нашим гостем на обеде? – спросил Твист.

Начальник полиции покачал головой и кивнул на портфель.

– Боюсь, не сегодня. Мне предстоит щекотливая миссия. Очень странное дело, которое достигнет кульминации через несколько часов благодаря содержимому этого портфеля.

– Ничего себе, – заметил Твист, поправляя пенсне.

Уодделл посмотрел на настенные часы и предложил:

– У меня есть ещё немного времени. Могу кратко рассказать, если вам интересно.

В течение последующих двадцати минут Твист с Хёрстом молчали, пока их друг рассказывал о странной проблеме, возникшей после возвращения профессора Фостера...

– Таким образом, всему начало – эта знаменитая фотография, – закончил Уодделл, который всё более горячился во время рассказа. – Собственное объяснение Фостера удовлетворило только некоторых его родственников, и именно поэтому они пришли ко мне и поделились подозрениями.

– И какое объяснение дал «подозреваемый»? – поинтересовался Твист.

– Он внезапно вспомнил фотографию и обстоятельства, при которых его компаньон написал текст на обратной стороне. Фотография действительно его, но есть ещё одна подобная – Питера Томпсона. Всё было сделано второпях из-за приближающейся грозы. Томпсон хотел подписать собственную фотографию, не заметив, что они слиплись,

и в результате подписал неправильную. Фостер заметил это позже, но решил, что ошибка не стоит исправлений. Что вы об этом думаете?

– Это возможно, – глубокомысленно ответил доктор Твист. – Но в сложившихся обстоятельствах...

– Не нужно убеждать меня, – процедил Уодделл сквозь зубы. – Всё это дело – полная неразбериха. Найти хоть что-то об этом Томпсоне практически невозможно, в особенности потому, что его тело смыто наводнением. И в любом случае он, кажется, был бродягой, потому что бразильская полиция, которая только что телеграфировала мне, не может определить местонахождение никого из семьи или близких друзей. Таким образом, это похоже на тупик, и мы вынуждены сконцентрироваться на энтомологе.

– Это невероятно! – загремел Хёрст, сделав пару глотков пива. – Люди не могут так измениться за три года. И вы говорите, что ни один из его родственников не может формально идентифицировать его?

– Как я уже сказал, именно полное сходство сеет сомнения, если, конечно, допустить, что подпись на фото верна. Если честно, все считают, что он – настоящий Фостер, но есть проклятое сомнение, и все они хотят его устранить, включая самого Фостера.

– Как он к этому относится?

– Совершенно спокоен и даже шутит на эту тему. Кажется очень уверенным в себе.

– Как и любой настоящий самозванец, – проворчал Хёрст.

– Таким образом, ситуация не настолько деликатна, как могла бы быть, – глубокомысленно заметил доктор Твист.

– Чисто с юридической точки зрения, нет. Сегодня вечером мы всё узнаем. Именно эмоциональный аспект этого дела всё усложняет.

– Фостер в курсе, что его жена планировала вступить в новый брак?

Уодделл вытер лоб и ответил:

– Мы этого не знаем. И я не чувствую себя вправе спрашивать. Я не вполне понимаю, как это объяснить, но в доме царит любопытная атмосфера, обусловленная невысказанными страхами, скрытыми эмоциями и ожиданием. И это ожидание длится уже две недели. По крайней мере, сегодня вечером всё разъяснится, потому что меня ждут с моим драгоценным портфелем.

– Который содержит?

– Окончательное доказательство, которое разоблачит любого потенциального самозванца: набор отпечатков пальцев Фредерика Фостера. Я провёл день, разыскивая его в Оксфордском бюро записи актов гражданского состояния, после того, как Херефордская ратуша по ошибке уничтожила свой набор.

Твист, который только что закурил трубку, повернулся к Уодделлу.

– Постарайтесь не потерять этот набор!

Начальник полиции нервно погладил портфель, но принял храбрый вид:

– Конечно. Можете на меня положиться. Я буду держать вас в курсе. Оставьте завтра для меня сообщение, где мы сможем встретиться. А теперь прошу простить меня, я должен идти.

С этими словами Майк Уодделл поспешно удалился.

Последние лучи света, проникающие в маленькие окна, придали янтарный оттенок озадаченным лицам детективов.

– Что вы думаете, Твист? – спросил его коллега-полицейский, крепко беря в руку пивную кружку.

– У меня нет уверенности. Это слишком напоминает наше первое дело, помните?

– Как я могу забыть? Каждый, кто не слышал зов банши¹, погибал.

– И эпилог оказался особенно неудачным. Будем надеяться, что для нашего друга всё закончится хорошо.

---

1 В ирландском и шотландском фольклоре особая разновидность фей, предсказывающих смерть.

8

ПОРТФЕЛЬ

Часы в гостиной только что пробили восемь. Поскольку вечер выдался тёплым, французские окна, ведущие на террасу, стояли открытыми. Малочисленное собрание ожидало: со страхом в случае Рут и Пенелопы; с самообладанием в случае доктора Хьюза, майора и Бейтса, ответственного за обслуживание тем вечером из-за мигрени жены. Джеймс волновался, как будто все они собрались вместе играть в какую-то игру, и не мог оставаться на одном месте. С другой стороны, профессор Фостер, одетый в изящный кремовый костюм и облокотившийся на дверной косяк, казался совершенно спокойным, пуская к потолку аккуратные кольца дыма.

Сидящая на плетёном стуле, Рут, казалось, всматривалась в сумерки. На ней была короткая юбка и вязаное розовое болеро, которое очень ей шло. Но руки её нервно теребили маленькую сумочку. Пенелопа в лёгком хлопчатобумажном платье болтала с доктором Хьюзом. Джеймс, неспособный сидеть неподвижно, продолжал двигаться и в конечном итоге свалил растение в горшке, чуть не поранив тётушку. Майор сделал ему выговор и добавил:

– Самое время начать, потому что нервы у всех на пределе, мои в том числе.

– Неужели я произвожу такое впечатление, Эдвин? – спросил Фостер, не оборачиваясь.

– Признайтесь, и вы не совсем спокойны.

Хозяин дома ответил, всё ещё не оборачиваясь:

– Возможно, но по другим причинам.

– Так или иначе, этого не заметно, – улыбнулась Пенелопа, и майор наградил её неодобрительным взглядом.

– На мне тяжесть всех забот, вот и всё. Я всегда утверждал, что делиться нужно только счастьем и добрыми чувствами, а проблемы держать при себе. Не так ли, Бейтс? – добавил он, когда дворецкий подал ему виски.

– Конечно, сэр.

– Таким образом, по крайней мере, один человек на моей стороне.

Вместо ответа повисла тишина.

– Если следовать этому рассуждению, – продолжал он, – всё объясняется тем, что мне выпало слишком много несчастий. Я сильно страдал... в течение этих трёх долгих лет в джунглях, потраченных на борьбу за выживание и ожидание... и я много думал о людях, событиях и жизни вообще.

Он остановился, услышав звук двигателя легкового автомобиля и шуршание шин по гравию.

– Это, должно быть, Уодделл, – сказал он, поворачиваясь к майору. – Итак, Эдвин, на что ставите? Самозванец я или нет?

Бывший военный мгновение подумал, а затем предложил:

– Обманщик или нет?

Фостер улыбнулся и пожал плечами.

– Все в какой-то степени лгут, иначе жизнь стала бы невыносимой.

В тот момент прозвучал дверной звонок, и вскоре после этого появился Майк Уодделл. На его добром лице сияла улыбка, но он явно был напряжён. Он приветствовал собрание, продемонстрировав портфель, твёрдо сжатый в руке.

– А вы знали, что я был знаком с вашим отцом, Фостер? – весело спросил он.

– Нет, но меня это не удивляет. Ему нравилось окружать себя влиятельными друзьями.

– Фактически в то время моя полицейская карьера ещё не началась. Как и его. Мы были ещё очень молоды, но я помню, что он уже тогда мечтал о широких и экзотических горизонтах. И он был уже очень честолюбив.

– Охотно верю.

– Вы завидовали ему?

– Нет, просто говорю, каков он был. Он всего себя посвящал карьере, исключая всё остальное, даже самых близких ему людей. Полностью отдавался работе.

– И преуспел, но это дорого ему стоило. Он скончался довольно молодым, если не ошибаюсь?

– Как раз перед сорок пятым днём рождения. Мать была безутешна и последовала за ним вскоре после этого. Мы вернулись из Индии лишь за несколько лет до этого. Так или иначе, это – древняя история, которая, как мне кажется, не имеет никакого отношения к проблеме, стоящей перед нами.

– Нет, конечно нет. Я просто спросил, потому что задался вопросом, какой была бы его реакция, если бы он узнал, что однажды меня попросят предпринять такие странные шаги в отношении его сына.

Фостер допил бокал, поставил его на стол и весело рассмеялся:

– Думаю, что он, возможно, оторвал бы нос от своих счетов ровно настолько, чтобы узнать, чем всё кончится. Но прежде, чем это произойдёт, инспектор, не возьмёте ли бокал? Или вы слишком спешите?

Уодделл откашлялся:

– Только капельку. Пара минут не будет иметь значения.

– Полагаю, известное доказательство находится в вашем портфеле?

– Да, наряду со штемпельной подушкой, чтобы взять ваши отпечатки пальцев. Единственное, что потребуется, это ткань, чтобы вытереть пальцы.

– Бейтс позаботится об этом.

Драгоценный портфель поместили на плетёный стол на террасе среди бокалов, которые принёс дворецкий. Все заказали напитки, в основном алкогольные. Даже Рут, которая обычно пила маленькую рюмку портвейна, заказала виски с сельтерской. Напряжённость росла вместе с ночными звуками, окружающими их. Последнее мерцание дневного света исчезло, и зажгли фонари, свисающие с верхней решётки, которая служила крышей, – свет доходил только до изгороди и первых деревьев сада.

Как только всех обслужили, Фостер предложил тост «за правду». Все чокнулись, нервно смеясь, но атмосфера действительно стала более раскрепощённой, и разговор вновь сосредоточился на приключениях исследователя. Он охотно поделился воспоминаниями, с юмором и воодушевлением. После второго раунда напитков глаза собравшихся заблестели в скупом свете фонарей, и янтарная жидкость в бокалах заиграла.

Внезапно от чьего-то неловкого движения сифон с сельтерской упал и разбился о плиточный пол террасы. Все встали, чтобы Бейтс мог убрать осколки. И тут Рут, которая вернулась к плетённому стулу около французского окна, пронзительно закричала.

– Ой! Что-то только что укусило меня в ногу!

Муж подошёл к ней. Оглядевшись, он указал на опрокинутый цветочный горшок:

– Должно быть, ты поцарапалась о колючку.

– Нет, не думаю. Это было так внезапно.

Фредерик Фостер осмотрел ногу жены и улыбнулся.

– Если бы ты не была так легко одета, этого бы не произошло.

– Дядя Фред! – закричала Пенелопа, внезапно замерев на месте.

– Да, дорогая? – спросил профессор, поворачиваясь к молодой женщине, стоящей на краю террасы. – Что такое?

– Моя нога...

– Только не говори, что тебя тоже укусили?

– Нет, что-то пробежало по моей ноге.

– Что? Другая нога?

– Нет, что-то лёгкое и шелковистое...

Глядя на лёгкие босоножки девушки, он предположил:

– Должно быть, это Брутус, соседский кот.

– Нет, он слишком большой.

– Тогда какое-то насекомое. Вы все на взводе. Если бы вы оделись как следует, этого бы не произошло. Посмотри на себя, Пенелопа, эти босоножки и короткая юбка. Можно подумать, что ты римская куртизанка под солнцем Капри или Помпей, а не в Англии в конце лета...

Молодая женщина, казалось, не слышала. Широко открытыми глазами она уставилась на какую-то точку на земле около хозяйки дома. Указывая дрожащим пальцем, она пролепетала:

– Там... Посмотрите туда...

Все глаза обратились к месту, на которое она указывала, и у людей перехватило дыхание. Тень размером с кулак проползла под ногами Рут и исчезла позади цветочного горшка.

Пенелопа издала крик, подобный вызванному ночным кошмаром неделей раньше. Затем Фостер громко скомандовал:

– Рут, не двигайся, замри несмотря ни на что!

– Что происходит? – простонала хозяйка дома, отчаянно оглядываясь. – Кто-нибудь может объяснить?

– Один из моих пауков сбежал, – объяснил побледневший Фостер. – Он рядом с тобой. Не двигайся... Что бы ни случилось, не двигайся... Бейтс, пойдите и найдите что-нибудь! Шляпу, лист бумаги, покрывало. Но скорее!

Наклонясь, чтобы осмотреть дрожащие конечности жены, он заметил каплю крови на её лодыжке.

Побледнев, как снег, он пробормотал:

– Боже! Доктор Хьюз, вашу аптечку. Боюсь...

Он так и не закончил предложения. Пенелопа издала новый крик, после того, как майор указал на другого паука под столом.

Собравшихся охватил страх. Фостер, казалось, не знал, за что взяться. Он распорядился поймать пауков как можно быстрее, но с предельной осторожностью, и послал доктора Хьюза за аптечкой и противоядием.

Поскольку никто больше не нашёл ни одного из пауков, Фостер решил пойти в кабинет, чтобы проверить их клетки. На пути он столкнулся с майором, который пока не нашёл и следа беглецов.

– Я велел Джеймсу не покидать своей комнаты, – задыхаясь произнёс бывший военный. – Он слишком взволнован, чтобы быть полезным, и я не хочу рисковать. Вначале он и слушать не хотел, но затрещина убедила его.

– Вы поступили правильно, – согласился Фостер. – Но он действовал скорее из страха, чем из вредности. Сбежало только два паука, и по счастью они наименее опасны. Фактически безопасны, даже если сильно укусят. Между прочим, где Рут?

– На кухне с Уодделлом.

– Пойдёмте поговорим с ними.

Двадцать минут спустя на «Чёрный дом» вновь опустился мир. Доктор Хьюз, смертельно бледный, встретил новости с облегчением. Он подтвердил, что на лодыжке Рут не появилось ни опухлости, ни изменения цвета, и это обнадеживало. Одного из пауков поймал полицейский, воспользовавшись абажуром. Поскольку известно было, что второй безопасен, Джеймса освободили и привлекли к поискам.

Было почти десять часов, когда все вновь собрались на террасе. Поскольку ночь становилась всё более прохладной, решили перейти в гостиную. Уодделл, который вновь завладел портфелем, объявил:

– Думаю, пора провести наш небольшой эксперимент. Вы готовы, Фостер? Полагаю, что вы не хотите откладывать?

– Ради Бога, нет, – ответил владелец дома, зажигая сигару. – За исключением моего беспокойства о Рут, то, что сейчас произошло, просто мелочь. За эти годы я видел вещи намного хуже, уж поверьте! Делайте свою работу, мистер полицейский, и давайте закроем этот вопрос раз и навсегда!

Уодделл сделал паузу, собираясь открыть портфель, и спросил энтомолога с лёгким смешком:

– А вы немного волнуетесь, правда?

– Да, но это из-за моих двух маленьких питомцев. Не могу понять, как им удалось снять стеклянную крышку клетки... Но давайте продолжим... я смогу попереживать по этому поводу позже.

Улыбаясь, полицейский сунул руку в портфель. Нахмурившись, заглянул внутрь. Лицо его потемнело, и на лбу запульсировала вена, когда он повернулся к Фостеру и потерянно произнёс:

– Досье пропало!

Как обычно, Алан Твист принял активное участие в дегустации продукции местной кухни. Мало того, что он очистил свою тарелку до последней крошки, он ещё заказал так много порций сочного яблочного пирога, что хозяин вынужден был объявить, что больше ничего не осталось. Уодделл, встревоженный ненасытным аппетитом лондонца, сжалился над ним, увидев, как тот расстроился, и предложил свою порцию, к которой ещё не прикасался. Выдающегося детектива не пришлось просить дважды. Покончив с пирогом, он спросил:

– Вы лишились аппетита из-за этого дела?

– Я и в лучшие времена был не большим едоком, но признаю, что у меня все кишки узлами завязались.

Прошло лишь двадцать четыре часа после исчезновения отпечатков пальцев Фостера. Глава вустерской полиции потратил бóльшую часть ночи и весь следующий день на поиски конверта, содержащего драгоценный материал, но напрасно. Он был очень подавлен, когда пришёл на встречу с друзьями.

– И вы совершенно уверены, что потеряли досье в «Чёрном доме»?

– Совершенно, потому что я лишь раз останавливался на пути, чтобы позвонить. И не верю, что случайный вор воспользовался бы возможностью своровать конверт, который для него интереса не представляет.

– И вы уверены, что он был в вами, когда вы выехали из Оксфорда?

– Абсолютно. Я даже специально перезвонил туда. Меня заверили, что досье больше нет в архивах и нет и следа конверта.

– Значит, – подытожил доктор Твист, доставая из кармана трубку и табак, – его украли в «Чёрном доме» вчера вечером между десятью тридцатью и одиннадцатью.

– Это же очевидно, чёрт возьми! – перебил Хёрст. – И мы даже знаем преступника. Почему вы ходите вокруг да около, Твист?

– Поскольку всегда важно заложить прочный фундамент, прежде чем строить любую теорию. Однако, Арчибальд, я разделяю ваше мнение.

– Конечно, именно он заставил исчезнуть компрометирующий его документ. Теперь совершенно ясно, что он – самозванец. Косвенно он дал нам наилучшее возможное доказательство!

– Проблема, – вздохнул Уодделл, – состоит в том, что теперь нам гораздо труднее это доказать. И я могу винить только себя. Мне следовало вести себя осторожнее. Признаю, что меня убаюкала обстановка, его манера и дар рассказывать истории. Но инцидент с пауками напугал всех, и было трудно справиться с возникшей паникой. Крики молодой женщины и стоны полуслепой, которая бросилась к лестнице...

– И всё началось с упавшего сифона? – загадочно спросил Хёрст.

– Да.

– Но вы не видели, как Фостер это сделал?

– Нет, я солгал бы, если бы сказал, что видел. Любой мог уронить его, ставя стакан или сделав неловкое движение.

– Но всё началось с этого! Полагаю, он держал двух своих пауков в коробке где-то под рукой. В этом случае ему было легко освободить их сразу после того, как Бейтс убрал осколки, и ждать реакции жены и крестницы, которые, как известно, боятся пауков. Не говоря о других гостях. Другими словами, он мог быть уверен, что, развлекая вас рассказами о джунглях, сумеет создать достаточную панику, чтобы сунуть руку в ваш портфель и изъять доказательство собственного мошенничества. Всё было сделано в мгновение ока.

Майк Уодделл вздохнул:

– У него было время, чтобы сделать всё во время паники.

– Так, а что укололо лодыжку миссис Фостер, если не укус паука?

– Плод её воображения, – ответил Хёрст.

– Нет, потому что рана немного кровоточила.

– У человека, способного сбежать из Зелёного ада, не было проблем найти способ чем-нибудь осторожно её уколоть.

– Игла, выпущенная из духовой трубки, а? – с улыбкой предложил Твист.

– Разве сейчас время для таких шуточек? – раздражённо спросил Хёрст.

– Каждый кирпичик должен сцепляться с другими. Иначе всё здание, рано или поздно, рухнет.

– Вам бы стать священником, Твист, с вашей привычкой к иносказаниям.

– Разве совсем недавно вы не говорили мне, что я не святой?

– Да, но вы были бы не первым грешником, который обратился к вере.

Укоризненно откашлявшись, вмешался Уодделл:

– Джентльмены, позвольте мне напоминать вам, что вопрос состоит в том, является ли грешником Фостер. Те-

перь, когда я вспоминаю, было нечто, что показалось мне любопытным в его поведении. Он, казалось, по-настоящему переживал за своих пауков, пока мы охотились на них.

– Не поддавайтесь, – ответил Хёрст. – Для самозванца его класса такое поведение – просто изюминка на торте.

– В любом случае я должен снять перед ним шляпу. Этим днём я попросил, чтобы его родственники расспросили его ещё раз о его приключениях в надежде на то, что удастся его подловить на противоречии, но он вышел из испытания с честью. И есть ещё любопытный факт о пауках. Между прочим, они нашли последнего прячущимся в хлебной корзине.

Хёрст с гримасой отвращения отодвинул кусок яблочного пирога, к которому собирался приступить. Доктор Твист тут же воспользовался удачей.

– Побег двух питомцев Фостера не мог быть случайностью, поскольку им пришлось бы поднять тяжёлую стеклянную крышку своей клетки – задача для них непосильная. На самом деле мне трудно поверить, что человек его ума мог сделать такую грубую ошибку, потому что в его интересах было представить всё случайностью. Но именно Фостер привлёк моё внимание к этому факту.

– Ещё одна уловка с его стороны! – кипятился Хёрст. – Второго порядка! Он хотел, чтобы вы так подумали. Всё ведёт к тому, что «что-то здесь не так». Разве не понимаете? Его положение настолько шаткое, что он вынужден снизить до подобных рассуждений. Не поддавайтесь им! Самый выбор тех двух пауков, наименее опасных из всех, указывает на него. Любая ошибка могла быть стать фатальной для остальных, как и для него. Никто другой не мог быть уверен, что сделал безопасный выбор.

– Это не так, – возразил Уодделл. – Он показывал пауков всем домашним и даже некоторым из соседей. Он очень гор-

дится своими питомцами и описал их особенности очень подробно. Любой мог сделать правильный выбор.

– Значит, вы считаете его невиновным? – подозрительно спросил Хёрст.

Уодделл скривил губы, передвигая сигарету в угол рта:

– Будь я проклят, если знаю. Воровство досье, похоже, указывает на него, но, с другой стороны, его воспоминания настолько точны...

– Это означает, что вы не можете решить, является ли он Фредериком Фостером или Питером Томпсоном, – закончил Твист.

Закурив сигарету, Уодделл достал из кармана блокнот:

– Я выписал несколько важных дат в его путешествии. Если Томпсон занял его место, то вот что, я думаю, произошло. В июле 1933 года Фостер покидает Англию и вскоре после прибытия в Рио-де-Жанейро заводит знакомство с Томпсоном. Они вместе едут в Белен, где готовят экспедицию. Они отплывают по Амазонке в январе 1934 года. К марту того же года больше нет известий от Фостера, и «тело» обнаруживают в июне около небольшой деревеньки вверх по течению от Сантарена. Согласно нашей гипотезе, это было именно тело Фостера, и его убил компаньон, до этого имевший в запасе почти год, чтобы выучить достаточно подробностей для успешного обмана. Это вполне возможно, поскольку коварный преступник легко понял бы, какую выгоду он может извлечь из столь ошеломляющего сходства. Отец Фостера был одним из самых активных торговцев в Ост-Индийской компании и скопил большое состояние, которое должна унаследовать вдова Фостера. Это было удачей для нечистоплотного охотника за приданым и, конечно, стоило свеч. Что касается наводнения, которое унесло труп, всё можно списать на природу, хотя нельзя исклю-

чить и лёгкий толчок от нашего самозванца. В любом случае это ничего не меняет.

– Итак, почему он так долго ждал, чтобы выйти на сцену? – спросил Хёрст. – Два года в джунглях – не пикник.

– Ничего не доказывает, что он провёл там все два года. Но какое-то время пробыть там он был обязан. Время, чтобы появилось нескольких морщин. Время, чтобы точные черты жертвы исчезли из памяти... а с женой, которая наполовину слепа, это не так уж трудно. Как и с племянником, который долго не видел дядю. Или с доктором, который смотрит только на жену энтомолога, или с крестницей, которая больше стремится заглянуть в глаза возлюбленных, чем крёстного отца.

Выпустив прекрасную серию дымовых колец, доктор Твист объявил:

– В таком изложении факты подтверждают теорию узурпатора.

– Да, но я не знаю, что делать, – сказал Уодделл, не скрывая пессимизма. – Потеря досье заставляет меня чувствовать беспомощность и именно поэтому, джентльмены, я беседую с вами.

– К сожалению, наше пребывание здесь заканчивается завтра, – ответил Хёрст, – что не оставляет никакого времени, чтобы заняться этим делом. – Ободряюще положив ладонь на руку Уодделла, он продолжал: – Между нами, Майк, дело кажется мне вполне раскрытым, и я уверен, что вы сможете изобличить мошенника. Он закончит тем, что признается, вот увидите!

Уодделл не казался убеждённым и спросил:

– А вы, доктор Твист, каково ваше мнение?

Выдающийся детектив чуть помолчал, прежде чем торжественно ответить:

– Мне не очень нравится история о возвращении Одиссея, которую наш путешественник так часто цитирует. Счастлив ли он, как Одиссей после долгого путешествия? На самом деле он совсем не счастлив, потому что его жена не была столь верной, как в мифе. Таким образом, у нашего вернувшегося путешественника есть все основания быть разъярённым и, подражая великому Одиссею, уничтожить всех её женихов.

4 сентября

День начался ужасно, да и предыдущий прошёл бурно. Хозяин дома уже три дня пребывал в плохом настроении после исчезновения известного досье. Если полиция потеряла документы, объявил он, это их проблемы. Подозревать в воровстве его семью и его самого просто непристойно. Предположение, что он самозванец, которое поначалу было просто смехотворным пустяком, теперь становится оскорбительным. Он отказался отвечать на дальнейшие вопросы о своём прошлом. Шутка слишком затянулась, объявил он во всеуслышание. А у него есть дела поважнее. Научное сообщество нетерпеливо ждёт его отчёта о наблюдениях и открытиях.

Предыдущим утром, подметая длинный коридор, Шарлотта Бейтс видела, как Фостер вошёл в спальню жены. Она не слышала ссоры как таковой, но голос хозяина казался искусственно приглушённым, как у человека, пытающегося обуздать гнев. Это было лишь впечатление, потому что она не следила за беседой, но ей действительно казалось, что миссис Фостер отвечала сквозь слёзы. Вскоре после того, как энтомолог ушёл, служанка вошла в комнату, чтобы сделать уборку, и обнаружила хозяйку, рыдающую на стуле, закрыв ладонями лицо.

После того, как почтальон доставил почту, профессор попросил Бейтса немедленно привести к нему Пенелопу.

Вскоре после этого дворецкий, случайно проходя мимо комнаты, не мог не услышать, как Фостер отчитывает племянницу, сравнивая её со стрекозой из басни Эзопа и бабочкой, перелетающей от одного любовника к другому.

Бейтс не остановился, чтобы услышать остальное, но подавленная атмосфера за ланчем подтвердила бурные события утра. Во второй половине дня доктор Хьюз покинул комнату миссис Фостер после ежедневного посещения, и дворецкий слышал обрывок его разговора с энтомологом в коридоре. Он распознал лишь слова «клятва Гиппократа», но было ясно, что беседа была явно не дружеской. Доктор покинул дом белым, как мел.

Немного позже позвонила Барбара Сандерс и сказала, что её отец хочет поговорить с Фостером и будет дома тем днём. Профессор принял приглашение своего соседа и отправился к нему в хорошем настроении, но, когда час спустя вернулся, Бейтс не мог не заметить хмурого выражения на лице хозяина.

Четвёртое сентября выдалось солнечным, но горячие солнечные лучи не смогли растопить холод в сердцах обитателей «Чёрного дома». В середине утра Бейтс заметил на веранде Фостера и Майора Бро, только что вернувшихся после обхода поместья. Он не собирался подслушивать, но не мог не услышать фразы, адресованной владельцем дома майору, который покраснел, как рак:

– Признаю, что это – очень живописный уголок и что папоротники способствуют очарованию сада, но я видел достаточно лиан и девственных лесов и мне этого хватит на всю жизнь! Дому нужен свет. Подлесок нужно очистить, а деревья обрезать, чтобы люди снова могли видеть солнце.

Незадолго до полудня Бейтс вновь увидел майора за его любимым времяпрепровождением на веранде. Дважды

подряд карточный домик преждевременно рушился, что было необычно само по себе.

Обед прошёл так же, как накануне. Никто не проронил ни слова. Можно было бы слышать падение булавки. Джеймс первым встал из-за стола, за ним Фостер. Был час дня.

Достигнув двери кабинета, энтомолог нахмурился. Кто-то что-то тряс внутри. Открыв дверь, он увидел, как Джеймс вцепился в ящик комода.

– Нужна помощь, паренёк? – серьёзно спросил он.

– Не могу открыть этот ящик.

– Это не твоя собственность. Что ты ищешь?

– Мою модель Гулливера. Я знаю, она внутри, – ответил мальчик, продолжая дёргать ручку ящика.

– Отпусти её! – прикрикнул профессор. – Сколько раз я должен повторять, чтобы ты не входил сюда в моё отсутствие?

– Но сейчас вы здесь, дядя Фред!

– Да, но я хочу спать, – ответил Форстер, не в силах сдерживать улыбку, – поэтому тебе придётся уйти. И с этого момента ты должен рассматривать эту комнату как мой кабинет, а не свою детскую.

– Очень хорошо, – ответил мальчик, надувшись. – Но я всё равно хочу найти свою модель...

– В другое время. А теперь иди.

Когда Джеймс уже достиг двери, профессор прибавил:

– Теперь, когда я думаю об этом, Джеймс, может, всё-таки это ты виноват? Тебе нравится здесь шарить. Можешь быть откровенным со мной. Я не буду ругаться, обещаю.

– Вы говорите об этих двух пауках? – спросил ребёнок, глядя в окно, которое Пенелопа выбрала для жилья.

– Да. Это ведь ты открыл их клетку, не так ли?

Мальчик пожал плечами:

– Не нужно разговаривать со мной, как с ребёнком, дядя Фред, обещая конфетки и прочее. Один из полицейских задал мне этот же вопрос и обещал мне награду, если я скажу правду.

– И что ты сказал?

– Правду, конечно. То есть, «нет».

– Это действительно так?

– Действительно, – твёрдо повторил Джеймс.

Профессор сдался:

– Тогда я просто не представляю, кто бы это мог быть. Поскольку, хотя пауки очень умны, они не могли снять стеклянную крышку. Скажи мне, Джеймс, у тебя есть мысли, как это могло произойти?

Мальчик посмотрел ему прямо в глаза:

– Да.

– Я слушаю.

Перед тем, как развернуться Джеймс ответил:

– В другое время, дядя Фред. Сейчас мне нужно лечь.

Часы пробили два, а затем, несколько секунд спустя, более громкий звук разнёсся по всему дому. Затем повисла долгая тишина, словно стены дома, привыкшие к нежному перезвону часов, были потрясены аномалией. Затем раздался беспорядочный шум: двери открывались и закрывались, слышались быстрые шаги в коридоре и на лестнице, и даже зазвонил звонок у входной двери. Бейтс отложил дела и пошёл открывать. Он приветствовал доктора Хьюза, который спросил, что случилось, поскольку он слышал выстрел. Дворецкий не знал, и они оба пошли назад к главному коридору, когда столкнулись с Джеймсом, бегущим вниз по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек. Когда они втроём достигли пересечения с главным коридором,

дором, то увидели слева Шарлотту, стоящую около двери в кабинет, а ещё дальше – приближающегося с веранды майора.

– Я... я услышала шум, – запинаясь горничная.

– Выстрел, больше нечему быть! – объявил майор, подходя к ним.

– Думаю, это прозвучало оттуда, – сказала она, указывая на кабинет. – Я была в соседней комнате.

– Я тоже так считаю, – согласился старый солдат.

Появились Рут и Пенелопа. Первая приблизилась к группе с тревогой, стараясь заглянуть им в лица, и позвала:

– Фредерик, ты где? Я тебя не вижу.

– Он должен быть в своём кабинете, – объявил Эдвин Бро, встав перед дверью.

Он несколько раз постучал в дверь, выкрикивая имя профессора, но ответа не было. Он попытался повернуть ручку двери – тщетно.

– Боюсь, случилось что-то плохое, – простонала Шарлотта, глядя на собравшихся глазами, полными паники.

Бейтс тоже попробовал открыть дверь, но с тем же успехом.

– Заперта изнутри, – объявил он, – но засов не очень прочен. Нужно лишь как следует приналечь плечом.

– Действуйте, Бейтс! – приказал майор.

Дверь уступила с первой попытки. Дворецкий вошёл внутрь, за ним майор. Они резко остановились при виде профессора Фостера, очевидно спящего в кресле рядом с открытым окном – голова склонилась на бок. При более тщательном осмотре они увидели маленькое тёмное отверстие на виске, откуда текла кровь. Маленький серебряный пистолет лежал на ковре под левой рукой, которая свисала с подлокотника. В комнате чувствовался сильный запах пороха. Как множество золотых пальцев, лучи солн-

ца проникали через маленькое окно, освещая трагическую сцену. Окно было полностью затянуто паутиной. Пенелопа-паук, перебегающая по нитям, стала золотой от солнечного света. Казалось, она с тревогой смотрит на хозяина.

– Боже мой! – воскликнул Бейтс. – Профессор совершил самоубийство!

II

ИНСПЕКТОР ХЁРСТ НЕ ЛЮБИТ САМОУБИЙСТВ

Два часа спустя начальник вустерской полиции и два наших детектива рассматривали сцену происшествия. Как только он услышал новости, Уодделл уведомил своих друзей, которые тут же собрали вещи. Когда они нырнули в такси, Хёрст выразил мнение, что, учитывая поворот событий, их пребывание здесь, вероятно, затянется: они вряд ли сумеют выпутаться из сети, в которую добровольно впутались несколько часов назад.

Дежурная команда и фотограф только что прибыли, а судебно-медицинского эксперта ожидали с минуты на минуту. Бейтс, майор Бро и доктор Хьюз также присутствовали.

– Странное дело, – пробормотал Уодделл, шагая по комнате, сложив руки за спиной. – Предполагаю, в качестве отправного пункта мы должны рассматривать самоубийство – своего рода признание в обмане?

– Да, – сказал Твист. – Это очевидное заключение, и именно поэтому я сильно сомневаюсь в его справедливости.

Твист повернулся к майору.

– Как вы думаете, Бро? Был ли Фостер того типа, чтобы покончить с собой?

Бывший солдат покачал головой:

– Нет. По общему признанию, в последнее время он был раздражителен, но я не могу его представить выбравшим подобный выход из проблем. А если он был самозванцем, это ещё менее вероятно. После стольких усилий, чтобы обмануть нас, это было бы абсурдным.

Уодделл удивлённо указал на труп:

– Но каким может быть другое объяснение его смерти?

Твист, игнорируя эту вспышку, указал на паутину поперёк окна.

– Видите, майор? Пенелопа восстановила своё полотно. Замечательно, и какое упорство! Поскольку вы разрушили паутину вскоре после того, как обнаружили тело, не так ли?

– Да, действительно.

– Но почему?

Майор на мгновение задумался, потирая подбородок:

– Просто рефлекс, я думаю. Всё казалось настолько нереальным. Мне было трудно смириться с фактами, а быстро поняв, что в комнате больше никого нет, я выглянул из окна. Чтобы сделать это, мне пришлось разорвать паутину. Всё было зря, так как я не увидел снаружи ничего необычного.

– И все ваши родственники были в комнате?

– Да, думаю так, но лишь в течение короткого промежутка времени. Я попросил, чтобы доктор Хьюз позаботился о Рут. После моего краткого осмотра мы ушли, и Бейтс уведомил полицию. Мы знали, что нельзя ничего трогать, учитывая обстоятельства. Доктор Хьюз, который дал успокоительное миссис Фостер, вернулся, чтобы осмотреть тело. Бейтс и я пошли с ним, а затем мы все вышли в коридор, чтобы ждать полицию, которая прибыла полчаса спустя.

– Вы можете поклясться, что в комнате никого не было, когда вы взломали дверь?

– Ни малейшего сомнения, – ответил майор. – Единственные укрытия – платяной шкаф рядом с комодом, пространство под столом и пространство под кроватью. Там не было никого, если не считать любимых пауков профессора в клетке.

– Тогда, – объявил Уодделл, – это могло быть только самоубийством. Эти два окна слева от стола не открывались

с сотворения мира. Это можно сказать по пыли и ржавчине на петлях и задвижке. И единственная дверь была заперта изнутри.

– Всё это прекрасно, – парировал Арчибальд Хёрст. – Но это всего лишь маленький засов, который можно закрыть щелчком пальца. На первый взгляд в замке нет ничего неправильного и никаких подозрительных царапин. Но готов держать пари, что любой мог бы закрыть засов снаружи, просунув прочную нить через замочную скважину.

– Не вижу, когда это можно было сделать, – перебил майор. – В момент выстрела и в течение тридцати минут до него я был в конце коридора, соседнего с верандой. – Если бы кто-то прошёл мимо, я бы его видел.

– Вы готовы поклясться в этом под присягой?

Майор глубоко вздохнул, а затем признал:

– Ну, нет. Я был занят своим картонным домиком. Вполне возможно, что пару раз я отвлёкся. С другой стороны, могу гарантировать, что никто не покинул эту комнату после того, как раздался выстрел. И миссис Бейтс, которая подбежала к двери через несколько секунд, может это подтвердить.

– Итак, – подытожил Твист, поворачиваясь к маленькому окну, – это оставляет нам один возможный выход. И он был частично открыт и кажется достаточно большим, чтобы пролез нормальный человек. Кроме того, он находится на расстоянии меньше шести футов от кресла. И есть лишь одна проблема...

– ...доступ был закрыт паутиной, – мрачно закончил Хёрст.

– Скажите, майор, вы уверены, что паутина, которую вы разорвали, была настоящей?

– Без сомнения. Я даже рассматривал её в течение нескольких секунд, совершенно не зная почему. Возможно, из-за

странности ситуации, поскольку сам паук, казалось, знает о том, что произошло с его хозяином. Фактически, я почти упёрся носом в это существо. Как и вы, Бейтс, не так ли?

Внушительный слуга кивнул.

– Да, не было никакого возможного обмана. Я уже рассматривал несколько паутин, которые прядёт паук профессора, с тех пор, как он показал мне его удивительное мастерство. Лишь четверть часа, чтобы соткать такое! И та настоящая паутина шла через всё окно точно так, как вы видите сейчас.

Твист подошёл к окну. Это было одностворчатое окно с единственным стеклом, и, казалось, оно находилось в хорошем состоянии, хотя лишь свинцовый переплёт, удерживающий стекло, был оригинальным. Отверстие было восемнадцать дюймов в ширину и чуть больше в высоту. Пенелопа пряла свою шёлковую сеть от дубовой оконной рамы. Это была совершенная геометрическая сеть, более плотная в центре и разреженная на концах, где ячейки не превышали двухдюймовых квадратов.

Детектив поправил пенсне, чтобы осмотреть работу паука поближе, а затем попросил доктора Хьюза дать заключение по поводу тела.

Доктор наклонился к смертельной ране. Он был бледен и всё ещё не оправился от шока.

– Ничего необычного, – начал он. – Следы пороха на виске явно указывают, что выстрел был сделан практически вплотную.

– Он только что умер, когда вы вошли?

– Да. Кровь всё ещё медленно сочилась из раны, а тело было тёплым.

– Никаких сомнений, – подтвердил майор. – И у меня довольно большой опыт в таких делах, поскольку несколько из моих товарищей умерло у меня на руках.

Именно в этот момент прибыл судебно-медицинский эксперт. Его первые впечатления подтвердили слова доктора Хьюза, и он не ждал, что вскрытие трупа изменит первоначальный диагноз. Затем Кларк, один из полицейской бригады, обратил внимание двух детективов на оружие, которое использовалось: серебристый «браунинг» малого калибра, лежащий на столе профессора.

– Отпечатки пальцев очень чёткие, – начал он. – Они несомненно принадлежат покойному.

– И?.. – спросил Уодделл, чувствуя подвох.

– Есть два момента, которые касаются меня... возможно три. Первый: место, где был найден пистолет – непосредственно под рукой профессора, которая свисает с кресла естественным образом. Обычно оружие несколько подскакивает после того, как его уронили, и падает немного в сторону.

– Но разве невозможно, чтобы оно подскочило в одном направлении, а потом упало назад? – возразил Уодделл.

– Вполне возможно, – неохотно признал Кларк, – но это не единственная неувязка. Как я упоминал, отпечатки удивительно чёткие, и поверхность пистолета хорошо протёрта. Теперь, когда человек отпускает пистолет после того, как ему в голову вошла пуля, можно ожидать, что отпечатки немного смажутся, поскольку оружие выскользывает из пальцев.

– Вы уверены в том, что говорите?

– Бывают случайные исключения, но обычно происходит, как я сказал. Очень необычно видеть такие аккуратные отпечатки. До сих пор то, что я сказал, является просто догадкой, но есть третья аномалия, которую никак не объяснить. Как вы видите, вся поверхность оружия совершенно чистая, тогда как обычно имеются и другие отпечатки, например, когда оружие достают из ящика.

– Да, очевидно, покойный действительно держал оружие здесь в ящике, – сказал Уодделл.

– Итак, таких отпечатков нет. Есть только очень чёткие на ручке и спусковом крючке, как будто кто-то собирался стрелять. И никаких других. Покойный протёр оружие, прежде чем выстрелить? Положил в карман при помощи носового платка? И вытащил одним точным движением? Отпечатки говорят о чём-то подобном.

– И почему он мог бы это сделать?

– У меня абсолютно никаких мыслей.

– Чтобы прояснить, – сказал Хёрст. – Вы считаете, что кто-то вложил оружие в руки покойного после того, как полностью протёр?

Кларк пожал плечами.

– Не вижу другого объяснения.

На виске Уодделла запульсировала вена. Он оглянулся и пробормотал через сжатые зубы:

– Итак, это убийство. Убийство, совершённое в запертой комнате, хорошо запертой комнате. Две возможности: либо убийца был всё ещё здесь, когда свидетели вошли...

– Невозможно, – сказал майор. – Категорически невозможно. И есть несколько свидетелей, готовых в этом поклясться.

– ...или он успел сбежать после того, как преступление совершилось, что подразумевает прохождение сквозь стены, запертую дверь или окна, не оставив следов, или через ячейку паутины, не повреждая её. Действительно разочаровывающий выбор. Что вы думаете, Арчибальд?

Инспектор Хёрст не потерял спокойствия, что было удивительно в сложившейся ситуации. Недоумение его коллеги, казалось, действовало на Хёрста как транквилизатор. С горькой улыбкой он ответил:

– Откровенно говоря, меня разочаровало бы противоположное. В течение всей моей карьеры, будь я проклят, почти каждое дело об убийстве, с которым мне приходилось сталкиваться, включало ситуацию, столь же невозможную, как эта, если не хуже. Как только я вошёл в эту дверь, я фактически почувствовал запах убийства. Обычные самоубийства не для меня!

Детективы сконцентрировали своё внимание на парадоксальных аспектах проблемы, оставив другие аспекты на потом. Кабинет и окружающее пространство были очень тщательно исследованы. На следующий день в вустерском полицейском участке трое мужчин собрались на совещание. На столе Уодделла лежало нескольких отчётов, на основе которых он дал хронологический обзор перемещений людей во время преступления.

– Прежде всего, – объявил он, открывая досье, – должен согласиться, что теория самоубийства больше не рассматривается. Мне звонил судебно-медицинский эксперт и сказал, что нет никаких следов пороха на руке покойного, что немыслимо, если жертва стреляла. Эксперт совершенно категоричен.

– Хорошо, – кивнул Хёрст, – это решает вопрос. По крайней мере, мы знаем, где стоим.

Начальник полиции выглядел удивлённым:

– Вы действительно так считаете? Позвольте сообщить вам окончательные результаты осмотра. Стены, потолок и половицы полностью исследованы, и мы ничего не нашли, несмотря на то, что в таком старом доме может таиться всякое. Никаких тайных проходов, никаких секретных ниш. Два окна слева от стола не открывались уже несколько лет, а свинцовый переплёт не тронут. О двери и паутине уже всё сказано. Однако исследовали и территорию под окном и ничего подозрительного не нашли.

– Это ничего не значит, – парировал Твист. – Я сам осматривал это место. Между дорожкой и узким цветником, который идёт вдоль стены, есть кирпичный бордюр, на который можно встать, чтобы влезть в окно, расположенное на уровне груди, и следов не останется.

– И пройти через паутину Пенелопы?

Твист запыхтел трубкой и выпустил тонкое кольцо дыма.

– Нет, конечно нет. Но мне пришло в голову...

– Что?

– Куда мы не повернёмся в этом деле, мы наталкиваемся на одно и то же препятствие: паук. Идёт ли речь о пропавшем досье или смерти профессора Фостера, если это действительно он, мы попадаем в липкую паутину и не можем освободиться.

– Вот видите! На самом деле мы не знаем, где находимся, и я бы даже сказал, что мы зашли в тупик.

– Может и так, – спокойно заметил инспектор Хёрст, аккуратно зачёсывая назад непослушную прядь. – Но нет причин для паники. Знаете, Уодделл, мы привыкли к подобным делам.

– Именно, – кивнул Уодделл, нервно играя с папкой документов. – Мне же, с другой стороны, никогда не приходилось иметь дело ни с чем подобным. Невероятное дело с подменой и непостижимое убийство... это уж слишком! Поэтому я задался вопросом, а не передать ли это дело Скотланд-Ярду. У меня там есть несколько контактов, и я совершенно уверен, что несколько телефонных звонков позволят мне добиться цели...

Хёрст выпрямился на стуле.

– Я правильно понял? Вы просите, чтобы я взялся за это дело?

Несчастный полицейский энергично закивал и заговорил почти со смущающим смирением:

– Да, Арчибальд, именно этого я прошу. Вы оказали бы мне большую услугу, согласившись. Не только мне, но и делу правосудия, потому что не могу подумать ни о ком другом, кто мог бы разобраться в этой путанице, особенно учитывая то, как обстоят дела сейчас.

Хёрст выпятил грудь. Гордая улыбка появилась на его румяном лице.

– Верно, дело требует определённого умения. Что вы думаете, Твист?

– Ну, конечно же, это был бы приятный перерыв в нашей поездке, Арчибальд. Я не против заняться этой проблемой, так как мы уже знаем много деталей.

На лице Уодделла было написано огромное облегчение, и он немедленно попросил коммутатор соединить его со Скотланд-Ярдом. Несколько минут спустя он повесил трубку, и лицо его светилось восторгом.

– Всё выглядит очень многообещающим, но нужно получить одобрение начальства. Однако это не должно препятствовать тому, чтобы мы продолжили обсуждение. Где я остановился? Ах, да. Точные перемещения всех замешанных. Начнём. Прежде всего, сам Фостер. В последний раз его видели живым в 1:15 в кабинете. Он собирался вздремнуть, как обычно и делал в это время. Показания получены от юного Джеймса, который помнит, что окно было открыто, а паук сидел на паутине. В этот момент можно представить, что Фостер запер дверь, но это – чистая гипотеза. Возможно, это сделал убийца.

1:30 – майор расположился в конце длинного коридора и начал строить ещё один свой чёртов карточный домик.

Ровно в 2:00 раздался выстрел, после чего последовала тишина на пятнадцать – тридцать секунд, по словам свидетелей. Майор утверждает, что миссис Шарлотта Бейтс вышла из комнаты, соседней с кабинетом, через пятнадцать

секунд, но сама она считает, что чуть позже. Дворецкий услышал, как дверной звонок зазвонил спустя одну минуту после выстрела. Доктор Пол Хьюз, визитёр, оценивает это в тридцать секунд. Юный Джеймс играл в своей комнате наверху. Он спустился второпях и также не уверен, сколько это заняло. Пенелопа и миссис Фостер были на первом этаже. Первая – в ванной и собиралась выходить, вторая – в гостиной. Они встретились в коридоре и прибыли последними спустя приблизительно тридцать секунд после других. Столько же времени прошло, прежде чем Бейтс взломал дверь, другими словами, это произошло спустя приблизительно две минуты после того, как прозвучал выстрел. Из всего этого мы явно можем заключить, что убийца – один из них и он продемонстрировал поразительное хладнокровие и изобретательность. Что думаете, джентльмены?

Хёрст кивнул:

– Совершенно верно. Однако есть один человек, который кажется более подозрительным, чем остальные, и, мог совершить убийство.

– Майор Бро? – спросил Твист.

– Именно. По вашему мнению, сколько времени потребовалось убийце, чтобы поместить пистолет в руку трупа после того, как он застрелил спящего профессора... в перчатках, конечно?

– Несколько секунд.

– Я бы сказал, три или четыре, если человек опытен. Я добавлю ещё три или четыре, чтобы достигнуть двери и открыть её, и ещё пять, чтобы добраться до конца коридора, не производя слишком много шума. В итоге меньше пятнадцати. Если принять во внимание показания миссис Бейтс, а не нашего предполагаемого преступника, это оставляет достаточно времени, чтобы закрыть засов снаружи. Пока ещё никто не может понять как, но очевидно, это

вполне мог сделать человек с трезвым умом и большой ловкостью... как наш майор – непревзойдённый эксперт по манипуляциям с картами.

– Справедливо, – согласился Уодделл. – Но что с его хромотой?

Хёрст нахмурился.

– Она не такая уж большая.

– Возможно, но поскольку важна каждая секунда...

– Знаю. Но всё-таки это самое правдоподобное решение.

И даже если он невиновен, никто больше не мог бы добиться цели, чтобы майор не был в курсе. Что касается выхода через одно из окон, это также потребовало бы чрезвычайной быстроты. Скажем, у преступника была в общей сложности минута, прежде чем вернуться к себе в комнату и разыграть невинность. Это оставляет тридцать секунд на то, чтобы сбежать из кабинета... хотя мы не в состоянии понять как, даже имея неограниченное время!

Уодделл кивнул, на мгновение задумался, а затем поднял руку, чтобы привлечь внимание.

– У меня только что возникла мысль, – сказал он. – Предположим, что кто-то просто просунул руку через окно и паутину, чтобы сделать фатальный выстрел?

– От окна до кресла приблизительно шесть футов, – возразил Твист, – и выстрел был сделан с левой стороны от жертвы, которая сидела к окну правым боком. Не говорю уже об отпечатках пальцев мертвеца на оружии.

– Возможно, убийца попросил того заранее подержать оружие под каким-то предлогом?

– Даже в этом случае, как он заделал бы дыры в паутине Пенелопы? Я попробовал сам, к её большому неудовольствию, и это была катастрофа. Тонкие шелковистые нити фактически немного липкие, а это означает, что даже маленькая рука, например ребёнка, произведёт значитель-

ные разрушения. Разрушения, которые паук в конечном счёте устранил, но хорошо видимые.

– Но предположим, ей удалось всё заделать за несколько минут до того, как кто-либо надумал осмотреть паутину?

– Об этом не может быть и речи, – ответил Твист. – Я наблюдал за её работой, и даже она, замечательный ткач, не могла бы этого сделать. А малейшее повреждение было бы чётко видно на её прекрасной работе. Я действительно подумал об этом и именно поэтому настаивал, чтобы получить подтверждение, что паутина была неповреждённой после обнаружения смерти хозяина. Майор и Бейтс – оба категоричны: паутина была совершенной!

Зазвонил телефон, и Уодделл поднял трубку. После краткой беседы он повесил трубку и улыбнулся.

– Поздравления, Арчибальд, – сказал он. – Теперь вы официально отвечаете за это дело. Мои начальники согласились, что вы – идеальный человек для этой ситуации.

Казалось, Хёрст внезапно постарел на несколько лет. Его непослушная прядь сползла на морщинистый лоб.

– Очень хорошо, – сказал он, пытаясь сделать бодрое лицо. – Но это не станет для нас куском торта.

– Ни в коей мере, – согласился доктор Твист. – В особенности потому, что дело не только в том, как было совершено преступление. Есть не менее важная проблема: действительно ли жертва была самозванцем или нет? Для того, чтобы найти убийцу и обнаружить мотив, жизненно важно знать, *кто* убит. А после исчезновения отпечатков пальцев настоящего Фостера боюсь, что наша последняя надежда на формальное опознание трупа умерла вместе с жертвой.

Стояла прекрасная погода, когда раним утром на следующий день два наши детектива подъехали к «Чёрному дому». По совету своего друга Хёрст оставил свой «талбот» у обочины дороги недалеко от входа в поместье. Он хотел осмотреть окрестности, прежде чем звонить в дверь Фостера. Дом был защищён неровной живой изгородью, тонкой в одних частях и толстой в других. По обеим сторонам изгороди росли плодовые деревья без всякого намёка на симметрию. Большую часть затенённых мест заняли папоротники, которые росли также в горшках, расставленных вокруг. Создавалось впечатление растительного изобилия и даже какой-то экзотики благодаря деревянным решёткам и причудливым бордюрам террасы.

Когда детективы двинулись по тропе слева от них, окружённой с обеих сторон изгородями, они с удивлением услышали конское ржание. Через промежуток в изгороди они увидели конюшни и примыкающий к задней части сада большой дом, хотя и меньший, чем у Фостера. Проскользнув в промежуток в изгороди, Твист, сопровождаемый своим другом, увидел молодую девушку в переднике, стоящую наверху лестницы, прислонённой к яблоне. Тонкая и светловолосая, она, казалось, была ровесницей Пенелопы, но не такой эффектной. Заметив детективов, она спустилась и подошла им, улыбаясь и вытирая руки о передник. Сине-зелёные глаза на слегка веснушчатом лице смотрели спокойно.

– Что я могу для вас сделать, джентльмены? – вежливо спросила она.

Хёрст представился, подчёркивая, что причина их вторжения – расследование, которое он ведёт вместе с компаньоном.

– Это ужасно, – заметила девушка. – Бедный мистер Фостер. После всего, что с ним произошло! Только вернулся и... Просто невероятно!

– Как я понимаю, вы – Барбара Сандерс? – спросил Хёрст, открывая блокнот.

– Да, я – дочь Джона Сандерса. Мы живём здесь одни после смерти мамы и знаем Фостеров с тех пор, как они приехали сюда. Папа очень расстроен, в особенности потому, что виделся с мистером Фостером за день до его смерти. К сожалению, тот вышел из себя... Когда папа поднял старую проблему, он очень рассердился. Папа сказал, что всё это вполне понятно ввиду всего, что он перенёс. Однако, папа вдвойне расстроен тем, что разговор закончился именно так. Когда на следующий день он узнал, что профессор совершил самоубийство, он побледнел как полотно...

– В настоящее время, – перебил Хёрст, – самоубийство не подтверждается. Фактически более вероятно, что это убийство.

Сине-зелёные глаза Барбары расширились от удивления.

– Убийство? – повторила она. – Но кто? Бандит? Грабитель?

– В этом и вопрос, мисс. Наше расследование, мы надеемся, бросит свет на эту тайну. А теперь я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Барбара отвечала на вопросы охотно, но её свидетельство не дало чего-то важного. Во время инцидента она мыла посуду. На ланч приехали два друга её отца. За звуком проточной воды и грохотом посуды, она не слышала выстрела. Её отец, который ушёл с друзьями около двух

часов, вернулся, когда пробило четыре. Закончив свой рассказ, она решительно спросила:

- Вы подозреваете кого-нибудь из внутреннего круга?
- Таковую возможность нельзя исключать.

Она украдкой взглянула на них и объявила:

- Если так, то есть лишь один человек, который мог это сделать.

Два детектива обменялись удивлёнными взглядами.

- И кто же это может быть? - осторожно спросил инспектор.

- Пенелопа, его крестница.

- И почему бы она это сделала?

- Не знаю... Но она - глубоко эгоистичный и совершенно испорченный человек... Это могла быть только она!

В красивых глазах Барбары загорелся мстительный огонь. Она подробно объяснила интриги, в результате которых её соседка Пенелопа украла Мэтта, друга Барбары. Она воспользовалась отсутствием Барбары, чтобы утешить парня после того, как тот неожиданно провалил заключительный экзамен на степень. Лёгкая добыча для такой опытной соблазнительницы, которая уже стала причиной распада очень многих пар. Было слишком очевидно, что слова Барбары мотивированы ревностью, и Хёрст начал терять терпение.

- И после всего, она бросила его, - объявила девушка с негодованием. - Мэтт попытался вернуться ко мне, но было слишком поздно. Я объяснила ему, что меня не интересуют те, кого бросила шлюха, и...

Её голос сорвался, и она разрыдалась.

- Простите меня, джентльмены, - пробормотала она, обхватив лицо ладонями, - но не могу сдержаться. Ненавижу её. Она заставила меня так страдать!

Хёрст, отмахиваясь от назойливой пчелы, откашлялся и спросил:

– Я хотел бы задать вам личный вопрос, мисс. Он касается не той молодой особы, а миссис Фостер. Вы знаете, были ли у неё свадебные планы перед возвращением бедняги Фостера?

Барбара подняла голову:

– Да, а что?

– Мы хотели бы знать, было ли это общеизвестным фактом.

– Да, вся деревня об этом знала. В Ройстоне нет никаких тайн.

– Поэтому можно ожидать, что Фостер тоже мог знать об этом?

– Мог, но не знаю, из тех ли это вещей, о которой жена первым делом объявляет мужу, которого не видела три года. Думаете, это могло иметь какое-то отношение к его смерти?

Твист поправил пенсне и глубокомысленно изрёк:

– Часто в основе таких трагедий лежат страсти. Полагаю, у вас самой достаточно опыта, чтобы понять чувства жены, мужа и жениха, внезапно поставленных в очень неловкое положение.

Молодая женщина кивнула и с трудом сглотнула, а Хёрст продолжил:

– Вы хорошо знали покойного профессора Фостера?

– Не очень. Мы здоровались мимоходом, когда он не был полностью занят собственными мыслями. С другой стороны, мой отец часто с ним беседовал.

– Мы можем поговорить с ним?

– Да, он сейчас дома, – ответила Барбара, которой удалось осушить слёзы. – Я провожу вас к нему.

Несколько минут спустя два детектива сидели в большой простой кухне в одном конце широкого дубового стола – перед ними стояли бокалы со свежим, искрящимся сидром.

Алан Твист дегустировал напиток как знаток, задавая многочисленные вопросы о его производстве, на которые Джон Сандерс, крепкий светловолосый мужчина, отвечал со знанием дела, подкреплённым больше, чем двадцатью годами практики. Затем он заговорил о соседе, отношения с которым были напряжёнными из-за яблоневого сада, разбитого на земле, примыкающей к обоим владениям. На деревьях росли лучшие яблоки, и отец Фостера, которому принадлежала земля, всегда позволял соседу ухаживать за деревьями в обмен на пользование урожаем. Но сын положил конец договорённости, что вызвало ссору, тянущуюся уже несколько лет. Затем однажды, без всякой видимой причины, он передумал, и восстановил хорошие отношения между соседями.

– Сказать, что мы стали закадычными друзьями, будет преувеличением, – продолжал Сандерс, наполняя бокалы. – Мы не проводили вечера вместе, но иногда действительно распивали пинту-другую и обменивались шутками.

– Когда позавчера вы видели Фостера, он был в хорошем настроении?

– Нет, и это была, вероятно, моя ошибка. Я хотел попросить его о небольшом расширении земли, которую он мне предоставил, но явно выбрал неудачное время. Он очень рассердился, сказал мне, что у него сейчас другие проблемы, и быстро ушёл.

– И по вашему это тот же самый человек? Я спрашиваю, потому что у нас есть причина сомневаться в его личности.

После того, как полицейский кратко объяснил факты, которые пробудили подозрение, Сандерс задумался и забарабанил пальцами по столу.

– Он явно изменился, – сказал он наконец. – Похудел, отрастил бороду и немного постарел. Но сказать, что это дру-

гой человек... Нет, такое кажется невозможным. Если только это не близнец! А что говорят его родственники?

– Практически то же самое.

Хозяин дома торжественно кивнул, а затем красноречиво развёл руками:

– Это действительно имеет значение теперь, когда он мёртв? Поскольку, так или иначе, настоящий Фостер мёртв, не так ли?

– Конечно, мистер Сандерс, – твёрдо ответил Хёрст. – Но наша система правосудия не ищет лёгких путей. Мы расследуем убийство и намереваемся найти преступника. Вопрос состоит в том, хотел ли преступник избавиться от настоящего Фостера или от самозванца.

– Зачем избавляться от самозванца? Не проще было бы отдать его под суд?

– Да, в теории, но вы должны быть уверены, что сумеете убедить суд. Предположим, вы считаете, что он слишком хитёр, чтобы попасться в ловушку...

– Я? Я никогда не подозревал ничего подобного! – загорячился хозяин.

– Это лишь фигура речи, мистер Сандерс. Но, раз уж мы об этом заговорили, можете сказать нам, что вы делали позавчера около двух часов?

Хёрст внимательно выслушал алиби фермера, которое согласовалось с показаниями его дочери. В фатальный момент он был в компании двух своих друзей, собираясь выйти из дома, чтобы отремонтировать повозку, принадлежащую одному из них.

– А кроме этого, мистер Сандерс, – спросил полицейский, – можете предложить что-то, что помогло бы нам выйти на след убийцы?

Мужчина улыбнулся и вновь наполнил бокалы.

– Значит, я не основной подозреваемый?

– Мы подозреваем всех, – вздохнул Хёрст, – такая наша работа. Это прискорбно в случае приличных людей, таких как вы, мистер Сандерс, но, к сожалению, мой опыт говорит, что отчаянные преступники часто выглядят именно так. Так что приветствуется всё, что может способствовать их аресту.

Почесав голову, фермер объявил:

– У меня есть собственная теория, но это – строго личное впечатление.

– Мы слушаем с большим вниманием.

– Если Фостер был убит так умело, как вы описали, я могу думать только об одном человеке среди окружения покойного, кто мог бы это сделать. Под этим я имею в виду человека с интеллектуальными способностями всё это запланировать. Как я сказал, у меня нет никаких доказательств, и это беспокоит меня, но... В прошлом году я столкнулся с очень хитрой проблемой, потому что в спешке пришлось собирать яблоки с нескольких деревьев. Условия были очень сложными: там сильный уклон и множество кустарников. И один человек нашёл решение, включая хитрые леса и импровизированное приспособление.

– И кто это был?

Несколько раз покачав головой, Сандерс ответил:

– Юный Джеймс. Он, конечно, всё ещё лишь ребёнок, но у него в голове всё в порядке, уж вы мне поверьте.

– И вы считаете, что это он? – в удивлении раскрыл рот Хёрст.

Сандерс медленно допил стакан, и ответил, словно проглотил что-то горькое:

– Честно говоря, нет. Я просто утверждаю, что он – единственный, у кого хватит ума придумать способ, как выйти из запертой изнутри комнаты.

ПРИКЛЕЕННЫЙ ВОЛОС И СПУЩЕННЫЕ ШИНЫ

– Теперь, когда я думаю об этом, то не уверена, – сказала Пенелопа Эллис, сидя на стуле на террасе и рассматривая свои покрытые лаком ногти. – Когда мы увидели его в день возвращения сразу после того, как он вышел из автомобиля, мне показалось, что он сильно постарел и похудел. Но позже я подумала, что это нормально после всего, что он вынес в течение долгих месяцев лишений.

Хёрст и доктор Твист слушали её уже некоторое время. Было трудно не подпасть под её бесспорное очарование, как благодаря её личности, так и женственности, – тонкая талия, короткая юбка и чёрное шёлковое болеро подчёркивали её изящную красоту.

– Если позволите обратить ваше внимание на один момент, – учтиво произнёс Хёрст, – вы и миссис Фостер – два человека, которые знали покойного лучше всех. И, учитывая её плохое зрение, остаётесь вы.

Молодая женщина пожала плечами и ответила немного нервно:

– Теперь я сомневаюсь... Чем больше я думаю об этом, тем более странным кажется всё. Его объяснение о фотографии, казалось, было придумано *in extremis*².

– То есть, вы считаете, он мог быть самозванцем?

Пенелопа изящным движением отбросила волосы назад:

---

2 На крайний случай (лат.).

– Не знаю. Я думала, что его самоубийство фактически было признанием, но теперь, когда вы сказали, что это невозможно...

Хёрст вздохнул и заговорил, почти извиняясь:

– Факты противоречивы. Но убийство действительно кажется намного более вероятным. А теперь, я хотел бы, чтобы вы рассказали нам о нём: каким человеком он был прежде, чем уехал, и сравнили с человеком, который вернулся. Мой первый вопрос касается предполагаемого брака его жены с доктором Хьюзом. По вашему мнению, он знал об этом?

Пенелопа зажгла сигарету, словно та помогала ей думать, и ответила:

– Да, совершенно уверена, что знал. Он сделал слишком много намёков, чтобы это было случайностью. Назвал того паука Пенелопой, например.

– Разве он назвал её не в вашу честь?

– Вовсе нет, это была уловка, предназначенная, чтобы посеять сомнения. Он назвал её в честь своей жены, потому что сравнивал себя с Одиссеем. Это был хитрый способ упрекнуть жену в неверности.

– Значит, вы думаете, он тайно страдал от этой ситуации?

Молодая женщина выпустила кольцо дыма:

– Да.

– Это означает, что он был настоящим Фостером?

– Не знаю, но если был, то, должно быть, очень страдал, даже если пытался скрыть это за всеми этими пренебрежительными замечаниями. Я всё ещё задаюсь вопросом...

– Да?

– Ну, если он был настолько несчастен, а потом его нашли в кабинете с пулей в голове...

– ...то есть, в конце концов, это самоубийство?

– Разве это не логично?

– Да, – глубокомысленно согласился Хёрст. – Но факты это опровергают.

– Он не был идиотом, знаете ли.

– Мы в этом никогда не сомневались, мисс. Если я вас правильно понимаю, вы думаете, он мог замаскировать своё самоубийство под преступление, чтобы избежать позора в семье?

– Именно. Он был достаточно изобретателен, чтобы поступить именно так.

– И что заставляет вас это говорить?

Улыбка, которая появилась на губах Пенелопы, обеспокоила полицейского, который нахмурился, чтобы сохранить профессиональное самообладание.

– Раз вы хотите, чтобы я вернулась к прошлому, дело вот в чём... – Она откинулась назад на стуле и уставилась на каминную решётку. – В течение года прежде, чем он уехал, другими словами, со времени, когда я приехала сюда, он никогда не прекращал находить причины для запретов – как бы сказать – моих маленьких приключений. А не в моём характере сидеть в клетке.

– Как я понимаю, вы – дочь его лучшего друга Чарльза Эллиса? – спросил доктор Твист, внезапно вмешиваясь в разговор.

– Да. Папа был лишён предубеждений и не ждал многого от жизни после смерти мамы. Он всегда советовал мне пользоваться жизнью по максимуму. У дяди Фреда были другие взгляды. Не раз он следил за мной.

– Как я понимаю, вы имели привычку возвращаться очень поздно? – заметил Хёрст.

– Это преступление? – презрительно парировала Пенелопа.

– Нет, но это объясняет его отношение к вам.

– Я допускаю это. Но приклеивать волосок к дверной щели, чтобы проверить, отсутствовала ли я ночью, открытые упрёки в ресторанах и высокоморальные нотации перед его друзьями... Или шуточки, чтобы разозлить, – если можно назвать шуточками прокалывание шин автомобиля моего дружка, в результате чего мне пришлось идти домой пешком среди ночи.

– Это сделал он? – воскликнул доктор Твист. – Вы уверены?

– Совершенно уверена, хотя он никогда в этом не признался. Он утверждал, что искал меня в другой части города.

– Какой странный человек! – заметил детектив.

– Я опущу для вас детали попыток с его стороны вернуть меня на путь истинный. Но я никогда не подчинялась! Ни ему, ни кому-либо ещё, если на то пошло!

– Вы имеете в виду майора?

Пенелопа улыбнулась, но промолчала.

Хёрст проконсультировался с записями и спросил:

– Согласно полученной информации, кажется, что у вас был довольно бурный разговор с крёстным накануне дня его смерти. Это верно?

Пенелопа иронически улыбнулась:

– И у стен есть уши.

– Да, особенно когда разговаривают на повышенных тонах. Каков был предмет разговора?

Пенелопа потушила сигарету в пепельнице, и лицо её помрачнело.

– Хорошо... Дядя Фред был в очень плохом настроении. Он ругал меня, обзывал, назвал меня... ладно, совершенно невыносимым словом.

– Мы всё это знаем, – кивнул инспектор. – Вопрос, почему?

– Потому что он только что получил кое-какие письма.

– Письма? От кого?

– Одно из ресторана «Сордфиш». В прошлом месяце я пригласила несколько друзей на вечеринку по случаю дня рождения и уехала, не заплатив. Второе было из гаража, который обслуживает мой автомобиль. В прошлый раз я попросила, чтобы они заменили чехлы на сиденьях, поскольку кожа начала стираться. Я никогда не предполагала, что это будет так дорого. Сам дядя Фред был изумлён. Я сказала ему: не моя вина, что они оказались грабителями, и я никогда не обращаюсь к ним снова. Он не слушал и прочитал мне целую лекцию с обычными обвинениями за мои вечерние отлучки и прочее.

– Автомобиль был его, не так ли? Я имею в виду, прежде, чем он уехал.

Пенелопа пожала плечами:

– Да, но если я им пользовалась (а на это куча жалоб), это потому что никто больше не может водить. Майор не доверяет травмированной ноге, а что касается Рут... тут даже говорить не о чем. Мне смешно, потому что всем всё нравится, когда они просят меня отвезти кого-нибудь из них куда-нибудь!

Хёрст сменил тему на побег пауков и исчезновение досье с отпечатками пальцев, которое привёз Уодделл. Пенелопа побледнела, словно вновь переживая события того ужасного вечера, и попыталась вспомнить каждую минуту. Но она не сообщила ничего нового, кроме подозрений относительно Фостера.

– В то время я была совершенно уверена, что именно он ответственен за то, что произошло, главным образом из-за выбора тех ужасных пауков. – Она глубоко вздохнула. – Слава Богу, их больше нет в доме. Его коллеги из Исследовательского института приехали и забрали их сегодня утром.

– Они взяли и Пенелопу? – озабоченно спросил Твист.

– Вероятно. Я не проверяла. А что?

– Поскольку она – свидетельница по этому делу, – торжественно объяснил детектив. – Ладно, если она нам понадобится, мы знаем, где её найти. Пожалуйста, продолжайте.

– Ну, я сильно подозревала дядю Фреда... в том, что он не дядя Фред, и в том, что он устроил исчезновение отпечатков пальцев. И не я одна. Мистер Уодделл совершенно не сомневался и просто вышел из себя. Как и сам дядя Фред – я продолжаю называть его так, несмотря ни на что. После множества наших вопросов о прошлом он рассердился и поклялся, что больше не станет говорить на эту тему. Вопрос был закрыт. Должна сказать, всё это выглядело очень искренно и заставило нас вновь засомневаться. Что касается Джеймса, он настаивал, что это не дядя освободил пауков...

– Почему? – резко спросил Хёрст.

– Он утверждает, что знает, кто это сделал.

Хёрст удивлённо закатил глаза.

– Как? – воскликнул он. – И он назвал вам имя?

Пенелопа страдальчески кивнула:

– Да, но вы должны его сами спросить. Это просто безумно!

ИСТОРИЯ С ЛИЛИПУТАМИ

В кабинете, куда Хёрст вызвал мальчика, считая, что так будет внушительнее, повисло напряжённое молчание. Полицейский решил не задавать вопросы в лоб, а поиграть в кошки-мышки. Было почти пять часов пополудни, и косые лучи солнца освещали лишь верхние пределы комнаты, создавая золотые узоры вокруг балдахина кровати.

Пройдясь несколько раз по комнате, от чего половицы жалобно заскрипели, Хёрст решительно объявил:

– Джеймс, мой мальчик, ты понимаешь, что являешься последним человеком, который видел дядю Фреда живым?

– Нет, мистер инспектор, сэр.

– Что?

– Убийца видел его последним.

Молчание. Хёрст обменялся понимающим взглядом с коллегой и продолжил:

– Ты прав. Возможно, ты знаешь, кто это мог быть?

Мальчик серьёзно подумал и кивнул:

– Да, думаю да.

– Только я не хочу выслушивать кучу чепухи.

– Я не такой.

– Серьёзно?

– Да, спросите любого. Меня всегда дразнят за то, что я слишком серьёзен.

– Хотелось бы верить. Итак, я слушаю. Кто это?

– Тот же самый человек, который выпустил пауков.

Сказав так, он подошёл к комоду. Сделав гримасу и напрягая мускулы, он энергично потянул верхний ящик. Выведенный из равновесия этим движением, мальчик чуть не упал.

– Ничего себе! Вышел сразу. Это странно, в прошлый раз он не поддавался. Но думаю, я знаю почему.

Он описал свои прошлые встречи с дядей, который не позволил достать игрушку.

– Смотрите, – сказал он, вытаскивая что-то из ящика, который поставил на пол. – Это – большая модель Гулливера, привязанного к земле толпой лилипутов размером с оловянных солдатиков. Разве это не здорово?

– Замечательно! – воскликнул доктор Твист, который присоединился к мальчику и восхищался миниатюрой. – Кто создал этот шедевр? Неужели ты, Джеймс?

Мальчик гордо кивнул:

– Некоторое время назад.

– После того, как узнал новость о печальной смерти дяди в Амазонке? Я имею в виду, в первый раз?

– Да. Он, конечно, Гулливер, а лилипуты – дикари, которые напали на него.

– Сверхъестественно, – прокомментировал доктор Твист, очарованный тщательностью, с которой была сделана модель.

Лилипуты, стоящие вокруг пленника, были разрисованы с большим мастерством, так что выглядели почти настоящими. Лицо Гулливера явно напоминало профессора Фостера.

Инспектор громко кашлянул и воскликнул:

– Твист, вам не кажется, что у нас есть вещи поважнее?

Мы хотели узнать...

Игнорируя его вмешательство, детектив спросил:

– И что твой дядя сказал об этом?

– Я даже не знаю, видел ли он модель, – грустно ответил Джеймс. – О, он смотрел на неё, но не думаю, что «видел». Он знал, что я оставил большинство своих игрушек в этом комодке.

С любопытством Твист открыл три других ящика.

Второй был почти пуст за исключением нескольких больших картинок, а остальные два были забиты различными игрушками.

– Можно подумать, вы ищете улики, Твист, – воскликнул полицейский. – Мы уже там смотрели.

– Вы – возможно, но не я.

– Правильно, потому что вы настаивали на том, чтобы исследовать замок и окно с паутиной. В любом случае могу вас заверить, что ничего не изменилось.

– Вы должны были рассказать мне об этом маленьком чуде, Арчибальд.

Хёрст пожал плечами. Джеймс, стоя перед ним, возразил:

– Кое-что изменилось! Как я уже сказал вам, до приезда дяди Фреда этот ящик открывался с большим трудом.

– И какой вывод ты из этого делаешь, мой друг? – поддразнил полицейский. – Что существует какая-то связь с преступлением? Что это часть плана преступника?

– Да.

Голос Хёрста внезапно повысился, словно через комнату пронёсся порыв ветра:

– *Так скажи нам, кто это?*

Джеймс осуждающе посмотрел на него, давая понять, что не глухой, и указал на модель:

– Вот... Я уверен, что это был один из них или, возможно, несколько. К тому же, они, должно быть, убежали. Я не считал их в то время, но уверен, что некоторых не хватает.

Полицейский закрыл глаза, заставляя себя оставаться спокойным, и спросил:

– Лилипуты убили профессора? Я считал тебя умнее, Джеймс...

– Я умный!

– В любом случае жаль, что ты не предупредил своего дядю.

– Но я предупреждал его! Даже несколько раз. Я сказал ему, что он должен остерегаться лилипутов, которые захватили его. Они должны были однажды вернуться и отомстить!

Хёрст притворился удивлённым:

– Насколько я знаю, его захватили не лилипуты, а южноамериканские индейцы.

– Нет, это были лилипуты! Он сам мне сказал! Потому что я специально спрашивал!

– Значит, земля лилипутов расположена в Южной Америке?

– Нет, нет! – завизжал Джеймс, внезапно становясь алым, – я не это имел в виду. «Лилипуты» – это просто слово. Индейцы, которые взяли его в плен, были очень маленькими, точно такими же, как лилипуты. Так он мне сказал. Клянусь!

Хёрст с трудом скрывал веселье:

– Не настоящие лилипуты, а индейцы – такие же маленькие, как они. Очевидно, это меняет всё.

– Вы смеётесь надо мной, мистер инспектор, сэр?

Половицы вновь заскрипели под нетерпеливыми шагами полицейского. Внезапно он остановился и повернулся к юному свидетелю:

– Так, расскажи нам свою теорию!

Джеймс, потрясённый пугающим тоном Хёрста, заговорил после короткой паузы:

– Я подумал о них, как только услышал, что пауки не сбежали сами. Это был обман, типичный для них, а пауки

происходят из той же части мира. Они вполне могли напавить пауков на террасу.

– И зачем им это делать?

– Конечно, чтобы убить профессора!

– Но в тот день они лишь украли некие важные бумаги.

– Это правда, – признал Джеймс, склоняя голову. – Я действительно об этом не подумал. Они, вероятно, хотели напугать его, прежде, чем перейти в нападение. Поскольку это именно они убили его. В этом не сомневайтесь. Они – дикари, но столь же хитры, как обезьяны. И, так или иначе, они – единственные, кто мог совершить убийство.

Хёрст больше не мог сдерживаться:

– Итак, они проскользнули под дверь, прежде чем убежать через коридор? И майор не видел их, потому что они – такие маленькие?

– Почему нет? – Джеймс, всё ещё красный как свёкла, казался глубоко оскорблённым насмешливыми замечаниями полицейского. – В любом случае – добавил он, – не думаю, что они выбрали этот путь. Думаю, они ушли через окно. Это менее опасно, потому что майор – прекрасный наблюдатель и это все знают. Они просто ускользнули сквозь нити паутины. Промежутки на краях соответствуют их размеру.

– Понятно... Итак, они ушли тем путём и больше не возвращались. Это кажется логичным. Но скажи мне, Джеймс, я всё ещё не вижу связи с заклиненным ящиком.

В глазах мальчика появился сердитый блеск:

– Да! Это потому, что они готовили тогда свой трюк. Они напрягали мускулы, чтобы я не мог открыть ящик, увидеть их приготовления и разрушить их план мести.

Хёрст сделал вид, что обдумывает сказанное, а затем ответил:

– Откровенно говоря, мне трудно поверить в твою историю. Ящик застрял потому, что ты слишком спешил открыть его.

Джеймс вытянулся перед тучным полицейским и убеждённо заявил:

– Нет! И я вам это докажу!

КЛЯТВА ГИППОКРАТА

Хёрст пригласил своего друга прогуляться снаружи. Он хотел успокоить нервы, выкурить сигару и поговорить без помех.

– Профессор Фостер убит лилипутами! – бормотал он, двигаясь по гравийной дорожке. – Как вам это? За время карьеры я слышал многое, но такое! Безумная теория, по словам мисс Пенелопы? Она должна была бы сказать «сюрреалистическая»!

– Вас предупреждали, друг мой. Джеймс демонстрирует определённую наивность, несмотря на ум.

– Наивность? Скорее ум пятилетнего ребёнка. Как мог Сандерс, который в остальном, кажется, мыслит вполне разумно, предположить, что этот ребёнок способен всё это проделать? Тут одно из двух, Твист: или мальчик – почти гений с даром актёрства, или он – умственно отсталый.

– В последнее верится с трудом. Вы внимательно рассмотрели ту модель, Арчибальд? Концепция, как и исполнение, демонстрирует очень сильную творческую силу и способность наблюдать, которые трудно найти даже у взрослых. Что касается его сумасшедшей теории, я сказал бы, что вы задели его за живое. Вы сыграли на его уязвлом самолюбии и загнали в угол. Он мог ответить, лишь говоря чудовищные вещи. И действительно ли я прав, считая, что вы собираетесь игнорировать всё им сказанное?

– Вполне возможно, – согласился полицейский, строящаяся пепел с сигары. – Всё это дело начинает меня злить. Не знаю, заметили ли вы, но мы не продвинулись ни на дюйм. Все вопросы остались без ответа. А мы сидим, терпеливо слушая небылицы.

– На самом деле, когда об этом подумаешь, та часть о застревающем ящике может быть нитью.

– Вы шутите?

– Нет, возможно, там был предмет, спрятанный убийцей и жизненно важный для выполнения трюка. Само собой разумеется, раннее обнаружение его было бы фатальным для плана.

– Какой предмет?

– Понятия не имею, – признал Твист, останавливаясь перед «ягуаром» с откинутым верхом.

– Что вы делаете?

– Проверяю, что восхитительная Пенелопа не вешает нам лапшу на уши. Очевидно нет. Сидения отреставрированы, и кожа совершенно новая.

– Машина не из дешёвых, – задумчиво заметил Хёрст.

– Фостер был богат, как вы знаете.

– Да, и я начинаю задаваться вопросом, не усложняем ли мы всё и не игнорируем то, что бросается в глаза.

– Вы думаете, его убили ради состояния?

– Да, и вопрос с самозванством не важен, потому что в любом случае этот человек представлял препятствие для наследования, детали которого совершенно очевидны. Миссис Фостер – единственная наследница состояния мужа.

Твист повернулся, оглядываясь на «Чёрный дом», шиферная крыша которого отражала лучи садящегося солнца.

– Инвалидность даёт ей неопровержимое алиби.

– Оно имеется у всех, пока мы не раскроем тайну убийства!

– Значит, по-вашему, она – чёрная вдова во всём этом деле?

Саркастическая улыбка осветила румяное лицо полицейского:

– Чёрная вдова? Она уже второй раз носит траур, причём по тому же человеку! И она собиралась вступить в новый брак... что могло стать дополнительной причиной устранения профессора Фостера. Вполне возможно, что она заговорила сообщника, и нам не нужно долго гадать, как его зовут. Вы знаете, о ком я говорю. Надёжный друг, имеющий те же интересы. Короче говоря, её жених – доктор Хьюз.

– Не вижу возражений к вашей теории, Арчибальд, кроме стены, в которую мы вновь упираемся.

Хёрст упорно продолжал:

– Мы сотрём её в пыль, уж поверьте. Я всегда утверждал, что антураж – бич нашей профессии, но это дело поднимает всё на новый уровень. Индейцы, девственные джунгли, гигантские пауки, оживший исследователь, самозванец (или ложный самозванец), лилипуты, гоблины и, я не знаю, кто ещё! Выбросим это всё, сметём всю паутину, закрывающую правду, и тьму разгонит свет, ослепительный как солнце!

Твист глянул на одно из окон и пригладил усы:

– Прежде всего, мы должны расспросить миссис Фостер. Но она на транквилизаторах, начиная со времени убийства, и доктор Хьюз просил не беспокоить её.

– Ему легко говорить, – проворчал инспектор Скотланд-Ярда. – Но мы обязаны с ней побеседовать, хотя бы недолго.

– Что, если сначала поговорить с доктором Хьюзом? Он здесь, я только что видел его в окне.

– Хорошая мысль. Жду не дождусь, когда его увижу.

Беседа происходила на террасе. Усевшийся на один из плетёных стульев, доктор Хьюз был бледен и явно нервничал. Настолько, что Твист решил: ему самому не помещала бы консультация с одним из коллег.

– Мы переживаем трудный период, джентльмены, – начал он.

– Человек погиб, – ответил Хёрст. – Это естественно.

– О, я думаю не о мёртвых, – вздохнул доктор, опуская глаза. – Они, по крайней мере, покоятся с миром. И бывают моменты, когда я им почти завидую... Поскольку мы с Рут живём в настоящем кошмаре. И я опасаясь, что она никогда не оправится.

Его лицо прояснилось, когда он заговорил о своём прибытии в Ройстон и встрече с Рут, подругой детства. Глаза его наполнились печалью, когда он описал её медленную потерю зрения.

– Чтение было её настоящей страстью, – объяснил он. – Она любила сидеть на этой террасе и читать что-нибудь о приключениях. Она обожала Редьярда Киплинга, и бесконечно перечитывала «Книгу джунглей». Ей нравилось сидеть в этом месте, потому что отсюда открывается вид, который напоминает ей о прочитанных там историях. Она всё ещё любит эту книгу, но это совсем не то. Она может лишь вспоминать её. Когда я начал читать ей, между нами произошло что-то, что очень трудно объяснить. Я стал её глазами, а она – моим сердцем, потому что оно билось быстрее всякий раз, когда я видел её. Мы были одно целое, но не осмеливались выразить то, что чувствовали друг к другу.

– Понимаю, – вмешался Хёрст. – Но как всё это время реагировал её муж? Разве он не считал странным, что вы проводите так много времени вместе, даже при том, что вы были её врачом?

– Фостер всегда был очень занятым человеком. Сам я его почти никогда не видел. Когда он преподавал в Вустере за два или три года до его отъезда, было ещё хуже. Я сказал бы даже, что он стал пренебрегать женой. Рут очень страдала, поскольку всё ещё любила его, несмотря ни на что. И, только между нами, я обнаружил причину его пренебрежения. Я никогда не говорил об этом Рут, потому что это заставило бы её страдать ещё сильнее.

– Любовница? – предположил Хёрст.

– Да, – торжественно произнёс доктор Хьюз. – Секретарша в учебном заведении, где он преподавал.

– Старая, как мир, история.

– Это был лишь слух: мне сообщил друг, который также там работал. Именно поэтому я прошу вас сохранить это в тайне. Но это объяснило его постоянные отлучки. В последний год, однако, он работал в Исследовательском институте. Думаю, он, должно быть, понял, что Рут очень несчастна, потому что стал отсутствовать только в течение дня. Он, должно быть, покончил с интрижкой и стал нормальным домоседом. Что касается меня, я стал приезжать реже и очень редко по вечерам. Приезд его крестницы создал другие проблемы, но это – отдельная история. Я сказал бы, что Рут стала после этого намного счастливее. А затем он уехал в Бразилию...

Доктор Хьюз сделал паузу. Видно было, что его переполняют эмоции.

– Новость о его смерти, я имею в виду его первую смерть, стала для Рут большим шоком. Но жизнь продолжалась. Она поняла, что я для неё действительно значу, и мы решили пожениться. Я как раз прощался со своей холостяцкой жизнью, когда узнал новость о его возвращении. Остальную часть истории вы знаете, джентльмены.

Хёрст кивнул, сочувствуя несчастьям доктора, а затем продолжил допрос почти так же, как с предыдущими свидетелями.

– Думаю, Фостер знал о наших планах, – торжественно заявил доктор Хьюз. – Он, мог узнать о них от любого «доброжелателя» в деревне или в другом месте. Едва ли это было тайной. Даже в этом случае мы с Рут стеснялись поговорить с ним об этом. Несмотря на обстоятельства, мы не могли не чувствовать, что, так или иначе, предали его. Но теперь я понимаю, что он действительно знал. Мы обменялись парой слов накануне его смерти, что делает всё ещё неприятнее.

– О клятве Гиппократа, как я вспоминаю?

– Точно.

– Точно? – удивлённо повторил доктор Твист. – О, понимаю. Фостер, должно быть, сослался на ту её часть, где говорится, что пациентов нельзя использовать в своих интересах.

Доктор Хьюз кивнул с горькой улыбкой.

– Да, трудно было намекнуть яснее. Он, должно быть, был очень расстроен, когда бросил мне обвинение в лицо.

– Это от избытка ревности?

– Возможно, – ответил доктор. – Но его плохое настроение началось после инцидента с пауками.

– Из чего мы можем сделать вывод, что это не он освободил их. А значит, он не самозванец. Да ещё и тот факт, что он был ревнив, поскольку у фальшивого мужа такого повода не было.

– Если это не была игра, – закончил Твист с усталой улыбкой, вставая со стула. – Грустно, но ничего не ясно. Он самозванец... нет не самозванец... нет всё-таки самозванец... Правда отскакивает, как теннисный мяч. По-моему, един-

ственный человек, который может ответить на этот вопрос, сама миссис Фостер.

– После трагедии я избегал заговаривать с ней на эту тему.

– Но вы не возражаете, если мы поговорим с ней несколько минут, доктор?

– Только не долго и не расстраивайте её, – попросил Хьюз. – Она уже и так много страдала.

РАССКАЗЫВАЕТ ВДОВА

Хозяйка дома сидела в кресле с подголовником около открытого окна её спальни. Она со странной настойчивостью смотрела на воображаемую точку где-то снаружи. Розовый шёлк её халата и длинные светлые волосы подчёркивали мягкость её линий и ангельскую красоту.

После того, как детективы выразили свои соболезнования, она попросила, чтобы доктор Твист описал ей пейзаж. Помня совет доктора, он нарисовал картину буколического очарования, украшенного экзотикой, с деревьями и изгородями, скорее напоминающими Индию Киплинга, чем пасторальную сельскую местность, запечатлённую Констеблем. Садающееся солнце подчёркивало это впечатление.

На её милом лице появилось выражение облегчения.

– Значит, ничего не изменилось, – сказала она. – Это то, что я увидела, когда приехала впервые в «Чёрной дом» как новобрачная. Когда я задаю Полу тот же самый вопрос, он даёт мне тот же ответ, но я подозреваю, что он приукрашивает картину только для того, чтобы сделать меня счастливее. Бедный Пол... Думаю, смерть мужа затронула его ещё больше, чем меня. Он испытывает ужасное чувство вины.

– Вашего мужа? – оживился Хёрст. – Значит, вы уверены?

Рут Фостер не спешила отвечать, но её спокойный голос придавал словам больше веса, чем если бы она ответила немедленно.

– Теперь да.

– Но мы только что говорили с вашим... доктором.

– Могу лишь сказать, что есть некоторые вещи, которые не могут обмануть жену.

– Но вы их не знали в прошлый раз, когда полиция задавала вам этот вопрос?

– Нет, я не была абсолютно уверена. Была в шоке от новостей. И слишком много вещей произошло с тех пор. Та невероятная фотография, пауки и исчезновение бумаг. После этого я стала сомневаться.

– Но теперь, когда он мёртв, у вас больше нет сомнений?

– Если хотите, можете сформулировать и так. Но не его смерть принесла мне уверенность.

– Что тогда?

Слёзы появились в глазах миссис Фостер, а тени в комнате стали ещё длиннее.

– Разговор, – пробормотала она. – Разговор, который был у нас с ним накануне трагедии. Фредерик пришёл ко мне. И это затронуло меня настолько глубоко, что я ещё не сказала Полу об этом.

Рут Фостер больше не могла сдерживать рыдания. Детективы вежливо отвернулись, и через некоторое время она продолжила:

– То, что он мне сказал, лишило меня речи. Я была одновременно ужасно огорчена и исполнена жалостью. Прежде всего, он объяснил, что его отъезд состоялся не только по профессиональным причинам. Он воспользовался ситуацией, чтобы отправиться в добровольное изгнание. Он хотел побыть один и всё обдумать. Он уже понял, что между Полом и мной что-то происходит, даже при том, что сами мы тогда этого ещё не понимали. Но это было не всё. К тому времени он познакомился с молодой женщиной, в которую безумно влюбился.

Хёрст и доктор Твист обменялись беглыми взглядами, которые, очевидно, не могла видеть вдова.

– Потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он сделал ошибку, – продолжала миссис Фостер между рыданиями, – но он запутался и, исполненный стыда, не знал, что делать. Он всё ещё любил меня и не мог простить себя за то, что обманул. И именно поэтому он решил освободиться, исчезнув... Человек, тело которого было найдено год спустя, действительно был Питером Томпсоном, на которого напала группа дикарей, как он и говорил. Но здесь оканчивается правдивость его рассказа. Поскольку его компаньон имел такое сильное сходство с ним и был в таком жалком состоянии, у него возникла мысль положить свои документы, удостоверяющие личность, в карман куртки трупа, чтобы все решили, что мёртв он. Он планировал совершенно исчезнуть из цивилизованного общества и жить среди дружелюбных туземцев, отдаваясь страсти наблюдать природу и её обитателей.

– Но к концу двух лет он передумал, – заметил Твист, покачивая головой.

– Да. Желание вернуться пришло к нему раньше, но он был упрямым и не очень хотел вновь радикально всё менять. Однако он вынужден был признать, что не создан для той жизни. А кроме того, он сделал главный выбор... Я была единственным человеком в мире, который для него что-то значил. И он вернулся. Он ничего не знал о проблемах, которые его ожидают, ни с сентиментальной, ни с административной точки зрения. Но он был готов на всё, чтобы вернуть мою любовь, сколько бы времени для этого ни потребовалось.

Рут Фостер едва закончила рассказ, как слёзы полились вновь.

Детективы молча кивнули. Явное горе вдовы, казалось, добавило убедительности её словам.

– Какова же была ваша реакция на его клятвы? – спросил Хёрст после минуты молчания.

– Как и сейчас. Я разревелась.

– А он?

– Ушёл... и больше мы об этом не говорили.

– И именно из-за этого его нервы были на пределе?

– Думаю, да. Он, должно быть, был очень зол на себя. И на это наложилось остальное, например, подозрения, нависшие над ним. Его, казалось, это сначала забавляло, но не после воровства документов. Были и другие мелочи.

– Был ли он в отчаянии? Или он считал, что всё ещё имеется шанс продолжить всё с того места, где остановился, – я имею в виду, с вами?

– Не думаю, что кто-то из нас это знал. Именно поэтому я сказала Полу, что действительно не понимаю, где я и что я.

– Теоретически он мог убить себя в припадке раскаяния.

– Да, я подумала об этом, когда услышала ужасные новости... но, очевидно, это невозможно.

Беседа закончилась прибытием Бейтса. Дворецкий сказал инспектору, что его требуют к телефону.

После того, как Хёрст повесил трубку, лицо его выглядело очень задумчивым. На лбу появились бусинки пота. Спокойным голосом он сказал своему компаньону, который оставался в вестибюле:

– Это был Уодделл. Звонил из Вустера. На сей раз нам немного повезло. Он порылся в военных архивах города и наткнулся на старое досье Фостера.

– С отпечатками пальцев?

– Да. Они полностью совпадают с отпечатками покойного. Таким образом, мы не имеем дело с самозванцем. Это подтверждает свидетельство, которое мы только что услышали.

Доктор Твист оглядел пустынный коридор, слабо освещённый маленькими матовыми настенными светильниками.

– Свет становится ярче, но он ещё не изгнал тени.

– Всё-таки это большой шаг вперёд.

– Да, но куда он приводит нас? Не считайте, что я усложняю ситуацию только ради удовольствия, Арчибальд, но мы всё ещё там, где раньше. Убийство или самоубийство? И, в любом случае, как всё произошло? Что касается воровства досье, которое привёз Уодделл, теперь оно кажется совершенно абсурдным, учитывая, что у Фостера не было абсолютно никаких причин для подобных действий. А если так, кто это сделал и почему?

Всё ещё сжимая телефон, Хёрст глубоко вздохнул:

– Вы не очень оптимистичны, Твист.

Дверь скрипнула, послышались быстрые шаги в коридоре и появился юный Джеймс. Он, казалось, направлялся по главному коридору, но, заметив двух детективов, передумал и подошёл к ним.

– Так, парень! – громко сказал Хёрст. – Есть успехи с расследованием?

– Да, – ответил Джеймс тем же тоном. – Я выяснил, как убийце удалось сбежать.

– Ты говоришь о лилипутах, как я понимаю?

Лицо Джеймса помрачнело:

– Очень смешно, мистер инспектор, сэр. Но я не ошибся: убийца действительно сбежал через ящик!

КОНЕЦ ГУАЛИВЕРА

Как обычно, Джеймс первым встал из-за стола. Майор только что зажѐг сигару, получив из рук Шарлотты чашку кофе. Пенелопа, Рут и доктор Хьюз едва произнесли хоть слово во время еды, но на сей раз хозяйка дома выпрямилась и спросила с тревогой:

– Что на него сегодня нашло? Он кажется чрезвычайно возбуждённым. Чуть не сбил меня сейчас в коридоре.

Пенелопа сделала гримасу и вздохнула:

– Наверное, обдумывает какую-то новую штуку. Я видела, как он нѐс свою старую модель с карликами.

– Я видел, как он входил в кабинет, – добавил майор.

– По-моему, – вставил Бейтс, начиная убирать со стола, – он играет в детектива.

– Он всё ещё не сознаёт, что произошло, – заметила миссис Фостер, качая головой.

– Правильно, – согласился майор. – У него никогда не было чувства реальности. Наверное, это из-за возраста.

С этими словами отставной солдат встал и покинул комнату. Можно было слышать, как его неуверенные шаги удаляются по коридору. Обитатели комнаты предположили, что он направляется на веранду строить ещё один из бесконечных картонных домиков, но тут они были неправы. Тем вечером майор, казалось, лишился обычной ловкости.

Фактически руки у него не дрожали, но ему явно не хватало концентрации. Он вспоминал о временах военной службы, когда должен был стоять на посту ночью. Он при-

стально вглядывался в тени, держа оружие наготове и ловя каждый звук. Сегодня вечером всё было тихо и мирно, но он чувствовал, как опасность назревает...

Даже при том, что ночи в Ройстоне не были столь жаркими, как в Хартуме или Фашоде, его не покидало странное чувство изнеможения. Дом, казалось, накопил жару за лето, в особенности во время недавней тёплой погоды.

Он был не единственным, у кого создалось такое впечатление. Доктор Хьюз обливался потом в габардиновом пиджаке после того, как вышел от Рут около девяти часов вечера, дав ей успокоительное. Откровения его невесты очень встревожили его. Когда он механически спускался по лестнице, то столкнулся с Бейтсом. Поражённый его потерянным видом, дворецкий предложил доктору «капельку» на дорожку.

После небольших колебаний доктор Хьюз сказал, что это превосходная мысль, и прошёл в гостиную. На террасе он увидел Пенелопу, расположившуюся на одном из больших плетёных стульев. Ей, казалось, тоже было жарко, поскольку она сменила платье, в котором была за обедом, на лёгкий халат. Она подвернула под себя одну красивую ногу, а другую вытянула и положила на один из табуретов. Пульс доктора резко участился. Молодая женщина, поглощённая журналом, никак не реагировала, пока он не подошёл вплотную. Встретив его удивлённый пристальный взгляд, она застенчиво убрала проблемную ногу.

– Извините меня! – сказала она с улыбкой. – Я не видела, что вы здесь, доктор.

– Это я должен извиниться, – ответил он, ослабляя узел галстука. – Я настолько расстроен этим делом, что не смог отказаться от напитка, который Бейтс предложил мне. – После неловкого молчания он добавил: – Не возражаете, если я составлю вам компанию на несколько минут?

– Нисколько, – ответила она. – Наоборот, Пол, если вы не против, чтобы я вас так называла.

– Конечно, после столького времени, как мы знакомы.

– Не знаю, что со мной происходит, но сегодня вечером я очень нервничаю, – сказала она, поворачиваясь к саду, погружённому в темноту.

– В конце концов, за последние несколько дней случилось столько, что это едва ли удивительно. И вы не единственная в таком состоянии, уж поверьте.

В этот момент в гостиную вошёл Бейтс, поставил напиток на один из столиков и ушёл так же осторожно, как приблизился. Последовало продолжительное молчание, а затем Пенелопа объявила:

– В один из ближайших дней я уеду отсюда.

Доктор Хьюз сделал большой глоток и спросил:

– Почему? Разве вы не счастливы здесь?

– Да, но я хочу всё забыть. Всё... Трагедию, конечно, но и другое...

– Другое?

Всё ещё глядя в сад, она пожала плечами:

– Романы без будущего, пустая бессмысленная жизнь. Я хочу попробовать что-то ещё.

– Приключение с большой буквы?

– Называйте это, как хотите. То, чего мне хочется, это присутствия любящего человека, всегда поддерживающего меня, преданного друга и страстного возлюбленного, кого-то, на кого я всегда могу положиться...

Она не закончила предложения. Последовала ещё одна пауза. Чувствуя приятное воздействие алкоголя, Пол Хьюз сказал себе, что иногда он эффективнее любого лекарства, которое он прописывает. Он сделал второй большой глоток и вновь испытал блаженство. Его голос звучал более уверенно, когда он спросил:

– Вы нашли своего прекрасного принца, Пенелопа?

– Ещё нет, – ответила она, – Но, возможно, однажды...

– Однажды это непременно произойдёт, дорогая.

– Говорят, что иногда человек ищет вдалеке то, что находится под носом.

– Да, такое случается. Счастье не всегда находится на другом конце света. Но я не совсем понимаю, о чём вы.

Они вновь посмотрели друг на друга, и ресницы молодой женщины затрепетали, прежде чем она отвела взгляд.

– Ни о чём, – пробормотала она. – Я имею в виду, что ещё сама не разобралась в своих чувствах. Мне нужно подумать... А теперь пойду лягу.

С этими словами она встала. Вновь доктор Хьюз почувствовал, что его пульс участился при виде её красивых ног. Она застенчиво улыбнулась и двинулась к двери. После того, как она ушла, он всё ещё стоял неподвижно, вдыхая тонкий аромат её духов.

Доктор покачал головой, залпом допил содержимое бокала и вышел.

Часы в коридоре только что пробили одиннадцать. В «Чёрном доме» повисла тишина. Не было никаких огней ни в одном из окон: ни наверху, ни на первом этаже. Однако в коридоре можно было видеть луч света из немного приоткрытой двери, ведущей в подвал. Послышались приглушённые шаги, сопровождаемые скрипом открывающейся двери. Затем заскрипела лестница, ведущая вниз в подвал. С огромной осторожностью кто-то приближался к источнику света, который шёл из помещения внизу, используемого в качестве мастерской и для хранения садового инвентаря. В углу находился камин. Тишину нарушил ти-

хий металлический стук. Склонившийся над ящиком Джеймс рылся в содержимом – смеси шурупов и гвоздей.

Внезапно он встал. В течение нескольких секунд он казался испуганным, но затем расслабился, поскольку узнал фигуру, появившуюся в дверях и частично скрытую темнотой. Лицо человека было вполне доброжелательным, но внимательный наблюдатель обнаружил бы в глазах нечто странное.

– Что ты тут делаешь, Джеймс? – раздался тихий голос.

– Решаю проблему.

– Какую?

Джеймс подумал мгновение, рассматривая модель, которую положил на пол подвала.

– Это можно было бы назвать тайной исчезающих липутов.

На лице, всё ещё скрытом тенью, появилась улыбка.

– Очень забавно, Джеймс. Но расскажи мне подробнее, о чём это.

– Это о трюке, который убийца проделал, чтобы сбежать из комнаты, не оставляя следов.

– И ты обнаружил, как это было сделано?

– Да, думаю так.

– Но это замечательно! Можешь мне показать?

– Конечно.

Джеймсу не потребовалось много времени, чтобы продемонстрировать верность его выводов.

– Проще простого, как только понял идею, – закончил он.

– В самом деле. Скажи мне, ты рассказал об этом кому-нибудь ещё?

– Нет. Никто не хочет слушать даже при том, что я дал им ключ к разгадке!

– Так и есть. Но хорошо, что ты держал язык за зубами. Они сами могут до этого додуматься. В конце концов, они достаточно взрослые и это – их работа.

– Правильно, – решительно согласился Джеймс.

– А что ты делаешь сейчас?

– Ищу заключительное доказательство.

– Не беспокойся. Это бессмысленно. Лучше вообще избавиться от всего этого. Я разведу огонь в очаге.

– Что, моя красивая модель со всеми лилипутами?

– Да. У тебя будет много времени, чтобы сделать другую. Давай, помоги мне.

– Но почему? – простонал Джеймс, широко раскрыв глаза от удивления. – Мне потребовалось так много времени, чтобы её построить.

– Так будет лучше. Я объясню, как только мы закончим. И не говори так громко. Ты всех перебудишь.

ХЁРСТ СТРОИТ ДОМИКИ

Двое детективов выслушали показания всех слуг и, благодаря им, узнали о жарких спорах, в которых родные Фостера горячо противоречили ему. Кроме того, детективы поговорили с майором, но только о технических аспектах преступления. Когда в середине утра они прибыли в «Чёрный дом», то обнаружили старого воина за обычным занятием в углу главного коридора около веранды.

Эдвин Бро тут же забросил карточный домик и внимательно выслушал факты, сообщённые детективами.

– Итак, Фостер не был самозванцем, – повторил он. – Это – превосходная новость.

– Мы узнали её ещё вчера вечером, – пояснил Хёрст, глядя на разбросанные карты, – но хотели убедиться, прежде чем сообщать вам официально. Кроме того, миссис Фостер уже знала правду.

Майор внезапно нахмурился.

– Но, в этом случае, если он – это он, зачем ему похищать собственные отпечатки? Они бы прояснили ситуацию в его интересах.

– Очень просто: потому что это сделал кто-то другой. Кто-то, кому было выгодно, чтобы профессора считали самозванцем. По крайней мере, к такому выводу мы пришли. Или у вас есть лучшая версия?

– Нет, – ответил майор после недолгих размышлений. – Но кто мог извлечь выгоду, поддерживая эти подозрения?

– В этом-то и вопрос, – вздохнул Хёрст, поднимая карту со стола. – Но, если подумать, некоторые варианты более правдоподобны, чем другие.

– Полагаю, вы имеете в виду несостоявшихся «новобрачных»?

Хёрст взял ещё одну карту, и спросил:

– Вы позволите?

– Действуйте, инспектор. Это превосходное упражнение на терпение.

Ставя карту во второй ряд, полицейский улыбнулся, очень стараясь казаться скромным:

– Терпение – едва ли моё слабое место... Да, вы же понимаете, что всё это значит. Очень вероятно, что вор досье и убийца – один и тот же человек.

– О, Боже! – воскликнул майор. – Я едва могу этому поверить!

– Тем не менее, это вполне логичный вывод. Но мы ещё не полностью с этим разобрались. Расследование всё ещё буксует с *modus operandi*³ преступления. И, пока мы не... пока мы... Чёрт возьми, эти карты словно мылом намазаны!

Зажмурив один глаз и высунув язык, Хёрст тщетно пытался построить свой первый карточный домик.

– Возможно, вы просто не привыкли манипулировать ими? – вежливо предположил майор.

– Это верно, но так как я терпелив по природе, это не должно быть проблемой. В конце концов, известно, что терпение и время эффективнее, чем сила и гнев!

Чуть позже румяное лицо инспектора расплылось в улыбку. Он успешно закончил свою первую конструкцию.

– Знаете ли вы, что делом занимается и третий следователь? – спросил Бро.

---

3 Способ совершения преступления (лат.)

– Молодой? – спросил доктор Твист с улыбкой.

– Самый юный в доме. Наш Джеймс, кажется, наступает вам на пятки, джентльмены.

– Знаем, – отрезал Хёрст. – Он уже поделился с нами одним из своих блестящих объяснений, которое я не решусь повторить.

– Будьте осторожны. Он неглуп. У вас сильный конкурент.

– Без сомнения, но интересно, у него... как бы это сказать?

– Винтиков не хватает? – саркастически предложил майор.

– Вы просто сняли эти слова у меня с языка, майор. Меня предупредили, что он склонен дико всё преувеличивать, например его теория о лилипутах-убийцах, сбегаящих через ящики.

– Верно, он не прост. Он свёл с ума всех в школе, потому что впитывает всё, как промокательная бумага, до такой степени, что некоторые из его учителей считают, что его можно перевести в следующий класс даже при том, что он и так уже – самый младший в классе. С другой стороны, некоторые считают, что у него недостаток зрелости. Да, теперь, когда о нём зашла речь, я не видел его этим утром. Интересно, чем он занят. Вот Бейтс, давайте спросим его.

Дворецкий сказал им, что тоже не видел мальчика.

– Пойдите и разбудите его, – распорядился Эдвин Бро. – Скажите ему, что он нам нужен, чтобы помочь проникнуть в суть проблемы!

После того, как Бейтс ушёл, Хёрст вернулся к проблеме исчезновения убийцы, одновременно строя второй этаж нового карточного домика.

– Очевидно, это – ключ к загадке. Мы уже пробежали по фактам вместе с вами, майор, но не разобрали подробно время после обнаружения преступления. После первого осмотра вы вышли из кабинета профессора, оставив поме-

щение пустым и без присмотра, пока не прибыла полиция.

– Без присмотра? Нет. Мы были в коридоре, как я вам сказал.

– Здесь?

– Нет, ближе к главному входу. Но мы не стояли там, как статуи. Мы ходили туда-сюда, как делают все, когда нервничают. Если бы кто-то вернулся в кабинет, мы бы его видели.

– Предположим, он вернулся через окно? – предположил доктор Твист. – Доступ был свободен, потому что вы разорвали паутину.

– Полагаю, это возможно, – неохотно ответил старый солдат. – Но потребовались бы стальные нервы...

– Которые у него имеются, как демонстрирует само преступление. И сколько времени у него было бы в этом случае?

– Полчаса, сорок минут... Должен признать, я не смотрел на часы. Но могу сказать вам одну вещь: к тому времени, как мы вернулись с полицейскими, этот паук уже сплёл новую паутину.

– Ему потребовалось бы на это не больше двадцати минут, – глубокомысленно заметил Твист. – Что теоретически оставляет столько же времени преступнику. Скажем, у него было добрых десять минут.

– И как он ими воспользовался?

Поскольку Твист молчал, Хёрст, который только что закончил ещё один этаж, спросил:

– Вы снова что-то от меня скрываете, Твист? У вас в голове, кажется, появились новые мысли.

– Не совсем так. Я просто подумал о той модели в заклиненном ящике... который позже освободился.

– Пожалуйста, не смешите меня. Не говорите, что вы серьёзно относитесь к небылицам этого ребёнка!

– Наш преступник использовал какой-то трюк, и это произошло в этой комнате, а значит мы должны искать здесь. И, так как мы не нашли больше ничего...

– Вы правы, – поддержал его майор. – А так как мы затронули эту тему, я хотел бы поделиться с вами кое-чем. Это не теория, а просто подозрение.

– Действуйте, – сказал Хёрст, занятый сооружением третьего этажа.

– Моя мысль состоит в том, что убийца вышел через окно – до преступления, после преступления или даже и до, и после, – поскольку это кажется наименее невозможным объяснением.

– Это – один из способов взглянуть на проблему, – усмехнулся Хёрст, хотя лицо его было искажено усилиями поставить на место следующую карту. – Я сам провёл целых две ночи, спрашивая себя, как можно пройти через паутину и оставить её неповреждённой... но ладно, продолжайте.

– Позвольте мне напомнить вам, что окно выходит на запад. Теперь, если провести прямую линию оттуда через двойную изгородь, перед конюшней и через сад, вы попадёте на ферму Сандерса.

– И именно там, по-вашему, мы найдём убийцу?

Майор выглядел смущённым:

– Как я говорю, это – всего лишь подозрение. Но нужно же где-то искать преступника, и я ставлю на то, что это Джон Сандерс. Он – довольно приличный парень, и мы с ним прекрасно ладим: я иногда помогаю ему во время сбора яблок – в меру своих возможностей с учётом хромоты. Но не думаю, что он простил, как ему грубо отказали в пересмотре границ. Всё у них было вполне приемлемо, но накануне убийства, Фостер внезапно сделал крутой поворот. Фредерик сказал мне об этом сам сразу после того, как поговорил с Сандерсом.

– Проблема, – возразил Хёрст, – состоит в том, что у этого джентльмена имеется неопровержимое алиби. Этим утром мы расспросили двух его друзей, которые были с ним в решающий момент. Оба подтверждают, что не отходили от него между полуднем и четырьмя часами, за исключением десятиминутного перерыва, когда он пошёл наверх, чтобы переодеться. Правда, это был промежуток, когда и произошёл инцидент.

– Десять минут, чтобы покрыть сорок ярдов, выстрелить и вернуться? Разве этого мало? В любом случае это намного больше, чем время, которое было у родственников жертвы!

Хёрст не ответил. Он только что сделал неверное движение, которое разрушило весь домик. Прядь инспектора упала ему на лоб, и он печально смотрел на развалины.

Именно в этот момент появился Бейтс. Его бледное лицо контрастировало с алым лицом полицейского, когда дворецкий с трудом объявил:

– Шарлотта только что нашла Джеймса... в подвале... мёртвым.

После того, как во второй половине дня тело мальчика увезли, двое детективов и Уоддел какое-то время просто-яли молча в подвале. Все трое смотрели на место, где нашли несчастного Джеймса, словно он всё ещё лежал на животе перед очагом, голова на каменном основании, а на правом виске след сокрушительного удара. Судебно-медицинский эксперт оценил время смерти между одиннадцатью и двенадцатью часами предыдущего вечера. Причина смерти казалась очевидной, мальчик упал и разбил голову о гранитное основание. На полу валялось несколько кусков угля из ведёрка, стоящего у стены. Имелись следы угольной пыли на подошвах жертвы, так же как на его руках.

Уодделлу обстоятельства трагедии казались очевидными: мальчик случайно опрокинул ведро с углём, затем собрал упавшие куски, о чём свидетельствовали перепачканные руки. Но, действуя в спешке, он не заметил пары кусков и упал, споткнувшись об один из них. Доктор Твист и Хёрст очень скептически отнеслись к этой теории, какой бы очевидной она не казалась. Они считали, что перед ними второе убийство. Судебно-медицинский эксперт не нашёл ничего подозрительного в ране на виске, допустив, тем не менее, что она может быть вызвана чем-то другим, нежели падением, например, одним из больших ключей, висящих на деревянной панели, или одним из булыжников, сложенных в углу комнаты, как предположил доктор Твист.

Были и другие подходящие объекты, валяющиеся вокруг, но никаких подозрительных следов или других улик не нашли, несмотря на тщательный обыск.

Однако действительно казалось довольно странным, что ведро для угля полное. Бейтс и его жена полагали, что оно должно быть пустым, но не были абсолютно уверены, поскольку редко спускались вниз в мастерскую. Майор, казалось, был последним, кто растапливал камин, но это было предыдущей зимой, и он не мог вспомнить, в каком состоянии оставил ведро для угля. С тех пор никому и в голову не пришло проверить его содержимое. С другой стороны, не было ни малейших сомнений, что обнаруженный пепел совсем свежий. Заинтригованный Твист попросил, чтобы полиция исследовала его с особой тщательностью.

– Очень не хочется думать, что кто-то убил этого ребёнка, – пробормотал инспектор Хёрст после долгого молчания. – Но я не могу сделать никакого другого вывода.

– Полностью согласен, – печально признал Твист, не отрывая взгляда от каменного основания камина.

– Послушайте, джентльмены, – нервно возразил Уодделл. Стараясь не встречаться с ними взглядом, он добавил: – Боюсь, ваши заключения слишком поспешны. Новое убийство? После всего, что уже произошло? Разве вам не кажется, что всё уже и так слишком сложно? И какого чёрта кому-то убивать этого ребёнка?

– Чтобы заставить его молчать.

– Он нашёл преступника?

– Не знаю. Но кажется, он раскрыл трюк, с помощью которого убийца смог покинуть комнату... а это по сути то же самое.

– Откуда вы знаете?

– Поскольку он, более или менее, сам нам об этом рассказал, не так ли, Арчибальд?

Инспектор из Скотланд-Ярда что-то проворчал, прежде чем повторить их разговор с Джеймсом. Закончив, он не смог сдержать гнев:

– Кто поверил бы такому дикому объяснению? Никто нормальный. Бедный ребёнок говорит нам, что убийца вышел через ящик... и, по стечению обстоятельств, умирает несколько часов спустя.

Уодделл, крайне сбитый с толку, спросил:

– Это означает, что вы верите в лилипутов?

– Нет! – заорал Хёрст, становясь пунцовым. – Ни в лилипутов, ни в гномов! Но я не собираюсь отрицать улики, когда они бросаются в глаза!

Уодделл попятился, выходя ещё более смущённым. Он почти без всякой надежды посмотрел на доктора Твиста, который указал на камин.

– Пепел, который нашли, почти наверняка от остатков ящика и известной модели, – сказал детектив. – Мы совершенно уверены, потому что их больше нигде не нашли, а Джеймса видели: он нёс их вниз в подвал.

– Но почему их сожгли, если они были такими драгоценными уликами?

– Нечего и говорить, что это дело рук убийцы, – несколько презрительно ответил Твист. – Он понял, что к выводам мальчика нужно отнестись серьёзно, и был, очевидно, заинтригован приходами мальчика в кабинет и тем фактом, что он продолжал свои исследования здесь до поздней ночи. По-видимому, убийца ждал, пока дом не заснёт, прежде чем совершить своё гнусное дело. Но этим самым наш друг сделал небольшую ошибку. Верно, что он уничтожил основную часть улик, но, таким образом, подтвердил их важность.

– Так, – заметил Уодделл, и его глаза широко открылись от удивления. – Вы тоже считаете, что в основе проблемы лежат лилипуты?

– Вне всякого сомнения. Могу я предложить вернуться в кабинет, чтобы ещё подумать о загадке?

В течение следующего получаса доктор Алан Твист несколько раз заходил в кабинет покойного профессора и выходил из него, исследуя дверной замок, окна, платяной шкаф и, в частности, комод, где теперь на месте верхнего ящика зияла пустота. Арчибальд Хёрст, бормоча что-то про себя, следовал за ним, как верный пёс, пытаясь понять ход его мыслей и иногда задавая вопросы, но без большого успеха. Доктор Твист был нем, как могила. Уодделл, нервный и неловкий, тоже не мог оставаться на одном месте. Ровно в пять часов в дверях показался Бейтс и осведомился, не хотят ли детективы чаю.

– Превосходная идея, – сказал начальник полиции. – Но после этого, друзья, если не возражаете, я вернусь в свой кабинет, чтобы приступить к отчёту, и...

– Я хотел бы, чтобы вы сделали нам небольшое одолжение, – внезапно сказал Твист.

Уодделл нахмурился было, но бодро ответил:

– Конечно. Что такое?

– Посетите учебное заведение в Вустере, где Фостер преподавал. У него там была интрижка с секретаршей. Попытайтесь её найти, потому что её показания могут быть важными.

– Считайте, сделано, – сказал Уодделл, который так стремился поскорее уехать, что даже не стал ждать, когда подадут чай.

Когда Бейтс возвратился с чаем, Твист спросил его, не слышал ли он подозрительного шума в течение ночи. Дворецкий удивлённо поднял брови.

– Никто не слышал ничего особенного, сэр. Я, кажется, уже отвечал на этот вопрос. Но, если позволите заметить, это едва ли удивительно, потому что все спальни находят-

ся наверху. Шум от кого-то, упавшего в подвале, или даже слабый крик было бы трудно услышать.

– Я помню, Бейтс. Но то, о чём я спросил, относится к любому виду шума, даже наверху: например, скрип двери и шаги кого-то, вставшего ночью.

Слуга задумчиво приложил палец к губам и ответил:

– Такое возможно, да. Но мы не обращаем внимания на подобные шумы. Мы так привыкли к ним, что больше не слышим.

Твист внезапно остановился. Встав на колени перед комодом с чашкой чая в руке, он, казалось, очень заинтересовался зияющим проёмом. Он поблагодарил слугу, даже не расслышав его ответа. Когда последний покинул комнату, Хёрст заметил другу с иронией в голосе:

– Дорогой Твист, что-то говорит мне, что вы хотите уединиться и подумать.

– Возможно, вы правы, Арчибальд.

– До такой степени, что отпустили свидетеля в процессе получения от него важной информации.

– Важной информации? Не думаю. Только потому, что кто-то встаёт среди ночи, его не обязательно сразу обвинять в убийстве. На самом деле я задавал вопросы просто по привычке. Бейтс – очень хороший наблюдатель. Если бы он услышал или увидел что-то важное, то уже рассказал бы нам. Но посмотрите сюда, Арчибальд. Видите эти две дырочки по обе стороны от проёма?

Полицейский нахмурился и после краткого осмотра кивнул.

– Да, выглядит так, словно там было два гвоздя.

– Скорее шурупа, я бы сказал.

– Без сомнения, это юный Джеймс...

– Нет, это не он. У нас нет пока никакой возможности это подтвердить, но готов держать пари, что в ящике было два подобных шурупа, в тех же самых местах... Понимаете?

– Если честно, нет.

– Их использовали, чтобы зафиксировать ящик в день, когда был убит профессор. Именно поэтому Джеймс не смог открыть его. Откройте, например, нижний ящик. Вы можете видеть, что у каждого ящика есть декоративная панель спереди, более широкая, чем проём приблизительно на полдюйма во все стороны. Всё, что нужно сделать, это просверлить отверстие в каждой из более коротких сторон маленьким сверлом...

– ...чтобы повернуть ящик к самому комоду. Понимаю, но зачем кому-то это делать?

– Чтобы никто не мог заглянуть внутрь, – ответил доктор Твист торжественно и задумчиво.

Лицо полицейского внезапно пошло пятнами.

– И что там было? Модель Гулливера? Мы это уже знаем, не так ли? Поскольку очевидно, что наш убийца – лилипут, да? Твист, если вы не скажете мне немедленно, что вы придумали, я сойду с ума и моё терпение...

– Модель Гулливера? – воскликнул детектив, поглаживая усы. – В тот момент она была в более нижнем ящике. Там полно места для неё. Вы можете видеть, что в ящике пусто за исключением рисунков позади.

– Так что там было тогда? – кипятился полицейский. – Дьявольская машина?

– Если я скажу, вы не поверите.

– Твист, если вы немедленно мне не скажете, я за себя не отвечаю!

– Очень хорошо. Внутри не было ничего.

– *Ничего?* – повторил Хёрст, его глаза готовы были выпрыгнуть из орбит. – Вы так говорите, только чтобы выиграть время!

– Я предупреждал вас. Верно, что я не совсем уверен. Можете найти мне кусок верёвки?

Потрясённый Хёрст быстро вышел и вернулся, запыхавшись, через несколько минут, неся моток верёвки.

– Ничего себе! – воскликнул Твист. – Так много мне не надо, но это прекрасно.

– Не слишком толстая? – спросил полицейский.

– Нисколько. Толщина не имеет значения. И ещё, Арчибалд, вы могли бы найти того молодого полицейского, ответственного за экспертизу пепла?

– Он отправился в лабораторию.

– Знаю. Думаю, сейчас он уже вернулся. Я хотел бы узнать, что он нашёл.

Хёрст выбежал ещё раз. Ему потребовался час, чтобы съездить в Вустер и назад. Он обнаружил Твиста в кресле, в котором был убит Фостер. Криминолог чему-то улыбался, посматривая в окно. Лицо полицейского было каменным, когда он вынул конверт из кармана и вручил его другу со словами:

– Кроме ручки, нечего значительного. И нет ничего, доказывающего, что всего этого не было там раньше.

– Шурупы?

Прядь Хёрста резко упала на лоб:

– Как, к чертям, вы узнали?

– Просто предположил, – сказал доктор Твист, бодро вставая с кресла. – Но давайте взглянем.

Он открыл конверт и извлёк металлический предмет.

– Это, очевидно, ручка ящика. Точно такая же, как другие, что подтверждает мою гипотезу. И несколько шурупов... Три стандартного размера и четыре поменьше.

– Большое спасибо за разъяснение, – насмешливо поблагодарил Хёрст, – но я их уже осмотрел. Теперь, возможно, вы скажете мне, для чего их использовали.

– Что? – воскликнул Твист, поправляя пенсне. – Вы всё ещё не понимаете?

– Я ничего не понимаю кроме факта, что убийца «сбежал через ящик», если процитировать последние слова несчастного паренька.

– Но это действительно так, Арчибальд! – воскликнул доктор Твист почти с искренним весельем.

– Понимаю. Это просто картинка.

– Как те – во втором ящике? Но там просто рождественские открытки.

– Я имею в виду, это некий образ, который должен нас направить на верный путь.

Твист покачал головой и улыбнулся.

– Нет-нет, Арчибальд. Зачем всё усложнять? Джеймс имел в виду это буквально. Наш убийца убил профессора Фостера, пока тот сидел в кресле, затем вложил оружие ему в руку, чтобы всё стало похоже на самоубийство, а затем... Пфф! Он исчез через это!

Твист сопроводил свои удивительные слова широкими жестами, указав сначала на кресло, а затем на комод.

Хёрст недоверчиво смотрел на него.

– Это – шутка, не так ли? – пробормотал он. – Вы намекаете на ящик Алисы... то есть, её зеркало?

– Ничуть. В этом исчезновении нет ничего удивительного. Убийца действительно ушёл через ящик.

Сидя в кресле с подголовником около открытого окна, Рут Фостер словно вся ушла в рассматривание неба. Её лицо казалось ещё более безжизненным, чем обычно. Ни один мускул не двигался ни на лице, ни на руках, симметрично лежащих на подлокотниках.

Пол Хьюз наблюдал за ней краем глаза. Он чувствовал себя так, словно находился в обществе манекена. Или, скорее, куклы. Красивой куклы, но несчастной. Ни яркие лучи света, ни счастливое щебетание птиц на окружающих деревьях, казалось, никак не влияли на её настроение.

Он вздохнул, прежде чем нарушить продолжительное молчание:

– Знаю, мы живём в очень тяжёлое время, дорогая, но мы не должны оставлять надежду. Эта длинная череда несчастий однажды закончится, обязательно!

– Как бы мне хотелось в это верить, Пол, – ответила миссис Фостер невыразительным тоном. – Сама я в это больше не верю. Сначала отмена нашей свадьбы...

– Это было шоком и для меня, поверь!

– ...затем возвращение Фредерика, споры о фотографии, последующие подозрения, кража досье... и смерть мужа. А вчера – смерть Джеймса.

– Всё закончилось, дорогая, обещаю.

– Это никогда не закончится для людей, родившихся под несчастливой звездой. Им суждено страдать и видеть, как те, кто им дорог, исчезают один за другим.

– Время излечит всё, уверяю тебя.

– Я уже слышала это от тебя, Пол.

– Это правда, но нам же почти удалось, не так ли? Кроме того, я уверен: то, через что нам пришлось пройти вместе, только усилит связь между нами.

Рут ответила с рыданием в голосе:

– Я начинаю сомневаться в этом, Пол. Я уже сказала тебе, что больше не понимаю, где я, после того, как Фредерик поговорил со мной.

– Чтобы признаться, что он обманывал тебя почти год! – парировал доктор. – Чтобы сказать о трусливом бегстве, которое последовало.

– Разве это не доказывает, что он всё ещё любил меня? Когда он сказал мне, что готов начать всё сначала и уверен больше, чем когда-либо, что любит меня после трёх лет чистилища в джунглях, я засомневалась... в себе, в тебе, в нас, во всём...

Полу Хьюзу удалось содержать волну ревности, которая поднялась в нём. Он объявил почти нормальным голосом:

– Но теперь он ушёл навсегда. – После недолгого молчания он продолжил: – В любом случае, для одного из нас это оказалось слишком. Он понял в конечном счёте, какое горе принёс.

– Пол! Мы даже не знаем, как он умер!

– В любом случае, нужно забыть. Забудем всё. Будем повторять, что жизнь продолжается. Я хочу, чтобы ты знала, дорогая, что мои чувства не изменились!

В глазах вдовы появилось удивление:

– Это значит, что... что ты всё ещё хочешь жениться на мне?

– Больше, чем когда-либо, любовь моя.

– Но Пол, мы не можем даже думать об этом, пока...

– Чем скорее, тем лучше, – заявил доктор, который теперь стоял около окна. – Но пока ещё рано. Я недавно говорил с Пенелопой и майором. Они только что вернулись из Вустера.

– Конечно, – вздохнула вдова. – Они ездили в похоронное бюро. Боже! Я не смогла бы справиться с этим.

– Они заказали общие похороны для Фредерика и Джеймса через три дня, и...

Доктор Хьюз внезапно остановился. Послышались звуки сильной ссоры: быстрые шаги по гравию, за которыми последовали отчаянные крики и возмутительные оскорбления.

Миссис Фостер выпрямилась в кресле.

– Пол, что происходит? Похоже на Пенелопу...

– Да, но я ничего не вижу, – ответил доктор. – Подожди-ка! Да, на углу дома. Она с Барбарой. Боже мой! Они дерутся как фурии. Не двигайся, любимая, я попытаюсь успокоить их.

Было лишь начало второй половины дня, но майор не строил один из своих бесконечных карточных домиков. Он просматривал в гостиной документы из похоронного бюро. Услышав крики, он насторожился, как будто всё ещё находился в армии, и выбежал из комнаты, выронив бумаги на пол. В коридоре он оказался чуть впереди Бейтса и доктора Хьюза, и бросился вниз по лестнице с максимальной возможной скоростью. Открыв парадную дверь, он столкнулся с Пенелопой, которая поспешно вбежала в дом – волосы в беспорядке, бледная, из губы кровь. Она бросилась в его объятия и отчаянно зарыдала, всё ещё извергая гадкие эпитеты, направленные, как они узнали позже, когда девушка чуть пришла в себя, на Барбару Сандерс.

Майору с трудом удалось её успокоить. Молодая женщина вся дрожала, и на щеках красовались царапины.

– Маленькая шпионящая сучка! – задыхалась девушка. – Я поймала её с поличным... и это взбесило её. И она думала, что я позволю ей выйти сухой из воды, эта куча дерьма! За кого она меня принимает, эта ревнивая тигрица?

Вы видели её глаза? Она хотела содрать с меня кожу живьём, не сомневайтесь.

Спокойный голос доктора Хьюза заставил, наконец, её прийти в себя, и она резко рухнула в кресло, позволив ему осмотреть её.

– Ничего серьёзного, – сказал он. – Несколько вырванных прядей волос, небольшой удар в губу и лёгкие царапины на щеках.

– Лёгкие царапины? Она хотела изуродовать меня! Не прекратила злиться за то, что я увела этого ненормально-го Мэтта у неё из-под носа!

Пол Хьюз успокаивающе улыбнулся:

– Поверьте, через неделю или две никто ничего не заметит.

– Две недели? Это так серьёзно? У вас есть зеркало?

– Прежде всего, вы должны спокойно рассказать нам, что произошло.

Час спустя доктор Твист и Арчибальд Хёрст пили сидр на кухне Сандерса. Они прибыли в «Чёрный дом» сразу после инцидента между двумя девушками. Из окна, выходящего в гостиную, они видели, что доктор Хьюз осматривает Барбару, как несколько ранее Пенелопу.

Джон Сандерс, сидевший в рубашке с короткими рукавами, вздохнул:

– Действительно грустно – впасть в такое состояние абсолютно не из-за чего. Поскольку конюшни рядом, Барбара иногда посматривает в сторону Фостеров. И после всего, что произошло, кто может обвинить её?

Детективы уже слышали версию Пенелопы, и эта версия, что касается перемещений, согласовывалась с расска-

занной соседкой. Барбара прошла сквозь изгородь и стояла напротив кабинета профессора, о чём-то задумавшись. Пенелопа, идущая по дорожке, увидела её. С этого момента показания отличались. По словам Пенелопы, она просто заметила, что любопытство не красит. Согласно Барбаре, однако, Пенелопа сразу обозвала её пронирой, «любопытной Варварой», буквально выплёвывая слова ей в лицо. Последовал путаный обмен оскорблениями и угрозами, перейдя в своей высшей точке в физическое нападение. Барбару соперница укусила за большой палец, который теперь сильно кровоточил.

– Когда я увидел её, – продолжал Джон Сандерс, – то очень испугался. Я немедленно отправился за доктором Хьюзом. Он как раз заканчивал с другой девушкой. Он сказал мне, что не может наложить шва, но будет достаточно сделать толстую повязку на пальце. Но что за чёрт: выцарапывать глаза друг у друга, как школьницы!

В этот момент в комнату вошёл сам доктор Хьюз и с удовольствием принял стакан сидра.

– Ну и дела! – сказал он, сделав большой глоток. – Никогда не думал, что так называемый «слабый пол» может быть настолько свирепым! Истинные гарпии! К счастью, больше страха, чем увечий.

– Если бы я так не разволновался, – сказал Сандерс, – то задал бы обоим хорошую трёпку!

– Да, – согласился Хёрст, вставая. – Лучшего урока для них и быть не может. Что ж, давайте пойдём и поговорим с тигрицей номер два.

Сопровождаемый Твистом, он вошёл в гостиную и обнаружил Барбару в кресле, рассматривающую перевязанный большой палец, как ребёнок, заинтересованный новым объектом.

– Не знаю, что на меня нашло, – сказала она, – но когда она начала мне выговаривать таким тоном, я не смогла сдержаться... И сказала всё, что думаю.

– Мисс Пенелопа Эллис утверждает, что вы назвали её дешёвой шлюхой, – заметил Хёрст, открывая блокнот.

– Это не так! Она преувеличивает. Я, возможно, и намекнула, что она меняет дружков, как нижнее бельё, что общеизвестно, но не могу повторить того, что она сказала обо мне.

– То есть, вы ответили ей в её же манере.

Барбара покачала головой:

– Нет, но я действительно сказала ей всё, что о ней думаю. После чего она вышла из себя и напала на меня, как дикарка. К счастью, я умею защищаться.

– А что вы там делали? – спросил Хёрст.

– Как я уже говорила вам, я пошла задать лошадям сена и зашла лишь посмотреть.

Хёрст поспрашивал её ещё немного, но больше не узнал ничего. По знаку друга он закончил допрос. Двое детективов вернулись на кухню, где фермер всё ещё выпивал с доктором Хьюзом.

– Итак, что вы думаете? – спросил Сандерс. – Боюсь, это не улучшит отношения между нашими домами.

– Точно, – кивнул доктор Твист. – Именно поэтому я предлагаю примирительную встречу завтра в два часа дня у Фостеров. Рассчитываю увидеть там вас, Сандерс, а также вашу дочь. Надеюсь, к тому времени она успокоится.

– Я за этим прослежу.

– Примирительная встреча, Твист? – удивлённо переспросил доктор. – Кроме этой смешной драки между детьми, все в прекрасных отношениях, как видите.

– Да, но обстановка накалена, и это столкновение отражает напряжённую атмосферу последних нескольких дней.

Если мы не хотим, чтобы всё стало ещё хуже, мы должны пролить свет на это прискорбное дело как можно скорее.

Удивлённый доктор Хьюз поправил очки:

– И именно это вы собираетесь сделать завтра в два часа?

– Да. По крайней мере, частично. Прямо на месте преступления я объясню трюк, который позволил убийце исчезнуть словно по волшебству.

КАК ПРОЙТИ СКВОЗЬ ПАУТИНУ...

Когда часы пробили два, в кабинете профессора Фостера собрались все главные действующие лица. Майор сидел рядом с Пенелопой за письменным столом. Глаза молодой женщины, всё ещё пылающие гневом, старались не смотреть на кровать, около которой стояли Джон Сандерс с дочерью. Барбара держала руки за спиной, чтобы скрыть перевязанный большой палец, и на лице её было написано презрение. Бейтс, жёсткий и прямой, стоял рядом с дверью рядом с Шарлоттой, которая казалась намного более нервной, чем муж. Рут Фостер явно очень переживала из-за встречи, которая происходила на месте преступления. Доктор Хьюз как будто бы должен был её успокаивать, но он и сам явно был на пределе.

Хёрст спокойно стоял у окна, скрестив руки на груди, пока его друг Твист глубокомысленно смотрел из окна вдаль. При последнем ударе часов детектив повернулся к креслу и печально покачал головой:

– Ровно пять дней назад, несчастный профессор Фостер умер в этой самой комнате при обстоятельствах, которые бросили вызов нашему уму. Наш друг, инспектор Уодделл попросил, чтобы мы провели это расследование, но сам он, очевидно, не может быть здесь. Безотносительно причины, его присутствие совершенно не обязательно. С другой стороны, я глубоко сожалею об отсутствии Пенелопы.

Все присутствующие посмотрели на изумлённую молодую женщину, включая Барбару, которая ранее изо всех сил старалась игнорировать её.

– Но я здесь, – возразила девушка.

В глазах детектива запрыгали озорные искорки:

– Я говорил, мисс Эллис, о паучихе Пенелопе, маленькой любимице профессора.

Молодая женщина застенчиво улыбнулась и пожала плечами.

– Та Пенелопа, – продолжал Твист, – была его фавориткой среди всех пленников, и он окружил её такой нежной заботой, словно она была его тайной любовницей. Ему нравилось утверждать, что он приручил её, и вы, вероятно, заметили, что она никогда не покидала эту комнату. Жаль, что её здесь нет, потому что это позволило бы мне сделать точную реконструкцию трюка, использованного убийцей, но Исследовательский институт не захотел рисковать и дать ей возможность сбежать, если они доверят её мне. Неважно, мы сможем продолжить и без неё.

– Хорошо, – насмешливо заметила Барбара, – раз вы говорите, что её присутствие необязательно.

Джон Сандерс бросил на дочь неодобрительный взгляд, но доктор Твист притворился, что ничего не слышал, и продолжил:

– Давайте начнём сначала. Очевидно, что первопричиной трагедии стало неожиданное возвращение Фредерика Фостера. Его «воскрешение» оказалось неприятным сюрпризом для убийцы, который решил устранить его раз и навсегда. Это (увы!) не слишком помогает определить личность убийцы, потому что многим людям помешало его возвращение...

Теперь мы знаем, что в личности Фостера нет сомнений; он отправился в изгнание добровольно по личным мотивам и воспользовался стечением обстоятельств, в частности, трагической гибелью компаньона, чтобы его посчитали умершим. Поэтому приходится верить, когда он утвер-

ждал, что имя Питера Томпсона на фотографии Фостера было просто ошибкой. Простая ошибка, но имеющая серьёзные последствия, поскольку породила сомнения относительно его собственной личности до такой степени, что пришлось вмешаться начальнику вустерской полиции. Именно тогда наш убийца вышел на сцену.

Он уже принял решение избавиться от профессора и постараться, чтобы его смерть выглядела как самоубийство. Проблема состояла в том, что Фостер был человеком не того типа, который склонен к самоубийству. Но, если бы можно было заставить его выглядеть самозванцем, самоубийство было бы более вероятным. Именно поэтому убийца организовал инцидент с пауками, чтобы выкрасть досье, содержащее отпечатки пальцев профессора, в результате Фостер стал выглядеть самозванцем, который при угрозе разоблачения покончил с собой. Такое впечатление хотел создать убийца, но, к сожалению для него, время поджимало и он совершил несколько ошибок.

Незначительных ошибок, что и говорить, без серьёзных последствий. С другой стороны, вторжение на территорию юного Джеймса – в ящик, содержащий модель Гулливера, – было серьёзной ошибкой. Изобретательному парню удалось распутать сложную механику этой тайны, и поэтому пришлось заставить его замолчать.

– Значит, Джеймс тоже убит, – простонала хозяйка дома, закрывая лицо руками. – Это ужасно...

– Относительно этого никаких сомнений, мадам, – мрачно кивнул доктор Твист. – Но на сей раз убийца не оставил ключей к разгадке своего отвратительного преступления. Он почти наверняка нанёс фатальный удар одним из бульжников, прежде, чем поставить сцену с ведёрком для угля, чтобы было похоже на случайное падение.

Твист на секунду задумался и продолжил:

– При этом нельзя утверждать, что убийца был вынужден совершить это второе преступление, потому что открытие его трюка не позволяет однозначно идентифицировать преступника, но он предпочёл не рисковать. Теперь давайте посмотрим на то, как маленький Джеймс преуспел там, где были сбиты с толку мы, профессионалы.

Детектив оглядел кабинет:

– Эта комната, как вы видите, имеет несколько выходов: три окна и дверь. Нет никаких секретных проходов. Жертва была убита ровно в два часа. Когда мы после этого быстро вошли, убийца исчез. Итак, куда он ушёл? Он не мог пройти ни в эти два окна над столом, петли которых прожавели, ни через дверь, запертую изнутри и находящуюся под наблюдением майора Бро. Единственный возможный выход, казалось бы, это окно около кресла, открытое, как сейчас, но заблокированное, если можно так выразиться, паутиной. По словам Джеймса, это не остановило липутов, которых он подозревал в убийстве. Он заметил, что, как ни странно, верхний ящик комода перед убийством был заблокирован. Тот самый ящик, который отсутствует в настоящее время. Джеймс решил, что миниатюрные убийцы закрылись там, прежде чем совершить преступление.

Джон Сандерс откашлялся и удивлённо спросил:

– И, по-вашему, Джеймс серьёзно верил в эту ерунду?

– Нет, не совсем. Это был его способ превратить всё в игру и образно изложить проблему. В конце концов, разве не естественно постулировать крошечного преступника после того, как остальные теории рассыпались? А раз так, он начал думать, что убийца, или убийцы, вернулись туда, откуда вышли, то есть, в ящик. Он продолжал повторять, что «они убежали через ящик», просто из упрямства, пытаясь представить всё дело как продолжение истории про Гулливера. И постоянно повторяя эту фразу, он, наконец,

понял! Как это ни невероятно, именно она стала ключом к разгадке: убийца действительно убежал через ящик.

По аудитории пробежал ропот недоверия, а Пенелопа спросила с иронией:

– Мне казалось, вы говорили, через окно?

– Вы не могли выразиться точнее, мисс.

– Тогда я не понимаю: окно или ящик? Не оба же одновременно?

С улыбкой на губах доктор Твист погрозил ей пальцем:

– А вот и нет, как мы увидим. Но я только что подумал о другой важной детали: по словам свидетелей, паука, похоже, очень затронула смерть хозяина.

– Это правда, – подтвердил майор.

Твист задумчиво пригладил усы:

– Гм... Вполне вероятно, что пауки могут чувствовать некоторую привязанность к особям собственного вида и к потомству, но к людям? Даже при том, что я не эксперт в зоопсихологии, не верю! Убитый горем паук очень трогателен, но разве не правдоподобнее, что наша Пенелопа была просто очень удивлена? Разве она не бегала по паутине, словно была поражена... по какой-то другой причине?

– Это возможно, – осторожно ответил Бейтс.

– Предположим, что это так, – вмешался майор. – Действительно ли это так важно?

– Да. Я сказал бы, что это жизненно важно. Наша Пенелопа, к примеру, была удивлена, увидев чужую паутину.

– Другими словами, поддельную паутину? – с насмешкой парировал старый солдат. – Позвольте я остановлю вас. Это была настоящая паутина, а никакая не фальшивка.

– Паутина, которую вы тут же уничтожили!

– Но...

– Да, знаю, это была естественная реакция. Но вы, однако, подыграли убийце, потому что он сделал бы то же самое.

– При всём уважении, – перебил Бейтс, – думаю, вы облаиваете не то дерево. Паутина была настоящей и надёжно прикреплена к оконной раме.

– К оконной раме или к ящику? – едко спросил детектив.

– Прошу прощения?

– Да, Бейтс, я сказал ящик. Мне хотелось бы, чтобы вы вынули один из других оставшихся и освободили его... Второй почти пуст... Теперь скажите мне, из чего сделан этот ящик. Жёсткая рамка, тонкое днище и декоративная панель с ручкой. В ящиках, которые вы видите здесь, панель просто привинчена к рамке. Чтобы их разъединить, нужна лишь отвёртка. Фактически она лежит в нижнем ящике, Бейтс. Я был бы очень обязан, если вы сделаете эту работу. Потребуется лишь минута.

Удивлённый дворецкий замялся, но затем сделал то, что его просили. Потребовалось даже меньше времени, чем предполагалось, и, когда всё было сделано, Твист добавил:

– Днище, которое сделано из фанеры, достаточно гибко и его можно вынуть из пазов, слегка надавив.

Бейтс вновь подчинился и с небольшими усилиями удалил тонкое днище.

– Итак, что осталось? – спросил детектив. – Рамка из тёмного дуба почти восьми дюймов глубиной, которая выглядит точно так же, как...

Не получив никакого ответа, он заговорил более менторским тоном:

– Как что? Гм... Подойдите и посмотрите на оконную раму, или точнее, панели, которые прикреплены к стене изнутри и имеют глубину приблизительно восемь дюймов. Защищённые навесом от дождя и прямого солнечного света, они находятся в хорошем состоянии и регулярно обновляются, если судить по ровной и гладкой поверхности. И как можете видеть, дерево выглядит совершенно так же...

Кроме того, позвольте мне обратить ваше внимание на тот факт, что все оконные рамы в доме прямоугольные, поскольку установлены относительно недавно. Трюк не прошёл бы со скруглёнными окнами, которые обычно можно найти в старых деревянно-кирпичных зданиях. Итак, с точки зрения столяра, построить такую раму – всё равно, что сделать ящик...

Слуга в изумлении переводил взгляд с окна на ящик и обратно.

– Предупреждаю вас, – продолжал доктор Твист, стоя перед открытым окном, – что ящик, который вы держите, не в точности подходит под оконное отверстие, потому что излишне глубок. Для убийцы было бы слишком иметь инвентарь в точности нужных размеров! Арчибальд, у вас не осталось куска той замечательной верёвки? Хорошо. Дайте её Бейтсу, чтобы он смог провести измерения. Когда я делал их сам, то обнаружил, что длина, ширина и глубина превышают размер окна менее, чем на дюйм.

Дворецкий сделал измерения и кивнул в знак согласия. Твист продолжал, указывая на окно:

– Очевидно, потребовалась тонкая подгонка, которая свелась к уменьшению всех трёх размеров рамки ящика: тонкая и осторожная операция, которая потребовала определённого времени и, очевидно, большого умения. Именно поэтому преступник должен был вынести ящик на некоторое время между днём накануне убийства и утром убийства. Для этого он просто привинтил декоративную панель непосредственно к комоду с помощью двух шурупов, следы которых всё ещё видны. Модель временно переместили в нижний ящик. А теперь, Бейтс и майор Бро, подойдите поближе и предположите, что я снаружи, и вставляю другую, меньшую рамку в истинную внешнюю раму, как вложенные коробки без дна и верха...

– Ей-богу! – воскликнул майор, щёлкнув пальцами, – думаю, я понял! Убийца ушёл через окно, после чего вставил рамку, которую заранее подготовил, с паутиной, натянутой на неё, в истинную оконную раму...

– Да, и настоящую паутину было легко получить. Он поместил рамку ящика туда предыдущим утром, подождал, пока наша прядильщица сделает свою работу, а затем спрятал законченное изделие за кустами.

Бейтс выглядел растерянным.

– Сейчас я понимаю нашу ошибку. Теперь я ни в чём не могу быть уверенным!

– Хронологически, всё совпадает, – продолжал доктор Твист. – Около без пяти двух убийца проскальзывает в комнату через открытое окно и видит профессора спящим в кресле, как обычно в это время. Надев перчатки, он находит пистолет, который тот держит в кабинете, протирает его начисто, заряжает и стреляет через ткань, совершая своё чёрное дело. С того момента дорога каждая секунда. Он прижимает пальцы жертвы к оружию и позволяют пистолету упасть на пол под безжизненно свисающую руку, а затем уходит через окно. Всё, что необходимо, это задвинуть рамку ящика, украшенную паутиной Пенелопы, в настоящую оконную раму. И теперь мы можем понять, почему наша замечательная прядильщица была удивлена, обнаружив, что одна из её собственных паутин уже готова словно по волшебству!

Вся операция после выстрела занимает тридцать секунд, самое большее. Теперь наступает сложная часть. Поскольку после длинной паузы с момента выстрела жизненно важно, чтобы убийца появился на сцене преступления. Ложное окно необходимо удалить прежде, чем приедет полиция, и, если возможно, вернуть на законное место в комод, иначе самый поверхностный осмотр с внешней сторо-

ны выявит вложенные рамы. Именно поэтому вмешательство майора оказалось так полезно, хотя совершенно очевидно, что любой мог сорвать паутину. Поскольку, если бы паутина осталась неповреждённой и кто-то вошёл в комнату после того, как фальшивая рама исчезла, и обнаружил совершенно нормальное ничем не закрытое окно, это выглядело бы очень подозрительно. После действий майора, даже если бы прошло некоторое время и паук начал ткать свою паутину снова, это выглядело бы нормально. В любом случае убийца зависел от реакции свидетелей и должен был полагаться на их способность импровизировать, как мы и видим.

Если следователи найдут декоративную планку ящика привёрнутой к комоду, это небольшая проблема, потому что это могла сделать и жертва. Но всё же лучше вернуть всё так, как было. И возникает неожиданная возможность: кабинет пуст приблизительно в течение получаса. Это опасно, потому что кто-нибудь мог вернуться в любой момент, но наш друг не боится риска, и до сих пор ему всё удавалось.

Учитывая, что коридор более или менее находится под наблюдением, он был вынужден воспользоваться окном, и на сей раз действительно можно сказать, что он прошёл через ящик! Оказавшись внутри, он легко втянул ящик в комнату. Затем подошёл к комоду, отвинтил декоративную планку и прикрепил её к передней части ящика (теперь меньших размеров), используя старые шурупы. Пазов в рамке больше нет, поэтому фанерное днище пришлось привернуть к рамке четырьмя меньшими шурупами, которые были найдены в пепле. Мы можем представить преступника, торопливо работающего из страха, что ему помешают, затем издавшего вздох облегчения, когда он прошёл через окно в третий раз, без сомнения срывая паути-

ну, только что сотканную нашим неутомимым пауком, который немедленно начнёт работу снова после ухода преступника. Вернёмся в последний раз к нашему ящику: он стал так легко ходить по направляющим, что следователи ничего не заметили. Только умный юный Джеймс заметил, как изменился ящик... себе на погибель.

– Шляпы долой в честь юного парня, это самое малое! – воскликнул Джон Сандерс. – Если мы поймаем этого дьявола, то в значительной степени благодаря ему.

Хёрст, который молчал во время объяснений друга, уверенно объявил:

– О, мы его возьмём! Это лишь вопрос времени, и теперь над головой у него висит Дамоклов меч.

Повисло гробовое молчание. Затем майор хмуро спросил:

– Но... вы знаете, кто это?

– Нет, мы просто уменьшили список подозреваемых.

– И что собираетесь делать теперь?

На румяном лице инспектора появилась лукавая улыбка, и он переглянулся с Твистом, прежде чем ответить:

– Это – наша тайна!

Приблизительно в миле от Ройстона по дороге из Вустера находится небольшая деревня, не привлекающая особого внимания. На узкой улице позади церкви располагается мастерская старого Джорджа, столяра, деятельность которого сильно свернулась, так как левая рука оказалась частично парализованной. Как следствие, он мог пользоваться ею с трудом и выполнял лишь относительно небольшие работы.

Инспектор Хёрст и доктор Твист заехали к нему как раз перед полуднем до встречи, которую они организовали в кабинете профессора. Он был последним столяром в списке, который они составили накануне, когда поняли, как убийца сбежал. Детективы решили, что столярные работы выполнены квалифицированным профессионалом; их не мог сделать любитель с простыми подручными средствами. А как только они определяют местонахождение столяра, у них будет описание убийцы и, возможно, даже его имя.

Звякнул колокольчик, и они вошли в мастерскую старого Джорджа, и вскоре после этого с любезной улыбкой появился маленький старик, вытирая руки о передник. Когда столяр отвечал на их вопрос, детективы затаили дыхание.

– Конечно, помню! Ещё и недели не прошло! Уменьшение ящика – такое заказывают не каждый день. И так не много! Я не мог надивиться, почему! Но клиент всегда

прав. Я даже предложил, что проще будет сделать новый ящик. Но нет, должно быть то же дерево. И ящик явно не был новым. Помню ли я, кто это был? Ну конечно...

Хёрст явно удивился, услышав имя, но доктор Твист просто улыбнулся. Детективы попросили, чтобы он держал их посещение в тайне и был начеку. Перед отъездом они заверили его, что вернутся во второй половине дня и дадут дальнейшие инструкции.

Они вернулись ко времени чая и из осторожности оставили автомобиль на другой улице. Гостиная столяра располагалась над мастерской, которая занимала почти весь первый этаж за исключением небольшой кухни и узкого коридора, ведущего к лестнице. Везде лежали доски, и комната напоминала лес, – мало мебели, но много мелких поделок. На стене висели гигантские часы с кукушкой.

Детективы объяснили хозяину ситуацию, которую он принял с явным удивлением.

– Слушайте, я не могу в это поверить!

– Факты есть факты, – вздохнул Хёрст. – Это – убийца, сомнений нет.

– И вы полагаете, моя жизнь в опасности?

– Да, потому что вы – единственный свидетель, который может указать на него. И он подозревает, что мы уже идём по его следу, поэтому станет действовать быстро.

– Но переделка ящика – ещё не доказательство...

– Косвенное доказательство, которое может много весить на весах правосудия. Но вы правы, мы предпочли бы поймать его за руку. Именно поэтому мы здесь.

– Таким образом, вы хотите организовать наблюдение, пока он не придёт?

– Да, и ждать долго не придётся, уж поверьте. Вероятно, он придёт ночью. Если это не стеснит вас, мы останемся

здесь в этой комнате. Кресла удобны, и мы можем меняться, как часовые. Помните, это для вашей собственной безопасности!

– Конечно, – неохотно признал маленький человечек. – Но я всё ещё не могу поверить... А что делать мне?

– Спите в своей спальне, как будто ничто не происходит. Мы позаботимся обо всём. Если кто-нибудь позвонит, вы должны спуститься и открыть дверь. Мы будем стоять непосредственно позади вас.

Когда кукушка прокуковала семь раз, детективы играли в шахматы на великолепной деревянной доске. Твист был в полном восторге:

– Какое удовольствие играть на такой великолепной поверхности, – заявил он, ставя шах королю противника. – Мне даже кажется, что на ней я лучше играю. А вы, Арчибальд?

Хёрст, непослушная прядь которого вновь упала на лоб, просто заворчал, рассматривая щекотливую позицию, в которую попал:

– Я начинаю задаваться вопросом, не подстроено ли что-то с этой доской!

– Подстроено? С доской? Как это возможно?

– Не знаю, но помню, что Бейтс и майор Бро долго клялись, что с окном ничего не подстроено. С такими штуками нужно держать ухо востро!

– Арчибальд, будьте серьезнее. Эти фигуры не двигаются сами собой.

– Тогда, чёрт бы всё побрал, объясните, почему я всегда проигрываю! Уже третий раз кряду.

Он ударил кулаком по доске, заставив подпрыгнуть не только фигуры, но и своего друга.

– Это проклятое ожидание действует мне на нервы. Уверен, именно поэтому я и играю так ужасно.

– А что если организовать что-нибудь поесть? – тактично предложил доктор Твист.

Глаза Хёрста широко открылись.

– Как у вас может быть аппетит в такое время?

– Мы должны поддерживать силы, если собираемся бодрствовать всю ночь.

– Но сейчас только семь часов!

– Очень хорошо, – вздохнул Твист. – Подождём ещё четверть часа.

Кукушка только что пропела восемь раз, когда старый Джордж подал Твисту шестой сэндвич.

– У меня кончился хлеб, мистер Твист. Недавно я ходил в магазин, но не предполагал... Правда, остались крекеры....

– Прекрасно, Джордж, – ответил Твист, поднимая стакан пива. – Я люблю эти маленькие печенюшки.

Час спустя оловянное блюдо опустело. Твист, подчистил его, не отрывая взгляда от шахматной доски. Хёрст, раздражённый успехами друга, был настроен отомстить и потребовал реванша.

Когда около десяти часов его друг объявил мат, Хёрст тяжело вздохнул, как паровоз, выпускающий пар.

– Наш друг всё ещё не пришёл, – сказал он, глядя на обычную лампу рядом с доской.

– Возможно, ждёт, пока в доме не погаснет свет?

Именно в эту минуту зазвонил дверной звонок. Друзья посмотрели друг на друга, оставаясь неподвижными, как статуи. Послышалось хлопанье двери, сопровождаемое шагами в коридоре, и появился старый Джордж в пижаме.

– Я только что лёг спать. Что я должен делать?

– Не говорите так громко! – зашипел Хёрст. – Делайте то, о чём мы договорились, и откройте дверь, а мы будем наблюдать за вами из коридора.

Дверной звонок зазвонил опять, уже настойчивей.

Хёрст поднял брови и жестом показал столяру, что он должен идти. Все заняли согласованные позиции, но визи-тёр оказался не тем, кого ждали. Когда Джордж объявил Хёрсту, что это к нему, полицейский приблизился и узнал одного из людей Уодделла.

– Сержант Салливан, если не ошибаюсь? – резко спросил он. – Что, чёрт возьми, вы здесь делаете?

– Шеф послал за вами.

– Уодделл? Но я сказал ему не беспокоить нас ни под каким предлогом, за исключением чрезвычайной ситуации.

– Должно быть, это именно она, сэр, – ответил молодой сержант, подавленный горячностью инспектора из Скотланд-Ярда. – Он только что вернулся со встречи со школьным учителем и приказал, чтобы я попросил вас следовать за мной. Он хочет поговорить с вами и утверждает, что дело безотлагательно.

Повисло молчание. Хёрст сделал шаг вперёд, всматриваясь в тёмную улицу, и спросил:

– Как вы добрались сюда?

– На машине, сэр. Но я оставил её дальше на улице, как велел шеф.

Инспектор посмотрел на своего друга и спросил:

– Могу я вас оставить одного на час, Твист?

– Езжайте, – ответил детектив, похлопывая себя по карману. Мой «Смит-энд-Вессон» успокоит самого мстительного духа.

– Всё равно, не играйте в ковбоев.

– Это совсем не по моей части, – с улыбкой ответил его друг. – Но будьте осторожны сами. Будет катастрофой, если убийца увидит, как вы пересекаете улицу. Он тут же заподозрит ловушку!

Хёрст, заверяя, что он – сама осмотрительность, ушёл вместе с сержантом. Когда они, крадучись, двинулись по

улице, Твист подумал, что их заговорщический вид скорее пробудит подозрения у преступника, чем если бы они бежали как зайцы. Когда они полностью растворились в темноте, Твист пожал плечами и последовал за Джорджем, который затем вернулся к себе в комнату.

Оказавшись снова в гостиной, Твист выключил свет, резко упал в кресло и стал ждать. Он не чувствовал усталости, но темнота и тишина начали действовать на нервы. Настойчивое тиканье маятника словно вело обратный отсчёт до решающего момента. Его собственное дыхание казалось более шумным, как будто рядом сидел незнакомец. И когда кукушка начала куковать одиннадцать часов, её звуки показались столь же громкими, как звон Биг-Бена.

Как только стихло последнее «ку-ку», вновь наступила тишина. Тягучая, давящая тишина, которая, по всей вероятности, будет тянуться до следующего часа. Хёрст всё ещё не вернулся, несмотря на обещание.

Если по совести, этого и следовало ожидать. Только сама поездка в Вустер и обратно занимает час, не считая всяких дел. В любом случае его возвращение не будет шумным. Он действовал бы скрытно, как убийца, осторожно открыв парадную дверь, которая была незаперта. Он шёл бы медленно, чтобы половицы не скрипели, и не зажигал бы свет. Он пересёк бы мастерскую, нащупывая дорогу в темноте, пока не вышел в узкий коридор... Тогда, возможно, он мог бы включить свет, произведя щелчок, как этот странный звук, который только что донёсся с первого этажа. Затем он стал бы подниматься по лестнице, ступенька за ступенькой. Независимо от того, насколько он осторожен, они начнут немного поскрипывать...

Внезапно по спине прошла ледяная дрожь. Он услышал скрип лестницы и инстинктивно понял, что это не Хёрст.

Так... это, должно быть, убийца. Да, сомнений нет.

В течение нескольких секунд он не двигался. Близость убийцы почти в полной темноте сильно его смутила. Однако он должен действовать быстро, чтобы предупредить старого Джорджа об опасности, не ставя под угрозу их план. Опасность была слишком неотвратимой, чтобы действовать тонко. Твист сильно толкнул лампу, стоящую рядом с ним, и она с грохотом упала около шкафа.

Реакция старого Джорджа была молниеносной. Он проснулся с приглушённым восклицанием, спросил, что происходит, включил свет и открыл дверь спальни.

С места, где он стоял, Твист видел только прямоугольник света на полу гостиной, проникающий через полуоткрытую дверь. Он услышал, как столяр произнёс:

– О, это вы! Что вы здесь делаете?

Голос, который ответил, был тем, который Твист ожидал, но это не остановило ледяную дрожь, бегущую по его жилам.

– О, мистер Джордж, пожалуйста, извините меня. Звонок, кажется, не работает, так как не было никакого ответа... Но так как дверь была открыта...

– Вы знаете, который час?

– Знаю, мистер Джордж, но раньше приехать было невозможно... у нас был трудный день... И я хочу расплатиться с вами за работу, которую вы сделали для меня на днях.

– Ящик?

– Да.

– Разве это не могло подождать?

– Ну, знаете, говорят: «Короче долг – крепче дружба».

Но скажите, это вы подняли такой шум?

– Гм, нет... Я имею в виду, да.

– Но казалось, он донёсся из этой комнаты.

– Вряд ли. Там нет никого.

– Вы уверены? Давайте посмотрим. С этими грабителями никогда не знаешь. В наши дни осторожность лишней не бывает.

Твист понял, что его план потерпел неудачу. Убийца не собирался попасться на месте преступления, даже при том, что его приход в столь поздний час был ещё одним свидетельством против него. Всё, что оставалось, это разыграть последнюю карту, хотя и с риском: заставить противника сделать ошибку.

После того, как удивлённое лицо визитёра появилось на свету, время словно ускорило. Детектив, притворяясь спокойным, открыл было рот, чтобы иронично приветствовать убийцу, но последний, мгновенно поняв, что оказался в ловушке, выхватил из кармана маленький револьвер и прицелился.

С реакцией, неожиданно быстрой для человека его возраста, старый Джордж, несмотря на то, что побелел от страха, немедленно выключил свет. Во внезапной темноте у Твиста осталось лишь время броситься в сторону, услышав, как пуля просвистела около уха. Убийца выстрелил вторично, но тоже промазал. Твист в ответ выстрелил в потолок, чтобы отвлечь преступника и тот не стал бы атаковать старого Джорджа. Прозвучало ещё несколько оглушительных выстрелов вслепую, при этом детектив отчаянно прыгал с места на место, сваливая мебель в кучу, чтобы помешать преследователю. Вспышки от выстрелов на мгновение освещали комнату. Внезапно с улицы раздался знакомый голос инспектора Хёрста:

– Твист, Бога ради, что происходит? Держитесь, мы входим!

Раздался треск открываемой парадной двери, сопровождаемый быстрыми шагами по лестнице, а затем вспыхнул свет в коридоре, давая слабое освещение и в гостиной. Выдающийся детектив увидел убийцу: пугающая улыбка,

глаза, горящие ненавистью, и револьвер, направленный прямо на него. Палец потянул за спусковой крючок, но раздался лишь негромкий щелчок – патроны закончились.

Послышалась тяжёлая поступь полицейских, словно стада слонов, и убийца бросился к окну. Раздался звон бьющегося стекла, и в этот момент в комнату ворвался Хёрст, размахивая автоматическим пистолетом и крича:

– Никому не двигаться!

Как только он увидел Твиста и разбитое окно, то круто развернулся и врезался в сержанта, который бежал за ним по пятам.

Оказавшись снаружи, он осторожно направил фонарик на неподвижное тело на тротуаре, держа пистолет в другой руке. Твист, который только что присоединился к нему вместе с сержантом, встал на колени, чтобы осмотреть тело. Проверив пульс, он объявил:

– Только обморок. Но надевайте наручники побыстрее, Арчибальд. Это – очень хитрый преступник. Однажды меня уже застал врасплох!

– Я просил, чтобы вы не играли в ковбоя, а наблюдали, что происходит. Сейчас, благодаря вам, перебужены все соседи. Все окна горят!

– Я испугался так, как никогда в жизни, Арчибальд.

– Да при таком шуме думаете, я не волновался за вас?

– И всё это из-за него? – спросил Салливан, наклоняясь над безжизненным телом. – Но... разве это не красавица мисс Пенелопа?

ЭПИЛОГ

– Думаю, это последние тёплые дни в нынешнем году, – сказал майор Бро, стоя в открытых дверях террасы и глядя в небо.

– Вы читали прогноз погоды? – спросил доктор Хьюз, сидящий за столом в гостиной в компании двух детективов, – или вчерашняя сильная гроза заставляет вас считать, что перемена неизбежна?

– Гроза была сильной, да. Напугала всех, священник даже изменил речь на похоронах.

Твист вспомнил похороны Фредерика Фостера и маленького Джеймса. Когда вышли из церкви, светило солнце, и ливень налетел настолько внезапно, что священник прервал хвалебную речь, чтобы укоризненно посмотреть на небо, а затем начал тираду о позоре, который ниспослан на Ройстон за совершённые преступления, в особенности убийство маленького ребёнка.

– Нет, дело не в этом, – ответил майор. – У меня есть личный барометр, чудо точности – я привёз его из Судана.

– Ваша больная нога? – рискнул предположить Твист.

– Именно. Она способна предсказывать погоду точнее, чем любой синоптик, хотя это и мучительно, должен признать. Ничто от вас не укроется, мистер Твист. Ваши дедуктивные способности кажутся безграничными.

Детектив улыбнулся, и улыбка его стала ещё шире, когда вошла Шарлотта с подносом, на котором стоял графин с портвейном и блюдо с птифурами.

– Это было легко, – сказал он, как только горничная вышла.

– Да, но я больше думал об ужасных событиях, которые только что произошли. Ваше объяснение трюка с ящиком было абсолютно блестящим. Но что привело вас к личности преступницы и роли, которую она играла в жизни профессора?

Твист огляделся.

– Я рад, что миссис Фостер здесь нет, потому что так мне легче ответить.

– Она отдыхает в своей спальне, – сказал доктор. – Можете не спешить, доктор Твист.

– Как она, между прочим?

– Вполне хорошо. Очевидно, она всё ещё потрясена смертью племянника, но... – Он сделал паузу и откашлялся. – Мы собираемся пожениться. Это, конечно, не сюрприз, но произойдёт скоро.

– Мои поздравления! Это приятная новость! – воскликнул доктор Твист.

– Я лишь надеюсь, что на сей раз не будет никаких неожиданностей, – сказал Пол, выглядя немного смущённым.

– Всё будет хорошо, вот увидите, – пообещал детектив.

– Как вы можете быть настолько уверены?

– Благодаря своему собственному личному барометру, как у майора.

С этими словами он провозгласил тост за счастье влюблённой пары, после чего майор спросил доктора Твиста, как он пришёл к окончательным выводам о деле.

– К сожалению, – начал детектив, – мы получили доказательства моих подозрений лишь в ночь нашей ловушки, не так ли, Арчибальд?

Инспектор Скотланд-Ярда кивнул.

– Наш друг Уодделл только что побеседовал с коллегой профессора Фостера, который был хорошо с ним знаком и знал о его старой интрижке. Когда он дал ему имя моло-

дой секретарши, обольстившей преподавателя... Мисс Пенелопа Эллис... У Уодделла вся кровь застыла в жилах. Он немедленно послал одного из своих чиновников, чтобы предупредить меня, затем сам приехал в «Чёрный дом» около десяти часов, как вы знаете, но Пенелопы здесь не было. Я вернулся в мастерскую столяра и сначала шёл осторожно, но перестрелка, разбудившая всю деревню, заставила меня понять, что убийца сделал новый шаг.

– Но что заставило вас подозревать её? – упорствовал майор.

– Как только тайна ящика была раскрыта, – объяснил Твист, – список подозреваемых резко сократился. Майор и Шарлотта Бейтс исключались из-за фактора времени. Сам Бейтс тоже, хотя и в меньшей степени, как и Джеймс, который спустился с верхнего этажа. Вы, доктор Хьюз, прибыли во время преступления. Вы позвонили в дверь, согласно свидетелям, через тридцать секунд или минуту после выстрела. Вам было бы трудно всё проделать, но не невозможно. Однако больше всего подходили несомненно миссис Фостер и Пенелопа, у которых в распоряжении была минута. Плохое зрение первой исключало её. Она, конечно, могла обежать дом и вернуться в гостиную через террасу, потому что знала дорогу наизусть, но выполнить само преступление не могла. Поэтому Пенелопа безусловно была наилучшим кандидатом в преступники. Она сделала вид, что вышла из ванной, что вполне правдоподобно, так как ванная расположена на первом этаже недалеко от кабинета. Всё, что требовалось, это оставить окно открытым, чтобы вернуться в мгновение ока. И преступница оценила это...

– Так же, как поняла, что лишь профессионал может подогнать размеры ящика, – с улыбкой добавил Хёрст.

– Вы об этом заявили во всеуслышание, не так ли? – спросил майор.

– Да, и она заглотнула наживку, – продолжал Твист. – Она была очень крупной рыбой... несмотря на тонкую талию.

– Тонкую талию, которая ранее обольстила профессора?

– Точно. Первое, что нужно понять, ей не двадцать один, а года на четыре больше. Её красота и юная непосредственность одурачили вас даже тогда, когда она впервые приехала сюда и заявила, что ей восемнадцать. Мои первые подозрения, что здесь что-то не так, появились тогда, когда я узнал, что две неприкаянные души оказались в «Чёрном доме» после потери родителей, а именно, Джеймс и мисс Эллис. Такое случается, конечно, но мне показалось чрезмерным. Затем я заметил, что внезапная готовность профессора Фостера вновь чаще проводить время дома, преданность семье и желание вернуться на прямую дорожку после ухода из школы, где у него была любовница, совпала с приездом в дом Пенелопы за год до его отъезда в Бразилию. Я не остановился бы на этом, если бы не было других любопытных мелочей. Казалось нормальным, что, будучи её «крёстным отцом», он беспокоится из-за её ночных гуляний, но следить за ней всю ночь – это уже слишком! В особенности меня поразил инцидент и проколотыми шинами, о котором у самой Пенелопы хватило нахальства мне рассказать. Именно тогда я сказал себе: «Хорошенького понемножку!»

Твист сделал паузу, чтобы пригубить портвейн и проглотить птифур.

– Уловки, которыми пользуются любовники, чтобы скрыть свои дела, редко меняются. В основном имеются два способа. Первое: быть осторожным настолько это возможно, и притворяться, что они не знают друг друга. Второе: притворяться врагами и ссориться открыто. Должен признать, что, используя второй способ, наши любовники играли свою роль в совершенстве. Она была бесстыдной

девицей, которая чуть-чего дулась; он был старомодным дядюшкой, который распекал её и часто отправлялся на её поиски, иногда на всю ночь. Очевидно, это время они и проводили вместе.

– Я был, наверное, слишком занят Рут, чтобы заметить их игру, – вздохнул доктор Хьюз. – Но зачем эти увёртки?

– Поскольку профессор Фостер чувствовал, что его брак под угрозой. Он не хотел бросать жену, но в то же время желал, чтобы любовница была под боком. Он оказался буквально околдован юной Пенелопой, что физически совершенно понятно. Откровенно говоря, думаю, что именно она была заводилой всего, хотя у меня нет никаких доказательств. И полагаю, что её больше интересовало его состояние, чем прекрасные голубые глаза. Полное расследование её прошлого рассказало бы о ней больше, но её эгоизм был очевиден для всех, в особенности для вашей соседки Барбары, которая была убеждена, что именно она – убийца.

Подробности, которые мисс Эллис сообщила о себе, были совершенно правильными, например имя её покойного отца, Чарльз. Но он никогда не был близким другом Фостера, фактически вообще не был другом. История о крёстном была... как бы это сказать... чистой фантазией, а её обращение к Фостеру как «дядя Фред» было лишь частью спектакля. Её флирт направо и налево также был превосходным прикрытием, даже при том, что несомненно она действительно время от времени добавляла лёгкий реализм, чтобы держать поклонника на поводке, – в конечном счёте это вызвало у Фостера ревность. Если в этом состояла её цель, всё работало отлично, потому что возлюбленный изнывал от страсти и ревновал.

Наконец, в один прекрасный день Фостер устал от неё и их связи. Или, если точнее, он не знал, куда податься, чувствуя всё большее раскаяние перед женой. Поскольку

он признался ей незадолго до смерти, мы знаем, почему он уехал, даже при том, что он держал в секрете имя любовницы. Не буду перечислять различную реакцию на его «воскрешение» – смесь муки и радости – за исключением реакции Пенелопы, «верной Пенелопы», как с иронией мы можем говорить о ней. Она жила как королева после добровольной ссылки её любовника и, готов поклясться, не пролила ни единой слезинки, услышав об обнаружении его тела после «первой смерти». Она выигрывала от его смерти, как протезе покойного. Её жизнерадостность и открытость позволили ей наслаждаться незаслуженной финансовой независимостью. Не знаю, в чём состояли её планы, но очевидно, у неё не было никаких намерений лишиться того, что она считала своим. А затем вновь появляется Фостер и собирается воссоединиться с женой. У нас пока нет признания, но...

– Она потеряла память? – внезапно спросил доктор Хьюз.

– Потеряла память? – усмехнулся Хёрст. – Не смешите меня. Эта уловка – её последнее средство, раз она знает, что, как говорится, гусь испёкся. Я не врач, но знаю, что она потеряла память не больше, чем вы или я!

– Тем не менее, она действительно разбилась, выбросившись из окна.

– Это правда, и теперь у неё перелом таза. Но поверьте, никакая травма, актёрство или так называемая потеря памяти не позволит ей уйти от правосудия.

– Итак, – продолжил Твист, – мы вынуждены гадать о мотивах её действий. Но факты говорят сами за себя. Фостер, должно быть, незадолго до смерти сказал, что ей здесь больше не рады, и отчитал за неприемлемый образ жизни. И он, вероятно, на этом не остановился. Даже при том, что он больше не был ревнив, её дикий образ жизни силь-

но его раздражал. Он указал ей на дверь, требуя, чтобы она уехала побыстрее и не устраивала сцен. Пенелопа, должно быть, поняла окончательность его решения, которым он подписал себе смертный приговор. Она слишком привыкла к роскоши, чтобы рисковать и пускаться в новую жизнь со всей её неустроенностью и неприятными сюрпризами. Возможно, если бы она встретила богатого и красивого молодого человека, то её реакция была бы другой. Это побуждает меня задать вам вопрос, доктор Хьюз: не делала ли она вам каких-либо авансов?

– Авансов? – эхом отозвался удивлённый доктор. – Мне? Но она знала, что я хочу жениться на Рут.

– Возможно, не прямых авансов. Подумайте хорошенько... Поскольку меня не удивило бы, если бы с вашей будущей супругой произошёл несчастный случай со смертельным исходом, как с Джеймсом.

– Не хотите ли вы сказать...

– Это очень логично. Тем путём она, наконец, получила бы состояние Фостера через миссис Фостер и вас.

Шея Пола Хьюза вспотела под воротником, когда он вспомнил недавний разговор с молодой женщиной.

– Теперь, когда вы сказали... это вполне возможно. Тем вечером я увидел её в другом свете. Она говорила со мной о защищённости, которой у неё никогда не было и которую не обрести у её нынешних друзей. Какая чудовищная мысль... Даже боюсь подумать...

– Это – ваше дело, доктор Хьюз. В любом случае это уже ничего не меняет.

– Итак, если я правильно понял, – поинтересовался майор, – это она украдала досье с отпечатками пальцев?

– Естественно.

– И поэтому организовала инцидент с пауками, даже при том, что ужасно их боялась?

– Ещё один способ отвести подозрения. Учитывая, что эти пауки не были ядовитыми, их можно было поместить в маленький пакет, но согласен – для неё это было самым страшным испытанием. Думаю, она надела толстые перчатки. А чтобы выпустить их, всё, что ей нужно было сделать, это опустить открытые пакеты на пол, немного подождать, а затем закричать, что один из пауков пробежал по её ноге. Из того, что мне говорили, тем вечером, она была в босоножках. Готов держать пари, что в одну из них она вставила иглу. Осторожный удар по ноге миссис Фостер, чтобы та вскрикнула, – это нетрудно. Я уже объяснил, почему она хотела, чтобы мы полагали, будто Фостер был самозванцем: поддержать мысль о самоубийстве – позицию, которую она защищала, когда мы её допрашивали. Думаю, это охватывает всё.

Майор недоверчиво покачал головой:

– Есть ещё кое-что странное в её трюке с выходом из комнаты. С момента, как я услышал ваши блестящие рассуждения, я задавался вопросом...

– ...Что-то о ящике? – поинтересовался Твист.

– Да. Какого дьявола она взяла тот – из комода? Вместо того, чтобы попросить, чтобы столяр переделал его, почему просто не заказать новую рамку?

– У неё не было выбора. Помните, я привлёк ваше внимание к одинаковой древесине в оконной раме и в ящике. Вначале она просто заметила это совпадение, как и размеры ящика. Именно это подало ей мысль о трюке. Изготовление новой рамки не рассматривалось, поскольку такая рамка выделялась бы на фоне окна, как нос у вас на лице. Именно поэтому она отклонила предложение старого Джорджа, как он нам и сообщил. Это повлекло бы за собой специальную обработку новой конструкции, которую старик, впрочем, вполне мог сделать. Идеальным для него

было бы приехать в дом, но, очевидно, это не рассматривалось. Дать ему ящик в качестве образца – это заняло бы слишком много времени, которого у неё не было. Она спешила заставить любовника замолчать из страха, что он расскажет тайну жене и это нарушит все планы. Именно поэтому она выбрала простую переделку.

– Но на изготовление рамки требуется лишь пара часов.

– Пара часов? – удивлённо повторил детектив. – Требуется целый день, чтобы высох слой лака. А их нужно несколько, чтобы получить желательный оттенок. Но дело обстоит ещё хуже: лак напоминает свежую краску...

– Запах! – воскликнул доктор Хьюз.

– Да, сильный запах, который невозможно скрыть и который сохраняется несколько дней, если не недель. А это сразу укажет на постановочность сцены! Как могли бы не заметить его свидетели, уткнувшиеся носами в паутину?

Майор улыбнулся и кивнул:

– У вас есть ответы на всё, доктор Твист, – заметил он. – Но осталась одна тайна. Почему Фостер назвал своего паука Пенелопой? Из-за её качеств пряжи, как у жены Одиссея? Из-за «неверности жены», в насмешку? Или это прямой намёк на настоящую Пенелопу и её непостоянство?

– Возможно, всего понемножку, – задумался Твист. – Он, вероятно, решил, что такая двусмысленность забавна. И это, возможно, решило его судьбу. Поскольку, если бы он дал ей другое имя, у убийцы, возможно, не возникло бы мысли о трюке с ящиком. И в то же самое время он невольно указал на преступницу заранее. Даже она не подумала об этом, потому что, видите ли, «Чёрная вдова» из фольклора, – паук-убийца, который соткал паутину зла в этой огромной неразберихе, – это, очевидно, сама Пенелопа. Таким образом, полотно Пенелопы даёт нам ключ к разгадке преступления и даже имя преступника...

– Каким очевидным кажется всё при ретроспективном взгляде, – вздохнул майор.

– Должен признаться, что после того, как я начал догадываться, я не мог избавиться от видения тёмного паука, прячущегося в углу шёлковой сети – это тоже мешало мне думать. Я провёл расследование с предубеждением, которое, к счастью, оказалось правильным.

Доктор Твист на мгновение замолчал, а затем мрачно добавил:

– Видение тем более яркое, что я не могу забыть ту ночь, когда мы заманили её в ловушку в мастерской столяра, её взгляд, когда она направила револьвер на меня в последний раз. Жестокий блеск в её глазах, взъерошенные тёмные волосы и аромат ненависти, который она источала... Я действительно видел перед собой паука-убийцу!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
Записка.....	7
Глава 2	
Возвращение Одиссея.....	15
Глава 3	
Верная Пенелопа.....	20
Глава 4	
Паук на свободе... к хорошей погоде?.....	25
Глава 5	
Фотография.....	33
Глава 6	
Странное сходство.....	39
Глава 7	
Дверь открывается.....	43
Глава 8	
Портфель.....	50
Глава 9	
Гнев Одиссея.....	57
Глава 10	
Полотно Пенелопы.....	64
Глава 11	
Инспектор Хёрст не любит самоубийств.....	70
Глава 12	
Алиби.....	77
Глава 13	
Кто же убитый?.....	83
Глава 14	
Приклеенный волос и спущенные шины.....	90

Глава 15	
История с лилипутами.....	96
Глава 16	
Клятва Гиппократы.....	102
Глава 17	
Рассказывает вдова.....	109
Глава 18	
Конец Гулливера.....	114
Глава 19	
Хёрст строит домики.....	120
Глава 20	
Верёвка и ящики.....	126
Глава 21	
Две гарпии.....	134
Глава 22	
Как пройти сквозь паутину.....	141
Глава 23	
Шаги на лестнице.....	151
Эпилог	160

Литературно-художественное издание

16+

Поль Альтер
Полотно Пенелопы

Гарнитура Cambria

© Перевод. Николай Баженов, 2021